

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Рубин Владимир Александрович

ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК РЕСУРС РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ:
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПРАКТИКА

24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени
доктора культурологии

Научный консультант:
Шуб Мария Львовна
доктор культурологии,
доцент

Челябинск – 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Теоретико-методологические основания изучения военно-мемориального наследия России	35
1.1. Военно-мемориальное наследие: сущностные параметры и основные этапы эволюции теоретико-понятийного базиса	35
1.2. Опыт изучения феномена военно-мемориального наследия в пространстве гуманитарного знания.....	55
Глава II. Государственная политика России в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия: основные исторические этапы.....	79
2.1. Становление российской государственной политики в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия в дореволюционный период (XI – начало XX в.)	79
2.2. Военно-мемориальное наследие и его сохранение в условиях государственной культурной политики советской эпохи.....	101
2.3. Сохранение военно-мемориального наследия России в постсоветский период: основные формы и тренды.....	124
Глава III. Военно-мемориальное наследие в пространстве актуальной российской культурной политики: проблемы и пути их решения.....	143
3.1. Специфика сохранения, охраны и использования объектов военно-мемориального наследия в условиях современной российской культурной политики.....	143
3.2. Диагностика военно-мемориального наследия как актуальная задача культурной политики: методико-инструментальные основания.....	168
3.3. Региональный опыт реализации культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия (на примере Оренбургской области).....	185
Заключение	226
Список литературы	241
Приложения	290

Введение

Актуальность темы исследования.

Значимость изучения военно-мемориального наследия, и как ресурса культурной политики, и как базового элемента культурной памяти, обусловлена, на наш взгляд, несколькими причинами.

Во-первых, последние несколько лет в пространстве мемориальных исследований и шире – гуманитарного знания все более остро встает вопрос о ревизии существующей парадигмы культурной памяти, о необходимости пересмотра ее ценностных оснований, стратегических задач, их адаптации к условиям стремительно меняющейся действительности. А. Ассман, одна из основоположников *memory-studies*, назвала такую эпистемологическую ситуацию «новым недовольством мемориальной культурой» [81].

Актуализация такого рода «недовольства» связана прежде всего с завершением «эпохи очевидцев», которые до сих пор играли роль темпоральных посредников, служили мостом между историей как личным опытом и просто «дидактическим материалом», выступали носителями «коммуникативной памяти» (Я. Ассман) и традиционных механизмов ее передачи. По мнению А. Ассман, в условиях актуальных реалий существующий и апробированный в прошлом опыт реализации политики памяти более не способен нивелировать «агрессию современников к той памяти, которая заслуживает почитания и уважения» [81, с. 74].

Таким образом, наметившийся мемориальный разворот ставит перед современной гуманитаристикой вопрос о необходимости выработки новой парадигмы социокультурного освоения прошлого в условиях, во-первых, кризиса идентичности (или «всех типов и видов идентичностей», по словам Э. Хобсбаума), а во-вторых, кризиса мемориальной коммуникации (физического исчезновения непосредственных носителей «живой» коммуникативной памяти о наиболее значимых событиях прошлого).

Автор представленного исследования не претендует на выработку такого рода парадигмы, ставя перед собой более локальные цели, – прежде всего демонстрацию возможностей использования созидательного потенциала военно-мемориального наследия как инструмента политики памяти, как механизма «гармонизации отношений истории и актуальности, основы построения диалогического контакта прошлого и настоящего» [222, с. 295] в условиях актуальной российской культуры.

Во-вторых, военно-мемориальное наследие может выступать одним из оснований укрепления «новой российской идентичности» (Е.М. Малышева), большую роль в структуре которой играет позитивизация прошлого в целом и военного прошлого в частности, позиционирование его как опыта великих побед, выходящих нередко по своему значению за территориальные границы российского государства.

Действительно, исторический путь России теснейшим образом связан с ее военной историей. За период с IX по начало XXI века наша страна приняла участие в более чем 70 войнах и локальных вооруженных конфликтах [544]. За пределами России на территории 51 иностранного государства находятся 22 637 российских воинских захоронений, которые относятся к различным периодам российской истории [230].

Историк В. А. Золотарев убежден, что уважительное отношение к воинам является ядром национальной идентичности и самосознания российского народа: «России, как никакой другой стране мира, уже в силу своего евроазиатского геополитического положения приходилось в течение более чем тысячи лет выдерживать военный натиск с севера и с юга, с запада и с востока...» [203].

По мнению И. А. Калинина, роль монументального искусства (и военно-мемориального в том числе) в формировании российской национальной идеи, которую исследователь назвал «ностальгической модернизацией», достаточно велика и сводится к «нейтрализующей деконтекстуализации», «преодолению исторического напряжения,

осуществляемому благодаря серийному воспроизведению его символов» [546].

По мысли А. Лихачевой и И. Макарова, озвученной ими в докладе дискуссионного клуба «Валдай», изучение, сохранение, популяризация военно-мемориального наследия в контексте формирования новой российской идентичности могут быть чрезвычайно полезны в связи с необходимостью персонификации истории, формирования «Пантеона героев», весомое место в котором должны занять «защитники и герои сражений» [192].

В-третьих, актуальный социокультурный статус военно-мемориального наследия (отношение к нему государства, различных социальных сил, населения в целом) во многом позволяет зафиксировать и осмыслить содержание актуальных мемориальных и шире – общекультурных трендов: причины и сущность дискуссий относительно прошлого, точки наибольшей исторической непримиримости, возможные формы преодоления или нивелирования социального напряжения и пр.

По словам И. А. Калинина, «в одних местах памятники становятся жертвами религиозно-фундаменталистской одержимости, враждебной к чужой культуре, да и к культуре как таковой. В других – их разрушение предьявляется как доказательство освобождения от чужеродного имперского владычества. В третьих – памятники становятся местами, концентрирующими на себе стремление элиты не допустить изменения существующего порядка» [158].

В-четвертых, в Российской Федерации в конце XX – начале XXI столетия начала складываться особая культурная политика в сферах учета, сохранения, государственной охраны, использования и популяризации военно-мемориального наследия. Причины и закономерности особенного отношения государства и российского народа к военно-исторической памяти, активизации процесса сохранения военно-мемориального наследия обусловлены как историческим процессом (Россия – исторически военная

держава), так и поиском ресурсов для укрепления государственности, общественно-политического и социокультурного развития страны.

Однако при всей очевидной и признаваемой значимости включения военно-мемориального наследия в зону активности современной российской культурной политики в данной сфере фиксируются серьезные, если не сказать системные проблемы. Скажем, военно-мемориальное наследие не имеет единого органа управления, как бы стоит особняком среди иных видов культурного наследия, что позволяет говорить о его слабой интегрированности в процессы государственной культурной политики. Российские региональные органы государственной власти не имеют правовых полномочий по увековечению памяти погибших защитников Отечества, а муниципальная власть лишена материальных возможностей для сохранения военных мемориалов.

За последние несколько лет можно привести немало случаев, демонстрирующих попустительское со стороны государства и варварское со стороны частного бизнеса отношение к объектам военно-мемориального наследия: уничтожение памятника изобретателям легендарной «Катюши» в Воронеже в 2018 году собственниками предприятия, на котором он располагался [135]; уничтожение строительной компанией «Мортон» госпиталя Красного Креста на Красноказарменной улице в Москве в 2015-м г. [304]; снос военного кладбища в г. Новозыбкове Брянской области в 2020 году и другие [255].

При этом в России патриотизм объявлен основой российской духовности. Президент Российской Федерации В. В. Путин считает, что именно патриотизм может защитить Россию от попыток влияния извне на культурное самосознание нации [543].

Такая позиция закреплена и в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан в Российской Федерации», которая реализуется с 2001 года по настоящее время. Военно-мемориальное наследие нередко объявляется важнейшим ресурсом патриотического воспитания. Так,

30 ноября 2010 г. в Послании Федеральному Собранию Президент России Д. А. Медведев, излагая свою позицию по развитию социальной сферы, произнес следующее: «Больше внимания нужно уделять патриотическому воспитанию молодежи... Я давал правительству поручение привести в порядок воинские памятники. У нас еще не все с этим благополучно. Все власти должны заниматься этим постоянно» [394]. Президент Российской Федерации В.В. Путин на 39-м заседании Российского организационного комитета «Победа» 21 апреля 2017 года отмечал, что «органы власти обязаны отстаивать объективное отношение к истории, вести постоянную работу в части патриотического воспитания, заботиться о благоустройстве мемориалов как у нас в стране, так и за рубежом, жестко реагировать на случаи вандализма» [202].

Приведенные факты фиксируют противоречие между реально складывающейся ситуацией в сфере военно-мемориального наследия и той ролью, которая отводится ему в различных государственных программных документах.

Востребованность настоящего исследования заключается как в теоретической концептуализации феномена военно-мемориального наследия, введении данного понятия в терминологический аппарат культурологии, так и в решении прикладных вопросов: разработке методики диагностики объектов военно-мемориального наследия, его учета, сохранения, охраны и пр.; предложений по оптимизации места и роли военно-мемориального наследия в отечественной системе управления, законодательстве, более глубокой интеграции военно-мемориального наследия в процессы государственной культурной политики.

Выполненное соискателем научное исследование, проанализированный управленческий опыт и конкретные предложения позволят привлечь внимание органов власти к необходимости совершенствования и активизации культурной политики в сфере сохранения, государственной охраны, использования и популяризации военно-мемориального наследия.

Степень научной разработанности проблемы.

Исследование сохранения отечественного военно-мемориального наследия предполагает междисциплинарный характер анализа и изучения научных работ и источников из различных гуманитарных областей – культурологии, истории, философии, юриспруденции, искусствоведения.

Научные труды по теме диссертации условно можно разделить на несколько тематических блоков.

Военно-мемориальное наследие в контексте диссертационного исследования рассматривалось как инструмент и форма визуализации исторической памяти. Наиболее значимыми в этой связи выступили концепции А. Мегилла [294], понимавшего под исторической памятью совокупность воспоминаний участников исторических событий, зафиксированных и репрезентуемых в различного рода культурных нарративах, служащих основанием исторического исследования.

Вопросы соотношения памяти и истории, исторической памяти и исторической науки, механизмов эмоционально-чувственного постижения памяти и осмысления исторического прошлого в рамках жесткой гносеологической матрицы рассматривались Й. Рюзенем [427].

В трудах П. Нора [326] историческая память выступает антагонистом социальной памяти. Первая – «настоящая», синкретичная, нерелекторная, иррациональная, всеобъемлющая, по его мнению, свойственна архаическим, традиционным сообществам. Вторая (искусственная и рациональная) – исключительно современности.

Структурно-функциональный подход к исторической памяти как совокупности различных элементов (факты, слухи, искаженные исторические знания и пр.), выполняющих значимые социокультурные функции (идентификации, интеграции, адаптации и пр.), реализовывали в своих трудах российские исследователи – А. В. Полетаев [405], Л. П. Репина [404], И. М. Савельева [405] и М. В. Соколова [214].

Историческая память – это искусственный конструкт, являющийся продуктом государственной политики памяти. Данный феномен стал предметом изучения целого ряда зарубежных и российских авторов: Т. Адорно [68], Д. А. Аникина [76], Г. А. Бордюгова [120], В. М. Бухараева [119], Е. Е. Вяземского [163], Е. А. Ильинской [210], О. Б. Леонтьевой [270], А. Миллера [302], Ю. Шеррер [523]. Несмотря на то, что все авторы рассматривали феномен политики памяти с различных позиций, все они признают, что политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации образа прошлого с помощью разнообразных вербальных и визуальных средств, то есть с помощью коммеморативных практик.

К вопросам, связанным со спецификой политики памяти в отношении Великой Отечественной войны, с причинами формирования особого «мифа о войне» и социокультурных последствиях его популяризации, обращались И. А. Калинин [224], Н. Е. Копосов [246], И. И. Курилла [260] и др.

Политика памяти является одним из направлений культурной политики в целом. Данная проблематика не рассматривалась нами в концентрированном виде, но спорадически локализовывалась во всех структурных единицах работы. Особое значение для нашего исследования представляли работы по теории и методологии культурной политики (А. С. Балакшин [86], Л. Е. Востряков [160]), специфике ее планирования и реализации в условиях социокультурных трансформаций и сдвигов (О. Н. Астафьева [83], Т. Г. Богатырева [102], И. И. Горлова [179], К. Э. Разлогов [300], С. Б. Синецкий [444], А. Я. Флиер [498]), роли и технологиям экспертно-аналитической деятельности как условию повышения эффективности культурной политики (Г. А. Аванесова [84], А. В. Агошков [65], О. Н. Астафьева, А. П. Садохин [430], Е. А. Сайко [431], В. П. Шестаков [524]).

Феномен коммеморации рассматривался Ф. Арьесом [80], Я. Ассман [82], Л. Иониным [211], А. Мегиллом, Л. Мильорати [303], Л. Мори [303],

П. Нора, А. Святославским [441], П. Хаттоном [507], Э. Хобсбаумом [508], Д. Шерман [541] и целым рядом других исследователей.

Л. Г. Ионин изучал коммеморацию как «культурную инсценировку», А. Мегилл – «форму объективации исторической памяти», П. Нора – «места памяти», Э. Хобсбаум – «изобретенную традицию». Однако все ученые сходятся, во-первых, в признании ее искусственного, институционального характера, во-вторых, в понимании ее природы как реакции на утраченную роль традиции в качестве основного механизма межпоколенной коммуникации и, в-третьих, в интерпретации ее как инструмента визуализации содержания исторической памяти, представляемого значимым и ценным для той или иной социальной общности.

Коммеморативные практики являются важнейшей, хотя и не единственной, составляющей военно-мемориальной культуры – системы сохранения, поддержания, трансляции и пропаганды военно-мемориального наследия (А. В. Святославский). Некоторые аспекты военно-мемориальной культуры рассматриваются в работах В. П. Мотревича [310] (в контексте захоронений военнопленных) и М. Л. Шуб [526] (в контексте различных практик мемориализации памяти о военных, участниках боевых действий в пространстве современного города).

Вопросы более общего порядка, связанные с мемориальной культурой в целом, поднимали в своих исследованиях В. Гнигге [539] (отстаивал позицию отказа от самого термина «мемориальная культура» как вненаучного и антиисторичного), А. Ассман [81] (осмысляла причины кризиса современной мемориальной традиции, векторы и инструменты ее трансформации), Х. Арендт [77] (анализировала состояние актуальной мемориальной культуры).

Культурное наследие как объект мемориальной и военно-мемориальной культуры в русле ценностного подхода изучали Э. А. Баллер [88], Ю. А. Веденин [147], Д. Н. Замятин [201], Д. Лоуэнталь [279], П. Нора, И. А. Петрова [381]. Наследие как «информационный ресурс культуры»

рассматривалось в работах М. Е. Кулешовой [487], Д. С. Лихачёва [272], Е. Н. Мастеницы [292] и др. Структурно-функциональный ракурс изучения культурного наследия прослеживается в работах Ю. А. Веденина, В. А. Квартальнова [232], А. И. Кравченко [253], К. М. Хоруженко [510]. Л. В. Демина [189], С. Ю. Каменский [227], М. Е. Каулен [231] разрабатывали проблемы интеграции культурного наследия в пространство актуальной культуры.

Военно-историческое наследие в современной российской научной литературе в качестве *самостоятельного объекта исследования* представлено достаточно слабо. В работах Н. А. Копылова [149], М. Ю. Мягкова [148], А. О. Чубарьяна [148], В. В. Коровина рассмотрены лишь локальные аспекты данного явления, без осмысления его сущности, морфологии, функциональной нагрузки, социокультурного бытования и пр.

Понятие «военно-мемориальное наследие» также не разработано ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской практике. Однако существуют научные работы, посвященные данному феномену.

Среди них можно выделить группу трудов, связанных с осмыслением памятника как феномена культуры и инструментальной единицы политики памяти. К ним можно отнести исследования П. Нора, А. В. Святославского и А. Эрль [537]. Памятник как «форму актуализации прошлого для решения насущных современных проблем» рассматривал И. Г. Кравченко [153]. В трудах Д. С. Лихачева социокультурный статус памятников интерпретировался как индикатор уровня гуманистичности культуры. Инструментом социальной солидаризации и формирования идентичности памятник выступает в работах Р. Козеллека [540] и А. И. Макарова.

О разнообразных социокультурных функциях памятников, по-разному воплощаемых в различные исторические периоды, писал И.И. Курилла. Выдающийся советский ученый – академик Д.С. Лихачев связывал памятники с патриотическим воспитанием, считая отношение к ним показателем гуманистичности культуры.

Изучением военных мемориалов и мемориальных комплексов занимался целый ряд исследователей. Так, А.В. Стрельникова [471] рассматривала вопросы исторических, культурных, социальных, политических и иных факторов, определяющих государственную политику в сфере мемориальной скульптуры, З. Балака [87] – ее архетипические основания. Т. И. Тугай [484] акцентирует свое исследовательское внимание на отражении революционного прошлого в монументально-мемориальных композициях.

Наиболее разнообразную группу работ составляют исследования, посвященные отражению темы Великой Отечественной войны в мемориальных сооружениях. Так, Е. М. Коляда [243] рассматривает типологические характеристики такого рода сооружений, Т. Г. Малинина [286] – их художественные характеристики. Е. М. Кукина [257] и Р. Ф. Кожевников [258] занимались изучением архитектурных и скульптурных объектов, мемориализующих память о Великой Отечественной войне в Москве, И. А. Самарин [432] – на Сахалине. Сравнительное описание мемориальных ансамблей, связанных с Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной, представлено в работах О. Коршуновой [247].

К особой группе можно отнести исследования, связанные с вопросами охраны культурного и в том числе военно-мемориального наследия. Проблемы роли культурного наследия как платформы культурной идентичности и как ресурса развития нации и социокультурные запросы на его сохранение поднимали О. В. Галкова [172], М. В. Глаголев [176], А. В. Лисицкий [271] и другие.

Е. В. Ваганова [138], А. К. Вахитов [145], В. В. Гокошенко, О. В. Давлетшина [185], Л. Р. Клебанов [236], Л. В. Кошман [252], А. М. Кулемзин [259] и др. изучали нормативно-правовые и юридические аспекты сохранения культурного наследия.

Проблема охраны сооружений, увековечивающих память о Великой Отечественной (Второй мировой) войне за рубежом, стала предметом исследования А. Вагаевой [137], Н. В. Калинина [226], А. Г. Карлова [230], С. В. Колычева [242], Т. Назиной [318], Е. А. Обернихина, С. Саратовой [434], Т. Филимоновой [497] и др.

Обнаружению, восстановлению, сохранению, музеефикации захоронений иностранных военнопленных, погребенных на территории России, посвящены научные труды В. И. Ананьева [74], А. Ю. Золотухина [204], В. П. Мотревича, Е. К. Рожковой [410], А. С. Смыкалина [449], А. В. Федоровой [494] и др.

Отдельную группу исследований составляют работы по истории военно-мемориального наследия в России.

Общими вопросами создания и сохранения военно-мемориального наследия в дореволюционной России занимались А. Дмитриев [191], А. Долгов [194], С. Л. Пештич [382], К. Г. Сокол [457], Н. И. Теодорович [213], И. Токмаков [435]. Отдельные мемориальные комплексы и памятники, посвященные погибшим русским солдатам в различных войнах, изучали С. В. Гнутова [178] (войны периода Киевской и Средневековой Руси), В. Г. Демаков [188] (Русско-Японская война). Историко-культурный и искусствоведческий анализ военно-мемориальной среды отдельных городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Царского Села) был дан в трудах В. Н. Ашуркова [85], А. И. Богданова [103], С. К. Романюк [412], Н. Ширяева [525].

В работах Е. А. Болховитинова [111], М. Н. Ефименко [198], К. Лаптева [264] главным предметом исследования выступают полковые храмы и их мемориальная миссия.

К проблеме охраны памятников военно-мемориального наследия в дореволюционной России обращались Б. Гаврилов [166], А. Ярцев [534].

Деятельность дореволюционных научно-исторических обществ и Русского военно-исторического общества рассмотрена в исследованиях Г. С. Габаева [165], А. Д. Степанского [468], А. В. Филимонова.

Изучением военно-мемориального наследия в советский период занимались: В. Бонч-Бруевич [117], Л. И. Брежнев [126], И. Е. Клименко [238], Г. В. Крайнова [254], В. И. Ленин [267], Д. С. Лихачев, В. Медведев [297] (военно-мемориальное наследие как инструмент патриотического воспитания и пропаганды); М. Д. Брайчевский [124], Д. И. Будаев [127], А. Г. Букштынович [128], М. А. Малиш [288], Д. Г. Павлов [371], А. В. Слабуха [446], М. С. Соломенцев [459], Л. А. Стешенко, В. Д. Тепферов [469], Ю. А. Тихонов [482] (вопросы сохранения памятников военно-мемориального наследия в советское время); В. К. Гарданов [173], М. А. Полякова [390], Д. А. Равикович [402], М. Романов [411], И. Г. Свичкарь [440] (проблемы музеефикации объектов военно-исторического наследия).

Отдельную подгруппу исследований составляют работы, посвященные увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне: М. Т. Белявского [95], Г. А. Богуславского [104], А. Данилец [187], Б. И. Гаврилова [168], В. Б. Никитиной [321].

Военно-мемориальная деятельность, проблемы сохранения военно-мемориального наследия в постсоветский период проанализированы в работах И. И. Басик [90], А. В. Кирилина [235], А. Н. Клейменова [237], В. Е. Лященко [280], С. Л. Новиченко [324], А. И. Чистякова [518], Т. В. Яшковой [536].

Развитие поисковой деятельности, работа поисковых движений и организаций отражены в исследованиях Е. Н. Боле [106], С. В. Бориснева [121], В. А. Дыгало [195], В. Денисова [190], В. А. Журавлева [199], Е. В. Ильина [209], А. В. Кирилина, С. Н. Ковалева [239], Д. А. Самосвата [433], В. В. Степанова [466], А. Чудакова [522], И. П. Цуканова [514].

К. Вайс [140], Э. Максимов [285], В. П. Мотревич, А. Р. Соколов, В. С. Степанов, А. В. Федорова обращались к проблемам сохранения

отечественного военно-мемориального наследия за рубежом и сохранения могил иностранных военных на территории России.

В качестве отдельной группы стоит выделить наиболее значимые в контексте нашего исследования *источники*, а именно:

- архивные документы (16 фондов трех государственных архивов);
- периодическую печать Оренбургской области (4 областные и 56 районных газет);
- неопубликованные и опубликованные воспоминания, частную переписку;
- неопубликованные материалы текущего делопроизводства федеральных, региональных и местных органов управления, выявленные в министерстве культуры и внешних связей, инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области (с конца 1980-х гг. до 2019 г.);
- авторские сводные издания перечней памятников военно-мемориального наследия Оренбургской области (разработанные в 2008–2015 гг.);
- законодательные документы, нормативные правовые и организационно-распорядительные акты;
- брошюры, буклеты и памятки, издаваемые учреждениями культуры в рамках краеведческой деятельности (за период 1999–2019 гг.);
- нарративные источники (описание военно-мемориальных сооружений в дореволюционных книгах, журналах; монографических изданиях советского периода, посвященных исследованиям отдельных городских и сельских территорий; книгах памяти советского и постсоветского времени и пр.);
- интернет-ресурсы (официальные сайты органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации; новостные ресурсы, посвященные противоправным действиям в отношении военно-мемориального наследия и др.).

Таким образом, анализ литературы и источниковой базы позволил сделать вывод о том, что комплексные исследования, ориентированные с одной стороны на теоретическую концептуализацию военно-мемориального наследия, а с другой – на осмысление специфики и форм его реального социокультурного бытования, не проводились.

На основании чего **проблема диссертационного исследования** нам видится в отсутствии:

– концептуального обоснования военно-мемориального наследия (на уровнях категориального оформления, структурно-функционального анализа) как особого феномена культуры;

– апробированного опыта выявления, описания, систематизации, учета, государственной охраны, использования и популяризации объектов военно-мемориального наследия, необходимого для включения его в нормативно-проектное пространство современной российской культурной политики и дальнейшего использования его созидательного социокультурного потенциала.

Цель исследования состоит в концептуализации, комплексном анализе историко-культурных условий бытования, практического опыта сохранения российского военно-мемориального наследия для обоснования его созидательного потенциала как ресурса российской культурной политики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие научные **задачи**:

1) концептуализировать феномен военно-мемориального наследия (на категориальном, морфологическом, структурно-функциональном уровнях);

2) проанализировать сущность и основные этапы эволюции категориального базиса и теоретико-методологических оснований изучения военно-мемориального наследия для выявления ключевого тренда развития современной российской мемориальной культуры;

3) выявить и дать критическую оценку исторической динамике процессов создания и сохранения военно-мемориального наследия в России от Киевской Руси до 1917 года;

4) осуществить комплексный анализ особенностей государственного управления военно-мемориальным наследием в советский период истории России;

5) определить институционально-управленческие и законодательные основания процесса сохранения и охраны военно-мемориального наследия в постсоветской России;

6) обосновать специфику актуальных практик сохранения, использования и охраны военно-мемориального наследия в условиях современной российской культурной политики, сформулировать рекомендации по совершенствованию управления данными процессами;

7) разработать и апробировать методико-инструментальные основания диагностики военно-мемориального наследия как стратегической задачи культурной политики;

8) выявить и проанализировать специфику современной региональной культурной политики (на примере Оренбургской области) в сфере сохранения военно-мемориального наследия; сформулировать рекомендации по ее совершенствованию.

Объект исследования – военно-мемориальное наследие как феномен культуры.

Предмет исследования – теоретико-методологические основания концептуализации, историко-культурные условия бытования и управленческо-прикладные аспекты регулирования (учета, сохранения, охраны и пр.) российского военно-мемориального наследия как ресурса российской культурной политики.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну:

- осуществлена интеграция в культурологический дискурс понятия «военно-мемориальное наследие»;
- разработана авторская концепция военно-мемориального наследия, включающая в себя его терминологическое оформление, обоснование сущностно-типологических и структурно-функциональных характеристик;
- на базе эвристичной интерпретации понятийно-терминологического и теоретико-методологического базиса изучения военно-мемориального наследия обоснован military-нарратив, составляющий основу современной российской военно-мемориальной культуры и исторической памяти;
- на основе системного анализа исторической динамики процессов создания и сохранения военно-мемориального наследия в России выработана авторская периодизация данных процессов, дана комплексная оценка наиболее значимых трендов, отражающих специфику военной мемориализации начиная с XI века и до современности;
- на основе системного изучения нормативно-проектной документации министерств обороны и культуры РФ осуществлен мониторинг основных направлений, форм, инструментов реализации государственной культурной политики в отношении военно-мемориального наследия, определены наиболее острые проблемы в данной сфере государственного регулирования, а также сформулированы предложения по их решению;
- разработана и апробирована методика «кластерной диагностики военно-мемориального наследия», обеспечивающая системные и эффективные выявление, систематизацию и учет объектов военно-мемориального наследия;
- выявлена и проинтерпретирована специфика создания, функционирования и охраны объектов военно-мемориального наследия, определены качественные изменения, современное состояние военно-мемориального наследия региона, его место в системе государственной охраны культурного наследия России.

– обеспечена комплексная, многоуровневая диагностика различных направлений региональной культурной политики на примере Оренбургской области (управленческого, нормативно-правового, контрольно-мониторингового, учетно-диагностического, государственно-охранительного, ремонтно-восстановительного, культурно-популяризационного) как одновременно самостоятельного субъекта принятия управленческих решений в сфере сохранения военно-мемориального наследия и сектора общегосударственной культурной политики.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость работы обусловлена системным изучением феномена военно-мемориального наследия в концептуально-теоретическом, историко-культурном и прикладном аспектах. Автором диссертации было

– терминологически оформлено понятие «военно-мемориальное наследие», понимаемое как совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры;

– определены его сущностные признаки и функциональные параметры; исследована история зарождения, становления, развития и трансформаций сохранения военно-мемориального наследия в дореволюционный, советский и постсоветский периоды; описаны и апробированы (на базе Оренбургской области) методико-технологические и инструментальные основания диагностики военно-мемориального наследия;

– проанализированы социокультурные, правовые, управленческие и иные проблемы сохранения военно-мемориального наследия в России в целом и на региональном уровне в частности;

– предложены и обоснованы условия и направления оптимизации деятельности по сохранению военно-мемориального наследия в России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Практическая значимость диссертации связана с тем, что ее выводы могут учитываться при формировании и реализации программ культурной политики, культурно-охранных мероприятий, мемориальных проектов, проведении прикладных исследований исторической памяти. Материалы исследования могут быть использованы в управленческой работе, связанной с непосредственной охраной объектов культурного наследия, образовательной, градостроительной сферами, земельно-имущественными отношениями, туризмом.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в педагогическом процессе, при подготовке основных образовательных курсов по музееведению и охране памятников, истории культуры, культурной политике, социокультурному менеджменту.

Практическая значимость диссертации видится и в возможности использования результатов исследования для разработки и внедрения специализированных учебных курсов для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «51.03.01 Культурология», «46.03.01. История», «50.03.01 Искусства и гуманитарные науки», «51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», а также для обучающихся по дополнительным профессиональным программам: «Традиции и новации в культуре», «Культурное наследие: проблемы сохранения и актуализации», «Культурная память и коммеморативные практики в системе государственной и региональной культурной политики».

Методология и методы исследования.

В диссертационной работе использованы методологические наработки российской и зарубежной научной мысли в разнообразных областях гуманитарного знания: культурологии, истории, философии, социологии, искусствоведении и др.

При интерпретации сущности феномена культуры как базового понятия любого культурологического исследования автор опирался на работы П. С. Гуревича, С. Н. Иконниковой, М. С. Кагана, Л. Н. Когана –

авторов, разделяющих ценностно-нормативный подход к осмыслению культуры. Так, М. С. Каган называл культуру «социальной наследственностью человечества», а Л. Н. Коган – «совокупностью ценностей, закрепленных в памятниках». Эти идеи (равно как и идеи всех представителей ценностного подхода) позволили рассматривать военно-мемориальное наследие прежде всего как совокупность ценностей, сохраняемых и транслируемых от поколения к поколению.

Деятельностный подход к культуре, наиболее ярко представленный в работах Э. А. Баллера, Н. С. Злобина, О. В. Лармина, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, выступил основой анализа военно-мемориального наследия не только в статике (применительно к одной эпохе или территориальному локусу), но и в динамике развития общественных отношений.

Осмысление культуры в семиотическом ключе (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) позволило интерпретировать военно-мемориальное наследие как совокупность культурных текстов, как «особый способ фиксации социального опыта» (А. Я. Флиер), подразумевающий столь же особый способ его рефлексии.

Постижение военно-мемориального наследия как структурного компонента формируемой в тот или иной исторический период картины прошлого осуществлялось с опорой на идеи past-концептуальности М. Л. Шуб, то есть – «системы интерпретации прошлого как минувшей (предшествующей настоящему) реальности, формой социокультурной репрезентации которой является образ прошлого, конструируемый и транслируемый той или иной культурой и одновременно определяющий ее специфические черты» [527, с. 16].

Интерпретация феномена исторической памяти, определение ее сущностных границ и выработка собственного определения данного понятия осуществлялись на основе авторских теоретико-методологических подходов Ж. Ле Гоффа, А. Мегилла, А. В. Полетаева, И. Рюзена, И. М. Савельевой, в основе которых лежит понимание исторической памяти как совокупного

социального опыта группы, его рефлексивное осмысление и репрезентация в различных коммеморативных практиках. При изучении последних автор опирался на концепции «культурных инсценировок» Л. Г. Ионина, «мест памяти» П. Нора и «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума.

Концептуализация феномена военно-мемориального наследия (выработка определения понятия, выявление структурно-функциональных параметров, ценностных оснований и пр.) подразумевала выбор методологической платформы осмысления феномена наследия в целом и культурного наследия в частности. Таким основанием стали идеи Т. С. Курьяновой, интерпретировавшей культурное наследие в русле ценностного подхода (наследие как форма самосознания культуры), и Д. Н. Замятина, стоящего на позициях стабилизационного (наследие как защитный механизм культуры) и символического (наследие как символический капитал культуры) подходов.

Обоснование военно-мемориального наследия как основания преодоления социальной разобщенности, инструмент преодоления кризисов и нормализации межнациональной и межконфессиональной коммуникации стало возможным благодаря «концепции цивилизационных кризисов» А. П. Назаретяна.

В основе рассмотрения конкретно-содержательного наполнения военно-мемориального наследия (памятники, мемориалы, мемориальные комплексы и пр.) лежали концептуальные положения П. Нора о мемориальных объектах как «местах памяти» и Дж. Холлдей о материализованных формах поминовения как «зеркале общественных трансформаций».

При изучении основных исторических этапов (дореволюционного, советского, современного) развития военно-мемориального наследия автор опирался на наработки А. В. Святославского, использовавшего диахронно-компаративную методологию анализа отечественной военно-мемориальной культуры. Его же идеи учитывались при обосновании особого

социокультурного статуса военно-мемориального наследия как важнейшего компонента российской идентичности.

Анализ понятийно-терминологического базиса изучения военно-мемориального наследия в России опирался на концепцию Г. Блумера о «операциональных и сенсibiliзирующих понятиях». Особое значение имели его идеи о возможности изучения явления на основе осмысления его категориальных репрезентаций.

При диагностике российской культурной политики в сфере военно-мемориального наследия автор учитывал теоретико-методологические достижения С. Б. Синецкого. Так, важными представлялись выводы ученого об особом статусе культурной политики как живого, принципиально незавершаемого процесса адаптации к условиям постпарадигмальности и цивилизационного перехода; идеи о необходимости учитывать возможность использования культурными политиками ресурсов прошлого при планировании будущего; разработанная универсальная технология культурной политики по работе с наследием.

Осмысление сущности культурно-политических процессов в современной России осуществлялось с учетом двух концепций, отражающих два одновременно существующих процесса: процесс повышения духовно-идеологической, аксиологической роли военно-мемориального наследия как ресурса построения идентичности (концепция «декоммерциализации и политической автономизации наследия» А. Я. Флиера) и процесс прагматизации, капитализации, товаризации наследия как ресурса развития того или иного субъекта (теория «коммодификации наследия» К. Уолша).

Выработка предложений по совершенствованию российской культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия опиралась на идею О. Н. Астафьевой о необходимости гармоничного сочетания локальной самоорганизации и централизованного управленческого регулирования.

Исследование проводилось на принципах диалектики, историзма, объективности. Автор обращается к спектру общенаучных, частнонаучных и специфических методов. В частности, применялись следующие методы:

– компаративно-исторический метод (для сравнения основных направлений культурной политики, реализуемых в Российском государстве в различные исторические периоды его существования в отношении военно-мемориального наследия);

– метод ретроспективного анализа (для выявления динамических изменений в сфере военно-мемориального наследия за последние десятилетия, на примере Оренбургской области);

– статистический метод (для анализа качественно-количественных показателей в сфере регулирования, сохранения и охраны объектов регионального военно-мемориального наследия).

Положения, выносимые на защиту.

1. На сегодняшний день в современной гуманитарной риторике военно-мемориальное наследие имеет статус широко используемого, но неотрефлексированного феномена, что детерминировало потребность в его культурологической и шире – гуманитарной концептуализации (терминологическое оформление, выделение сущностных черт и функциональных параметров).

В рамках настоящего исследования под военно-мемориальным наследием понимается совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры.

Военно-мемориальное наследие предстает органичным единством символично-знакового («ментального образа» отношения современников к военной истории и ее событийно-героическому контенту) и материального (форм и способов визуализации этого «ментального образа») компонентов, в совокупности реализующих ряд значимых социокультурных функций:

политико-идеологическую, коммеморативную, ритуальную, мобилизационную, информационную, воспитательную, сакрализирующую, рекреационную, эстетическую.

Видовое разнообразие военно-мемориального наследия представлено архитектурными, скульптурными, погребальными, ландшафтными объектами.

2. Системный анализ различных феноменов культуры, связанных с военно-мемориальным наследием дедуктивными (наследие, военно-историческое наследие, военно-мемориальная культура и др.) и индуктивными (памятник, архитектурный комплекс, мемориал и др.) связями, позволил:

- во-первых, определить специфику различных исторических этапов категориального оформления феномена военно-мемориального наследия;

- во-вторых, выявить и охарактеризовать его сущностные характеристики: историко-культурную и ландшафтную контекстность, публичность, территориальную центрированность, мобильность, доминирование символической компоненты над формальной.

3. Осмысление и авторская интерпретация опыта изучения военно-мемориального наследия в пространстве гуманитарного знания в контексте культурологического, социологического, исторического, политологического, архивно-поискового и других подходов позволили прийти к выводу о доминирующей роли милитари-нарратива в контексте современной российской мемориальной культуры, системообразующим основанием которого выступает военное прошлое нашей страны в целом и военно-мемориальное наследие в частности.

Данный нарратив не является монолитным, включая в себя несколько сценариев позиционирования памяти о военной истории. Наиболее востребованным в условиях современной России является сценарий «победителя, одолевшего зло» (А. Ассман), подразумевающий позиционирование военного прошлого страны как опыта великих побед и

масштабной, выходящей за рамки собственно России, освободительной энергии.

4. Эволюция социокультурного статуса военно-мемориального наследия в пространстве российской культуры предстает динамичной сменой трех наиболее крупных этапов (дореволюционного, советского и современного). Детальный анализ каждого из них позволяет проследить трансформацию государственной политики в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия: ее ценностных, нормативно-правовых, содержательно-организационных и субъектных оснований.

Специфическими чертами современной российской практики управления и регулирования сферой военно-мемориального наследия являются:

1) сохранение преобладающей роли государства в вопросах создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия;

2) формирование нормативно-правовой основы процессов создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия;

3) либерализация военно-мемориальной тематики, мемориализация ранее «закрытых» тем при сохраняющемся доминировании тематики Великой Отечественной войны.

В целом ретроспективный мониторинг места и роли военно-мемориального наследия в русской культуре позволил установить и охарактеризовать наиболее устойчивые закономерности, воспроизводящиеся преимущества и ограничения процесса управления военно-мемориальным наследием, которые следует учитывать при реализации актуальных управленческих решений для повышения их эффективности.

5. Мониторинг современной российской культурной политики в сфере военно-мемориального наследия (изучение конкретной практики учета, сохранения, охраны и использования объектов военно-мемориального наследия) позволил выделить ряд наиболее проблемных направлений, нуждающихся в оптимизации:

а) отсутствие единой системы выявления и учета объектов военно-мемориального наследия;

б) случайно-лакунная регистрация и паспортизация объектов военно-мемориального наследия;

в) отсутствие апробированной и универсальной по отношению к различным территориям и видам памятников правоприменительной практики государственной охраны военно-мемориального наследия;

г) устаревание информации о техническом состоянии объектов военно-мемориального наследия.

Изучение актуального российского опыта институционального регулирования сферы культурного наследия в целом и военно-мемориального наследия в частности, диагностика специфики принятия управленческих решений в данной области акторами различных уровней позволили сформулировать ряд предложений, направленных на оптимизацию (обеспечение системности и единообразия) деятельности по регулированию военно-мемориального наследия в современной России:

1) обеспечение системности и универсальности управления военно-мемориальным наследием, отказ от практики одновременного сосуществования двух управленческих субъектов (Министерства обороны и Министерства культуры), приводящей к финансовой, правовой, управленческой дезорганизованности;

2) децентрализация юридических и управленческих решений (активизация деятельности российских регионов, локальных субъектов российской культурной политики в вопросах нормативно-правового, финансового, хозяйственно-организационного, проектно-событийного регулирования сферы военно-мемориального наследия);

3) демократизация процессов управления российским военно-мемориальным наследием, приобщение к данной сфере различных негосударственных и внеинституциональных субъектов (например, волонтерских, краеведческих, общественных, поисковых и иных

организаций), организация общественной экспертизы в вопросах учета, диагностики и контроля объектов военно-мемориального наследия;

4) обеспечение мобильности и проницаемости успешных практик военно-мемориальной деятельности как по горизонтали (от одного региона к другому), так и по вертикали (от Министерства обороны и Министерства культуры на уровень региональной мемориально-охранительной работы);

5) обновление нормативно-правовой базы регулирования сферы военно-мемориального наследия;

6) интеграция военно-мемориального наследия в комплекс объектов культурного наследия в целях повышения эффективности его управлением;

7) создание единого реестра (базы данных) объектов военно-мемориального наследия, необходимого для принятия системных, прозрачных и предсказуемых по своим последствиям управленческих решений;

8) внедрение теоретико-методологической и исследовательско-прикладной поддержки решений, принимаемых субъектами культурной политики в сфере военно-мемориального наследия.

6. С целью повышения эффективности реализации основных направлений современной российской культурной политики в сфере военно-мемориального наследия была разработана и апробирована авторская методика «кластерной диагностики военно-мемориального наследия». Было выделено четыре крупных кластера, каждый из которых фиксирует механизм получения и специфику обработки информации об объектах военно-мемориального наследия:

1) поисковый (выявление объектов военно-мемориального наследия);

2) картографический (паспортизация объектов военно-мемориального наследия);

3) интеграционный (систематизация и каталогизация объектов военно-мемориального наследия, создание информационной базы);

4) аналитический (теоретический анализ полученных результатов).

На основании реализации «кластерной методики» были установлены проблемы в сфере практической реализации культурно-политических задач по учету, сохранению и описанию объектов военно-мемориального наследия: отсутствие системного подхода к исследованию объектов военно-мемориального наследия, включающего в себя все значимые этапы – от фиксации до историко-культурного анализа; отсутствие апробированных практик интеграции военно-мемориального наследия в пространство современной культуры, его актуализации как инструмента решения важных социокультурных задач, использования его исторического, художественного, ценностного потенциала; отсутствие четкой системы юридической, управленческой, институциональной кодификации объектов военно-мемориального наследия.

7. Мониторинг регионального (на примере Оренбургской области) опыта культурной политики в сфере военно-мемориального наследия позволил выделить основные этапы создания и сохранения мемориальных объектов:

- мотивационно-обосновывающий;
- процедурно-мемориальный;
- эксплуатационно-охранительный;
- мобилизационный;
- деструктивный;
- созидательно-восстановительный.

Указанная специфика заключалась в следующих позициях:

- 1) хронологическом дисбалансе;
- 2) корреляции мемориальной активности и мемориальной датировки;
- 3) доминировании темы Великой Отечественной войны в традиции военной мемориализации;
- 4) разнородности субъектов военно-мемориальной активности (инициаторов создания и авторов объектов военно-мемориального наследия);
- 5) правовой и финансово-хозяйственной неопределенности.

В целом реализация мониторинга позволила выдвинуть и обосновать принципиально новую систему идентификации и диагностики мемориальных объектов, на основании чего обеспечить составление эмпирической карты объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области, необходимой для реализации эффективных, оперативных, целенаправленных управленческих решений в данной сфере.

8. Анализ региональной культурной политики в сфере военно-мемориального наследия (на примере Оренбургской области) осуществляется в рамках нескольких направлений, каждое из которых имеет свои содержательные особенности и проблемные зоны:

1) управленческое направление (локальная и ситуативная координация военно-мемориальным наследием осуществляется в условиях отсутствия уполномоченных региональных органов исполнительной власти, что препятствует сбалансированной и системной координации мероприятий в отношении военно-мемориального наследия);

2) нормативно-правовое направление (отсутствие единой федеральной законодательной базы управления военно-мемориальным наследием, что препятствует формированию стратегии региональной культурной политики в сфере военно-мемориального наследия);

3) контрольно-мониторинговое направление (бессистемность, нерегулярность, часто формальность, выборочность проверок состояния объектов военно-мемориального наследия, не позволяющих своевременно и оперативно обеспечивать их сохранение и охрану);

4) учетно-диагностическое направление (отсутствие регламентированных норм, утвержденного порядка, компетентных требований к реализации учетно-диагностических мероприятий объектов военно-мемориального наследия);

5) государственно-охранительное направление (отсутствие эффективного, финансово обеспеченного алгоритма оперативной реализации охранных, земельно-кадастровых мероприятий в сфере военно-

мемориального наследия, прежде всего в отношении бесхозных, неучтенных объектов и соответствующих земельных участков);

б) ремонтно-восстановительное направление (реализация ремонтно-восстановительных мероприятий объектов военно-мемориального наследия осуществляется преимущественно силами муниципальных органов управления, без поддержки региональных и федеральных властей в условиях дефицита их ресурсного, прежде всего финансового, обеспечения);

в) культурно-популяризационное направление (локальное, ситуативное использование воспитательного и образовательного потенциала военно-мемориального наследия, отсутствие комплексной программы его интеграции в культурное, социальное, образовательное, туристическое, рекреационное пространство региона).

Степень достоверности и апробация результатов. Степень достоверности и апробация результатов работы, изложение ее основных положений осуществлено в 66 публикациях, в том числе 3 монографиях (2 – авторских, 1 – коллективной), 3 научно-справочных изданиях, 9 учебных, учебно-методических и справочных пособиях, 1 – сборнике статей конференции по теме диссертации, 50 научных статьях (20 из них в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК МНИВО РФ, 16 из которых в профильных журналах по научной специальности диссертации) общим объемом не менее 363,21 печатного листа (авторский вклад – не менее 153,85 печатного листа) и докладывались на международных, всероссийских, межрегиональных научно-практических конференциях, рабочих совещаниях в Министерстве культуры Российской Федерации, Приволжского федерального округа, Правительства Оренбургской области в 2005–2019 гг. (Москва, Санкт-Петербург, Алма-Ата Республики Казахстан, Астрахань, Волгоград, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Зеленоград, Казань, Киров, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Сочи, Стерлитамак, Сыктывкар, Тамбов, Торжок Тверской области, Челябинск, Черкассы Республики Украина,

Ярославль): «Патриотизм и патриотическое воспитание: теория, история, практика»: межвузовский научно-практический семинар (Оренбург, 2005), «Шолоховские чтения»: региональная научно-практическая конференция (Стерлитамак, 2006), «Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)»: международная научная конференция, посвященная 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (Оренбург, 2010), «Социальные и правовые проблемы формирования гражданского общества в Российской Федерации»: всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 2011), «Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность»: седьмая международная научно-практическая конференция (Пенза, 2011), «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире»: международная научно-практическая конференция (Сыктывкар, 2011), «Современные тенденции в науке: новый взгляд»: международная научно-практическая конференция (Тамбов, 2011), «Православное наследие в культуре России: история, актуальность диалога»: всероссийская научно-практическая конференция в рамках десятого Славянского научного собора «Урал. Православие. Культура» (Челябинск, 2012), «Россия в Отечественных войнах»: четвертые всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского (Оренбург, 2012), «Инновационные тенденции развития российской науки»: пятая международная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию КрасГАУ (Красноярск, 2012), «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: международная научно-практическая конференция (Новосибирск, 2013), «Актуальные вопросы военной истории»: международная научная конференция (Киров, 2013), «Военная история как фактор патриотического воспитания»: восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса (Екатеринбург, 2013), «Астраханские краеведческие

чтения»: межвузовская научно-практическая конференция (Астрахань, 2013), «Поклонимся великим тем годам...: к 70-летию победы советских войск в Великой Отечественной войне»: международная научно-практическая конференция (Волгоград, 2013), XXIX сессия Творческого проблемного семинара директоров литературных музеев России им. Н.В. Шахаловой (г. Самара, 2013), «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы»: четвертая, пятая, шестая, седьмая всероссийские конференции (Нижний Новгород, 2013; Торжок Тверской области, 2014; Ярославль, 2015; Рязань, 2016), окружные совещания органов охраны памятников истории и культуры Приволжского федерального округа (Нижний Новгород, 2013; Оренбург, 2014; Казань, 2015), «Архивы без границ»: международная научно-практическая конференция (Пермь, 2017), «Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен»: международная конференция (Оренбург, 2018); «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века»: девятнадцатый международный научно-творческий форум (Челябинск, 2020) и другие.

Автор являлся инициатором и организатором межрегиональной научно-практической конференции по теме диссертационного исследования «Сотрудничество власти и общества в сфере сохранения военно-мемориальных сооружений: история и современность», посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. и 70-летию победы советского народа в Сталинградской битве» (Оренбург, 2012).

Автором в составе коллективов и индивидуально реализованы три научных гранта (1 – федеральный и 2 – региональных), подготовлены электронная база данных «Памятники и памятные места Великой Отечественной войны Оренбургской области», электронная база данных «Научно-популярная энциклопедия «Православные исторические храмы Оренбуржья».

При непосредственном участии автора разработаны и приняты:

– областная целевая программа «Сохранение культурного наследия Оренбургской области» на 2013–2016 гг.;

– государственная программа «Развитие культуры Оренбургской области» на 2014–2020 гг.

По инициативе автора исследования в период с 2009 по 2016 гг. подготовлен целый ряд постановлений и поручений правительства Оренбургской области, указов и распоряжений губернатора Оренбургской области, направленных на сохранение военно-мемориального наследия Оренбуржья.

Материалы исследования и теоретические выводы послужили основой для лекционных курсов, семинарских и практических занятий со студентами Оренбургского государственного аграрного университета по дисциплинам:

- «Отечественная история»;
- «История крестьянских движений в России»;
- «Связи с общественностью в органах власти»;
- «Основы государственного и муниципального управления».

В целях популяризации военно-мемориального наследия и привлечения внимания к проблемам его сохранения автор исследования публикуется на страницах периодических изданий.

Поставленные цели и задачи обусловили **структуру диссертационной работы**. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы (547 наименований), приложений.

Содержание работы изложено на 335 страницах.

Глава I. Теоретико-методологические основания изучения военно-мемориального наследия России

1.1. Военно-мемориальное наследие: сущностные параметры и основные этапы эволюции теоретико-понятийного базиса

В первой главе диссертационного исследования осуществляется осмысление феномена военно-мемориального наследия в рамках двух чрезвычайно значимых, самостоятельных, но тесно связанных друг с другом ракурсов – категориально-терминологического и теоретико-методологического.

Первый ракурс подразумевает обращение к многообразию терминов, содержание которых формирует сущность понятия военно-мемориального наследия. Второй ориентирован на изучение военно-мемориального наследия в контексте теоретико-методологических подходов к его интерпретации, сложившихся в различных отраслях гуманитарного знания.

В рамках данного параграфа основное внимание будет уделено исследованию развития и трансформации локальных терминов, конкретизирующих смысловой объем понятия военно-мемориального наследия в отечественной культуре сер. XIX – XXI вв. Данный анализ осуществлялся на основе энциклопедических изданий царской России, советского и постсоветского периодов, а также нормативно-правовой документации этих же исторических периодов.

На сегодняшний день в исследовательской практике выработано довольно много понятий, близких к военно-мемориальному наследию по смыслу, но не тождественных ему. Более того, можно говорить об отсутствии закрепленного в исследовательской литературе или правоприменительной практике определения понятия «военно-мемориальное наследие».

Об этом говорит и Т.С. Курьянова, называя такого рода ситуацию парадоксальной: термины «военно-историческое», «мемориальное», а

следовательно, и «военно-мемориальное» чрезвычайно часто используются в соответствующих контекстах, однако не определены исследователями [262].

Такая ситуация детерминировала необходимость обоснования собственного, авторского определения данной категории. Итак, в контексте данного диссертационного исследования *под военно-мемориальным наследием* предлагается понимать совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры.

По мнению А. Эрль, любая «культура воспоминаний» (различные формы мемориализации) имеет три измерения своего существования: социальный (носители памяти), материальный (объекты памяти – мемориалы, монументы и пр.) и ментальный (символично-знаковое выражение содержания культуры воспоминаний) [537].

Применительно к военно-мемориальному наследию, на наш взгляд, наибольшую роль играют две формы его бытования:

1. Символично-знаковая (ментальная, в терминологии А. Эрль).

В этом смысле военно-мемориальное наследие – это своего рода место памяти, под которым П. Нора понимал «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [326, с. 17 – 50, 79]. Понятое в таком ключе военно-мемориальное наследие фиксирует и транслирует отношение выживших или потомков к павшим на поле боя, что позволяет рассматривать эти памятные знаки как «денотаты идентичности не только умерших, но и живых» [540].

2. Материальная.

Военно-мемориальное наследие – это не только символ памяти о войнах и их участниках («символы войны», по выражению А. И. Чаплыгина [517, с. 2]), но и реально-воплощенные формы этой памяти – мемориалы,

памятники, надгробия, захоронения и пр.: «...путь к своему символическому воплощению идея войны проходит через объекты материальной культуры...» [517, с. 2].

Видовое разнообразие объектов военно-мемориального наследия может быть обозначено следующим образом:

- архитектурные (храмы, посвященные военной истории России, часовни, триумфальные арки и пр.);
- скульптурные (монументальные и станковые скульптурные формы, увековечивающие память о военной истории и ее участниках, например мемориальные доски, отдельные скульптуры и скульптурные композиции и пр.);
- погребальные (одиночные и коллективные (братские) воинские захоронения с прахом военнослужащих и памятными знаками или без них);
- ландшафтные (природные или воссозданные ландшафтные ансамбли военно-мемориальной тематики – аллеи, скверы, парки, сады Славы, Победы, памяти и пр.).

Говоря о функциях военно-мемориального наследия, необходимо отметить, что они во многом удовлетворяют потребность общества в воссоздании упорядоченной картины прошлого в условиях перехода от доминирования памяти отдельных социальных групп к консолидированной национальной памяти.

Мы предлагаем выделить следующие функции военно-мемориального наследия:

- 1) политико-идеологическую (направлена на укрепление символической легитимности государственного строя, поддержание социального порядка и консолидацию гражданского общества; выражается в проведении комплекса мероприятий со стороны государства, направленного на приобщение населения к смыслам и ценностям, связанным с официальной идеологией);

2) коммеморативную (связана с выстраиванием определенной смысловой концепции памяти о событиях прошлого; выражается в актах коммеморации или увековечения памяти о военных деятелях, участниках военных событий);

3) ритуальную (выражается в ритуализации, визуализации мемориальных практик (проведение митингов, парадов, открытия различных военно-мемориальных объектов и пр.) и событийно-деятельном приобщении населения к содержанию исторической памяти;

4) мобилизационную (выражается, в частности, в шефской помощи трудовых коллективов на стадии строительства монументов, ремонта сооружений и их благоустройства);

5) информационную (состоит в возможности познания новой информации о фактах, событиях, личностях военного времени; выражается в ознакомлении с надписями мемориальных досок, памятных знаков, изучении путеводителей, буклетов с описанием военно-мемориальных объектов);

6) воспитательную (направлена на формирование чувства патриотизма; выражается в реализации комплексных программ патриотического воспитания);

7) сакральную (выражается в восприятии населением памятных сооружений в качестве «священных мест», военно-мемориальное наследие способствует сакрализации памяти о военной истории и ее участниках);

8) рекреационную (направлена на использование прилегающих к монументам территорий для проведения досуга граждан; выражается в проведении концертов, спортивных мероприятий, автопробегов и иных мероприятий, вызывающих массовый общественный интерес);

9) эстетическую (мемориалы являются авторскими произведениями и вписаны в окружающую среду и ландшафт).

Феномен «военно-мемориального наследия» теснейшим образом взаимосвязан с иными более общими и более частными феноменами культуры.

Военно-мемориальное наследие является видом военно-исторического наследия, которое в свою очередь выступает разновидностью культурного (или культурно-исторического).

Под культурным наследием мы предлагаем понимать «совокупность объектов культуры, отражающих этапы развития общества и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации» [261, с. 16– 18].

Материальные и нематериальные ценности, связанные с военной историей государства, объединены понятием «военно-историческое наследие». Говоря о военно-историческом наследии, можно выделить три его важных составляющих:

- 1) военно-мемориальное наследие (материальные ценности открытой среды),
- 2) музейные, библиотечные, архивные фонды (материальные ценности закрытой среды),
- 3) нематериальные ценности (военные традиции, уставы, фольклор, достижения военной науки и пр.).

Система сохранения, поддержания, трансляции и пропаганды военно-мемориального наследия понимается нами как военно-мемориальная культура. А. В. Святославский под военно-мемориальной культурой понимает традицию сохранения памяти о защитниках Отечества, важнейшую составляющую отечественной культуры увековечения [441].

Так, ученый пишет: «...период XVIII – I половины XIX в. ... явил огромную роль военно-мемориальной культуры в общекультурном пространстве России – традиция, которая навсегда окажется важнейшей ... в отечественной культуре увековечивания» [441, с. 199]. При этом автор ссылается именно на крупные военно-мемориальные проекты, важнейшим из которых был проект увековечивания Отечественной войны 1812 г., когда под эгидой императора Николая I Генеральный штаб разработал перечень мест, связанных с военными действиями, где должны были быть установлены

памятники-монументы [441, с. 199– 200]. А. В. Святославский объясняет это следующим образом: «Сегмент военно-мемориальной культуры в отечественной коллективной памяти значителен по весьма понятным причинам: Руси – России пришлось постоянно воевать» [441, с. 99].

Для более четкой дифференциации феномена военно-мемориального наследия из круга близких, но не тождественных ему явлений культуры, обозначим его специфику в сравнении с феноменами «памятник архитектуры» и «объект археологического наследия».

Памятник архитектуры – это недвижимый значимый объект материального и духовного творчества, который имеет национальное или международное значение. По сути, к ним целесообразно отнести любое архитектурное сооружение, получившее статус объекта культурного наследия (недвижимого памятника истории и культуры) на основании наличия архитектурной (градостроительной) или историко-символической значимости. Они принципиально отличаются от военно-мемориального наследия тем, что последнее объединяет сугубо совокупность специальных архитектурных сооружений (нежилых), установленных в память конкретно военных событий (храмы, часовни, арки, колонны и пр.), которые вместе с тем могут иметь юридический статус памятников истории и культуры.

Что касается понятия «объект археологического наследия», в данном вопросе ситуация не столь однозначная. К сожалению, современное российское законодательство установило 100-летний рубеж для определения объекта археологического наследия, то есть братскую могилу периода Гражданской войны 1918 – 1920 гг. можно отнести к памятникам археологии, однако такое решение вызывает жаркие дискуссии между археологическим и поисковым сообществами.

На наш взгляд, к памятникам археологии необходимо относить культурные следы цивилизаций, не оставивших письменных источников о своей деятельности. Границу между объектом военно-мемориального наследия и объектом археологического наследия мы условно проводим

следующим образом: военно-мемориальное наследие посвящено известным, ценностно-значимым военным событиям и их участникам, а памятники археологии могут быть связаны с неизвестными войнами.

Военно-мемориальное наследие, как видно из определения, включает в себя целую систему более локальных терминов, как непосредственно обозначенных в его рамках, так и подразумеваемых. Ниже мы представим осмысление тех изменений, которые происходили в истории эволюции понятийно-терминологического базиса военно-мемориального наследия на примере энциклопедических и словарных изданий второй половины XIX–начала XXI в.

Рассматривая *дореволюционный период*, стоит отметить два важных момента. Во-первых, отсутствие практики публичного (в научной литературе, словарях, нормативных актах и пр.) использования понятия «военно-мемориальное наследие» – оно не встречается ни в одном из изученных нами разнообразных источников. Во-вторых, отсутствие научно обоснованного представления о наследии в целом – как о совокупности культурного и иного человеческого опыта, значимого для сохранения и межпоколенной трансляции.

В энциклопедических изданиях царской России наиболее содержательным, емким и широким понятием, имеющим отношение к феномену военно-мемориального наследия, можно считать понятие памятника.

Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (1863 – 1866 гг.) под памятником понимается «все, что сделано для облегчения памяти, для того, чтобы помнить или поминать дело, не забыть чего-либо; надгробный, надмогильный памятник, остатки прошлого; устроенное, созданное кем-либо или напоминающее его» [186, с. 94, 622]. В. И. Даль интерпретировал памятник чрезвычайно широко, распространяя его на все возможные формы и инструменты обеспечения сохранения памяти, в том

числе и в повседневно-бытовом контексте, а также все, что имеет отношение к прошлому.

Аналогичным способом, то есть, максимально расширяя границы понятия, трактовали категорию «памятник» авторы Большой Энциклопедии: словаря общедоступных сведений по всем отраслям знаний (1908 г., ред. С.Н.Южаков). В этом издании памятник определялся как «всякий знак, начиная от простого кургана и камня до совершеннейшего предмета искусства, увековечивающий память о каком-либо лице или событии» [116, Т.14, с. 644]. К разновидностям памятников относились «памятные доски с надписями, медальоны, сидящие или стоящие фигуры, конные статуи и группы, рельефы, аллегорические фигуры, обелиски, колонны, триумфальные ворота» [116, Т.14, с. 644].

Интересно, что в этой же энциклопедии дается определение понятия «мемориал», под которым в контексте той исторической эпохи понималась «особого рода докладная записка» [116, Т.13, с. 30]. В других смысловых контекстах понятия мемориала или мемориального комплекса не использовались.

Подход к осмыслению сущности понятия «памятник», предложенный Ф.А. Брокгаузом и И. А. Ефроном в их Энциклопедическом словаре (1890–1907 гг.), значительно более конкретен и локален. Под памятником они предлагали понимать «сооружение, возводимое с целью увековечить память известных лиц или событий» [531, Т.ХХIIа, с.675].

Близкую интерпретацию предлагали и авторы Большой Энциклопедии, понимая под памятником конкретно «портретные статуи, запечатлевшие наиболее значимых исторических деятелей» [116, Т.22, с.217– 218].

В указанных выше энциклопедических изданиях упоминаются и иные термины, имеющие, хоть и достаточно косвенное, отношение к военно-мемориальному наследию. Это разнообразные архитектурные и скульптурные сооружения, воздвигаемые с целью сохранения памяти (в дореволюционных изданиях контекст их использования был достаточно

широким и не подразумевал конкретизации памяти на различные виды). Среди них: бюст, надгробие, стела и обелиск.

Под скульптурой дореволюционные издания предлагают понимать «искусство изображать людей, животных и разные предметы из более или менее твердого материала: из глины, гипса, камня, бронзы и т.д.» [116, Т.17, с. 501].

Искусство архитектуры трактовалось как «строительное искусство, то есть искусство возводить постройки, соответствующие известным целям и потребностям, прочно, удобно и красиво» [116, Т.2, с. 150].

В Толковом словаре В.И. Даля бюст определялся как «человек или изваяние, каменное наличие, верхняя половина тела человека, особенность женщины, грудь и плечи» [186, с. 94, 622]. В Большой Энциклопедии под этим же термином понималось «круглое скульптурное изображение, которое можно рассматривать со всех сторон» [116, Т.17, с.503]. В Русской энциклопедии, вышедшей под редакцией С.А. Андрианова, Э.Д. Гримма, А.В. Клоссовского, Г.Б. Хлопина в 1912 году, можно найти следующее определение «бюста»: «Скульптурное изображение человеческой фигуры по грудь» [424, Т.3, с. 123].

Понятие «надгробие» в словарях и шире – письменной речи не использовалось, однако использовался его аналог – термин «надгробница» – «в старинных могилах сооружение наверху помоста над склепом, с надписями, вырезанными на камне или металле, оружием и доспехами» [116, Т. 22 (дополнительный), с. 82].

Весьма популярными (судя по словарному контенту) типами памятника были: 1) обелиск – «высокая, тонкая колонна из одного цельного камня пирамидальной формы, служащая памятником» [116, Т.14, с.231]; 2) стела – «надгробный четырехгранный столб, с украшением из лепных цветов и листьев на вершине, на котором писалось имя умершего» [116, Т.14, с. 24–25].

Таким образом, обобщая специфику понятийно-терминологического базиса военно-мемориального наследия, сложившегося в дореволюционной России в период со второй половины XIX в. и до 1917 г., можно выделить его следующие особенности.

Во-первых, *терминологическую расфокусированность*, то есть отсутствие интереса к базовым для нашего исследования понятиям – наследие, мемориал, мемориальный комплекс и пр. и соответственно концентрацию внимания на понятиях периферийных (бюст, стела, обелиск и пр.). Это объясняется, прежде всего, тем, что проблема сохранения военно-мемориального наследия в царской России не только не была разработана, но не была даже поставлена. Об этом свидетельствуют проанализированные нами словарные и энциклопедические статьи, которые и сейчас, и в досоветское время четко фиксировали наличие или отсутствие той или иной социокультурной проблематики, акцентуацию исследовательских запросов и интересов. Следовательно, отсутствие в изученном контенте определений указанных выше понятий, свидетельствует об отсутствии социального (культурного, научного и пр.) запроса на их интерпретацию.

Во-вторых, *смысловую бинарность*, заключающуюся в курсировании содержательного наполнения понятий (в нашем случае это прежде всего касается понятия «памятник») от предельного обобщения к предельной конкретизации и локализации. Так, в первом случае под памятником понималось все, что способно сохранять память, а во втором – статуя или сооружение мемориального характера.

В-третьих, *правовой нигилизм*, то есть отсутствие в целом правовых и законодательно закрепленных взаимоотношений между государством и всеми типами наследия и, соответственно, адекватного такого рода взаимоотношениям понятийного аппарата.

Советский период был связан с кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества, в том числе и с пересмотром категориальных оснований военно-мемориального наследия.

Кроме того, впервые в словарно-энциклопедической литературе фигурирует понятие наследия, определяемое достаточно широко, размыто и вне ценностного контекста как «явления культуры, науки, быта и т.п., полученные от предыдущих эпох, от прежних деятелей» [447, Т.7, с. 503].

Кроме того, в интерпретации понятия «памятник» появилась устойчивая смысловая конкретика, позволяющая трактовать памятник уже не столько как любые формы сохранения памяти о минувшем, сколько как материализованную в скульптурной или архитектурной форме память о прошлом: «Памятник – скульптурное или архитектурное произведение, сооружаемое для увековечения лиц или событий» [114, Т.31, с.626 – 627].

Чрезвычайный интерес представляет определение памятника, данное в 19-м томе 3-го издания Большой Советской Энциклопедии. Этот интерес связан не столько с его узкофункциональным определением («памятник как произведение искусства, созданное для увековечения памяти о людях и событиях» [113, Т.19, с.130–131]), сколько с выходом на новый уровень осмысления данной категории. В энциклопедии впервые памятник трактуется как «часть культурного наследия страны, народа» [113, Т.19, с.130 – 131]. Важным атрибутивным свойством памятника, как указывалось в том же издании, является его музеефикационный потенциал, то есть возможность публичной демонстрации и межпоколенной трансляции.

Несмотря на имеющиеся различия, все подходы к определению памятника объединяет одно – понимание его как произведения искусства – архитектурного, скульптурного или синтетического.

В изданиях советского периода толкование скульптуры и архитектуры (в сравнении с предшествующей эпохой) практически не изменилось. Архитектура также понимается как «вид искусства, который организует пространство, заключая его в объемную форму таким образом, чтобы форма эта отвечала назначению сооружения» [115, Т.3, с. 560].

Маркирующими свойствами скульптуры по-прежнему называются объемность (трехмерность) и твердость используемых материалов [115, Т.51,

с. 337 – 348]. Единственное, что, пожалуй, стоит отметить как важное дополнение и уточнение, появившиеся в словарях советского времени, – обоснование различных типов скульптуры, как по форме (круглая – рельеф), так и по содержанию. Последний аспект представляется чрезвычайно важным, поскольку фиксирует наметившуюся тенденцию – тенденцию дифференциации произведений скульптуры по коммеморативному принципу. Так, отдельно была выделена «монументальная скульптура мемориального характера», близкая по своему содержанию к понятию «памятник» [114, Т.39, с. 278 – 284] и включающая следующие категории:

1) монумент – разновидность масштабного по форме и содержанию памятника, поводом для создания которого может выступать любое, а не только мемориальное, событие [114, Т.39, с.278 – 284];

2) скульптурная фигура и группа – тип памятника, выполненный «в размерах, превышающих натуру, и установленный на постаменте (цоколе) в месте, доступном широкому обозрению (городская площадь, парк и т.д.) или исторически связанном с определенным событием (поле битвы, место рождения исторической личности и т.п.)» [114, Т.31, с.626–627];

3) надгробный памятник (надгробие) – «произведение скульптуры или малая архитектурная форма; предназначено для увековечения памяти умершего, устанавливается на его могиле (в отличие от гробницы, вмещающей в себя тело умершего, и ложного надгробия – кенотафа)» [113, Т.17, с.204];

4) бюст – разновидность памятника, «погрудное изображение человека в скульптуре» [114, Т.6, с.474].

5) обелиск (определение этого понятия в советских словарях было практически полностью заимствовано из их дореволюционных аналогов) – «особого рода памятный объект, граненый (чаще квадратный в сечении), суживающийся кверху каменный столб с заострённой пирамидальной верхушкой» [113, Т.18, с.180].

б) стела – вертикально стоящая каменная плита с надписью или рельефным изображением, часто выполняющая функцию надгробного памятника, межевого камня, материального объекта, увековечивающего память о каком-либо значимом событии [113, Т.24, с.478].

Впервые в энциклопедиях и иных справочных изданиях советской эпохи в качестве отдельной категории мемориальной скульптуры были выделены «памятники воинам Советской Армии» [114, Т.31, с.627]. По большому счету введение данного термина можно считать первым шагом на пути к осмыслению военно-мемориального наследия как особого феномена. Согласно определению, памятники воинам Советской Армии включают в себя «архитектурные и скульптурные сооружения, воздвигнутые советским народом и народами других стран в память воинов Советской Армии и Флота и партизан, павших на полях сражений за свободу и независимость СССР и других стран» [114, Т.31, с.627].

Анализируя содержание термина «памятники воинам Советской Армии», необходимо отметить его схожесть с определением термина «мемориальное сооружение». Этот термин также впервые встречается в словарной и энциклопедической литературе и интерпретируется как «совокупность произведений изобразительного искусства и архитектуры, создаваемых в память отдельных лиц и исторических событий» [391, Т.1, с. 447].

К разновидностям мемориальных сооружений были отнесены: «памятник, монумент, пирамида, гробница, надгробие, мавзолей, арка триумфальная, колонна, обелиск; в современной практике – архитектурно-скульптурные комплексы (иногда в сочетании с другими видами искусства) или произведения архитектуры (мавзолеи, мемориальные музеи), предполагающие пространственно-развитое, ансамблевое решение образа» [113, Т.16, с.63–64].

Частным вариантом мемориального сооружения выступает мемориальная доска – «памятная доска с надписью, увековечивающая

знаменательные события в истории страны, города или в жизни выдающихся людей» [114, Т.27, с.133].

Важным достижением советского периода можно назвать интеграцию понятий наследия и памятника в нормативно-правовую документацию. Так, в «Положении об охране памятников культуры» (утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898) фиксируется значимость памятников культуры как части культурного наследия (определения данных терминов не приводятся) и осуществляется их дифференциация на археологические, художественные, архитектурные и исторические. К категории исторических памятников помимо прочего относятся «памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев» [213, с. 68].

Однако в другом важнейшем документе, связанном с нормативно-правовой интерпретацией феномена наследия, «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», подписанной в Гааге 14 мая 1954 года и ратифицированной Указом Президиума ВС СССР от 12 декабря 1956 года, среди выделенных типов культурного наследия ни военно-мемориальные, ни в целом мемориальные памятники не упоминаются [369, с. 128 – 129].

Таким образом, говоря о развитии терминологического базиса понятия «военно-мемориальное наследие» в советское время, можно отметить следующие тенденции.

Терминологический дисбаланс, проявляющийся в сосуществовании двух тенденций. С одной стороны, тенденции включения в практику публичного использования различных новых терминов и понятий, фиксирующих появление отдельной и весьма специфической категории памятников–памятников мемориального значения (монументальная скульптура мемориального характера, мемориальное сооружение, мемориальная доска). Кроме того, появляются термины, указывающие на начало процесса

выделения из данной категории памятников особой военно-мемориальной группы – памятников воинам Советской армии. С другой стороны, можно говорить о тенденции «терминологического голода», то есть об отсутствии не только самого понятия «военно-мемориальное наследие», но и понятий, содержательно близких ему (военное наследие, мемориальное наследие, культурное наследие и пр.).

Аксиологический разворот, заключающийся в осознании ценностной природы памятника в целом и различных его типов как формы культурного наследия, его особой социокультурной и исторической роли. На практике эта роль проявляется в формировании и поддержании национальной идентичности, конструировании общемемориального пространства, закрепляющего наиболее великие события и подвиги национальных героев, в патриотическом воспитании населения и пр.

Правовой прецедент, проявившийся в интеграции понятий наследия и памятника в правоприменительную документацию, то есть распространение на них статуса юридической единицы. Именно в советскую эпоху впервые появляются нормативные документы, регламентирующие обеспечение охраны культурного наследия и памятников, его составляющих, на государственном уровне – «Положение об охране памятников культуры», «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Постсоветский период в целом продолжил, а во многом и обновил обозначенные тенденции.

Что касается словарно-энциклопедической литературы, в ней в целом фиксируются те же понятия, что и в литературе советского времени – наследие, памятник, мемориальное сооружение, надгробие. Отличие заключается, пожалуй, лишь в их более детальной содержательной разработке, а также в появлении понятия «культурное наследие», трактуемого как «наиболее выдающиеся памятники материальной и

духовной культуры человечества, созданные прошлыми поколениями, сохранившиеся в общественной памяти и передающиеся следующим поколениям как нечто ценное и почитаемое» [322, Т. IX(I), с. 340].

Важно отметить и тот факт, что в постсоветский период был принят ряд федеральных нормативных правовых актов: Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (1993), Федеральные законы «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995), «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002), Указ Президента Российской Федерации «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» (2012).

В данных документах впервые используются понятия, содержательно максимально близкие к понятию военно-мемориального наследия, но не тождественные ему. Так, в статье 3 Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» появляется термин «воинские захоронения», под которыми понимаются «захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями и объектами» [346, 351, 356, 348]. К ним относятся: военные мемориальные кладбища, воинские кладбища, отдельные воинские участки на общих кладбищах, братские и индивидуальные могилы на общих кладбищах и вне кладбищ, колумбарии и урны с прахом погибших, места захоронений в акваториях морей и океанов, места гибели боевых кораблей, морских, речных и воздушных судов с экипажами.

В статье 5 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» вводится понятие «памятники Великой Отечественной войны» [356], включающее в себя скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения и

объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» нормирует использование понятия «памятник», наделяя его мемориальными коннотациями и выделяя его особую категорию – «военный памятник» [348].

И еще один значимый термин, употребляемый в современной нормативной документации, – «военно-историческое наследие». Согласно Указу Президента Российской Федерации «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» к военно-историческому наследию относят «объекты культурного наследия, архивные, музейные и библиотечные фонды, относящиеся к военно-исторической тематике» [344].

Таким образом, в постсоветский период был сделан существенный терминологический прорыв в осмыслении сущности феномена «военно-мемориальное наследие», выразившийся в доминировании следующих тенденций.

Во-первых, *терминологическая концентрация* – введение в словоупотребительную практику различных терминов, непосредственным образом связанных с понятием военно-мемориального наследия (военно-историческое наследие, воинские захоронения, памятники Великой Отечественной войны). Само же понятие военно-мемориального наследия по-прежнему не получило терминологического оформления ни на уровне понятия в словарях и энциклопедиях, ни в нормативно-правовой документации.

Во-вторых, *правовая интеграция*, связанная с активным внедрением понятий, имеющих то или иное отношение к понятию военно-мемориального наследия, в юридическое пространство современного российского законодательства.

Таким образом, подводя итоги первого параграфа, стоит отметить наиболее значимые позиции.

Нами было введено и обосновано понятие «военно-мемориальное наследие», под которым предлагается понимать совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры.

Военно-мемориальное наследие представляет собой систему, состоящую из двух взаимосвязанных компонентов – знаково-символического и материального. Первый позволяет говорить о военно-материальном наследии как об особом роде месте памяти, то есть символическом объекте, коммеморативном знаке, выражающем коллективное стремление группы к сохранению и трансляции воспоминаний о военном событии и/или личности. Материальный компонент военно-мемориального наследия – это, собственно, форма объективации этого коммеморативного знака, воплощения памяти группы о своем военном прошлом.

Введение и обоснование понятия «военно-мемориальное наследие» было детерминировано его неразработанностью как в специализированно научной (об этом более подробно речь пойдет в следующем параграфе), так и в словарно-энциклопедической литературе.

Как показал анализ последней, эволюция терминологического базиса понятия «военно-мемориальное наследие» (так мы предлагаем называть термины, входящие в объем сформулированного нами определения понятия «военно-мемориальное наследие») прошла путь от терминологической расфокусированности (отсутствия практики использования содержательно близких к военно-мемориальному наследию понятий – наследие, мемориал и пр. и концентрации внимания на периферийных и частных понятиях, таких, как бюст, стела и пр.) и правового нигилизма (отсутствия законодательной базы, регламентирующей роль государства в отношении наследия и

соответствующих понятий в юридической документации) в дореволюционную эпоху до терминологической концентрации (введения в словоупотребительную практику различных терминов, непосредственным образом связанных с понятием военно-мемориального наследия и правовой интеграции, заключающейся в активном внедрении понятий, так или иначе связанных с военно-мемориальным наследием, в юридическое пространство современного российского законодательства на современном этапе развития российского общества.

Кроме того, уже интегрированные в научный, правовой и бытовой контексты употребления понятия, такие, как «военно-мемориальная культура», «военное наследие» или «военно-историческое наследие», не нивелировали потребность в разработке нового и специфичного по отношению к ним понятия военно-мемориального наследия, поскольку последнее обладает собственными специфическими чертами, отличающими его от иных терминов. В частности, к специфическим чертам военно-мемориального наследия и составляющим его объектам целесообразно отнести:

- взаимосвязь с военно-историческими событиями: военно-мемориальное наследие отличается от всех иных видов наследия субъектом мемориализации, которым выступает военная история;

- публичность: объекты военно-мемориального наследия не изолированы в специальных пространствах (музейных, архивных и пр.), а сознательно и целенаправленно доступны для визуального и даже тактильного контакта;

- территориальная центрированность: объекты военно-мемориального наследия, как правило, располагаются в наиболее востребованных (доступных, визуально доминантных) территориальных локусах – центральные улицы, площади, скверы, парки городов и районов, выделенные участки общих кладбищ;

– динамичность: возможность перемещения военно-мемориальных объектов (что обусловлено постоянными изменениями градостроительной ситуации, ликвидацией кладбищ, восстановлением утраченных военно-мемориальных объектов с учетом застройки их прежних мест размещения и прочими причинами);

– контекстность: вписанность объектов военно-мемориального наследия в окружающую среду (городскую застройку, ландшафтное окружение и пр.);

– доминирование символической компоненты над формальной: главным в военно-мемориальном наследии выступает не аутентичность составных частей памятника, а символическая память о погибших защитниках Отечества, что придает данному виду наследия способность к изменениям, восстановлению, развитию.

1.2. Опыт изучения феномена военно-мемориального наследия в пространстве гуманитарного знания

Исследование феномена военно-мемориального наследия предполагает междисциплинарный характер анализа и изучение используемых теоретических и методологических источников с позиций истории, культурологии, философии и искусствоведения. Всестороннее освещение категории военно-мемориального наследия потребовало изучения большого пласта научной литературы, поскольку вопросы сохранения наследия были в центре внимания еще протогосударственных образований древности. Однако непосредственно методология исследования вопросов сохранения исторической и коллективной памяти сформировалась в зарубежной и отечественной историографии лишь в XX веке.

Поднимая сегодня военно-мемориальную тему, можно согласиться с мнением военного историка Г.М. Ипполитова, что все меньше и меньше остается оснований для пацифистских иллюзий [212]. В наше кризисное время особенно важно продолжать процесс возрождения правдивого и уважительного отношения к отечественной истории и чаще вспоминать слова А.С. Пушкина о том, что «уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно» [401].

Теоретико-методологические основания проведенного нами исследования базируются на зарубежных и российских трудах в области исторической памяти, культурного и иных типов наследия, военной истории и др. Анализ данного материала будет осуществляться в рамках дедуктивного принципа, предполагающего повествовательную логику от общего к частному. В рамках нашей работы общим будут выступать такие феномены, как историческая память, наследие, культурная политика, а частными – производные от них социокультурные явления (военно-мемориальная культура, военно-мемориальное наследие и пр.).

Феномен исторической памяти находился и находится в ракурсе научных интересов не только историков, но и социологов, философов, культурологов, что обусловило разносторонний интерес к данному явлению.

Знаменитый историк, методолог истории А. Мегилл внес, без преувеличения, выдающийся вклад в разработку понятия исторической памяти (хотя четко сформулированного ее определения в его работах предложено не было). Для понимания сущности и специфики исторической памяти, по мысли А. Мегилла, необходимо учитывать несколько важных обстоятельств:

– во-первых, то, что память не только хранит, но и модернизирует исходя из потребностей современности содержание воспоминаний о прошлом;

– во-вторых, то, что объем исторической памяти ограничен главным образом дорефлективными, спонтанно складывающимися представлениями о прошлом;

– в-третьих, то, что историческая память базируется на коллективном опыте (реальные переживания членов группы по поводу сообща пережитого прошлого), а потому неразрывно связана с ним [295, с. 152].

Собственно, исходя из этих особенностей исторической памяти можно говорить о том, что она, согласно А. Мегиллу, представляет собой совокупность воспоминаний участников исторических событий, зафиксированных и репрезентуемых в различного рода культурных нарративах, служащих основанием исторического исследования.

Признавая связь исторической памяти и истории, ученый тем не менее предостерегает от их синонимизации: «Если мы придаем памяти абсолютную ценность, то мы открываем дверь опасной идее попытаться использовать неизбежные ошибки в воспоминаниях и тем самым полностью дискредитировать то, что говорят вспоминающие» [294, с. 107].

Историк может относиться к исторической памяти по-разному. А. Мегилл фиксирует четыре подобных сценария:

- 1) как к объективному свидетельству произошедшего в прошлом;
- 2) как к свидетельству того, как относились к прошлому его очевидцы;
- 3) как к способу запоминания и фиксации знаний о прошлом;
- 4) как к «объекту квазирелигиозного культа» [294, с. 116], или как к коммеморации.

Немецкий историк и теоретик культуры Й. Рюзен, соглашаясь с А. Мегиллом в тезисе о связи исторической памяти и опыта, тем не менее, расходился с ним в интерпретации соотношения памяти и истории.

Ученый полагал, что память становится исторической лишь в том случае, когда она «выходит за пределы жизненного пространства личности или группы, к которым она относится... «Историческая» обозначает определенный элемент временной дистанции между прошлым и настоящим, которая делает сложное опосредование обоих необходимым» [427, с. 13].

Й. Рюзен выделял пять принципов исторической познавательной матрицы, которые лежат в основе «рационально выработанной формы исторической памяти» [427, с. 13]. В контексте нашей работы наибольший интерес представляют два последних – «формы репрезентации, в которых свидетельство прошлого, включенное в результате интерпретации в концепты значимости, представляется в форме повествования (нарратива); и, наконец, функции культурной ориентации в виде временного направления человеческой деятельности и концепций исторической идентичности» [427, с. 13]. Значение указанных принципов объясняется прежде всего тем, что они обращают внимание на имманентные свойства и функции наследия как такового и военно-мемориального наследия в частности – выступать особым нарративом прошлого, влияющим на формирование и развитие национальной и/или групповой идентичности.

Говоря о соотношении исторической памяти и истории, Й. Рюзен указывал на их тесную взаимосвязь, поскольку «память по сути относится к опыту», а история является «особым видом изучения опыта» [427, с. 23 – 24].

П. Нора противопоставлял социальную память и историческую. Первая – «настоящая», по его мнению, свойственна архаическим, традиционным сообществам. Вторая – исключительно современности. В отличие от социальной, для которой синкретичность, всеобъемлемость, нерелективный, иррациональный характер, мифологичность, основанность на традиции и повторении являются генетическими признаками, историческая память рациональна и искусственна по своей природе, существуя лишь «в жесте и в привычке, в ремеслах... в умениях тела, в механической памяти и рефлекторных навыках» [326, с. 28]».

Вслед за Ю. М. Лотманом П. Нора использовал метафору «архива» для обозначения сущности исторической памяти. В силу ее рациональной, «придуманной» природы и отсутствия опыта ее внутреннего переживания членами коллектива, она порождает практику тщательного сохранения того, что считается прошлым.

Современные отечественные социологи обращают внимание на то, что историческая память – не просто канал передачи сведений о прошлом, но и «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом [327]. М.В. Соколова считает, что именно важность «идентификационной» функции исторической памяти объясняет растущий интерес к прошлому в российском обществе и присутствующее стремление облечь его в символические формы [214].

Историческая память в концепции Л. П. Репиной понимается как «одно из измерений индивидуальной и коллективной или социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого... совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [404, с. 41 – 42].

По мнению исследователя, историческая память выполняет ряд важнейших функций: информационную (выступает каналом передачи опыта и сведения о прошлом), идентификационную (конституирует социальную

группу в настоящем посредством «оживления разделяемых образов исторического прошлого»), интерпретативную и стабилизационную («позволяет индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных жизненных ситуациях») [404, с. 41].

Историческая память обладает рядом атрибутов, характеризующих ее специфику: социальная дифференцированность, изменчивость, дуальность (совмещение осмысления реального и воображаемого опыта) и подверженность манипуляциям. Об этом задолго до Л. П. Репиной писал Ж. Ле Гофф, полагая, что «различные мыслящие сообщества», используя бессознательно-символическую природу исторической памяти для реализации собственных прагматических планов [266, с. 6].

Главным отличием исторической памяти от исторической науки, по мнению Л.П. Репиной, является то, что история не связана исключительно с непосредственными субъектами – носителями знаний о минувшей реальности, а ориентирована еще и на восстановление такого рода реальности, реконструкцию следов и источников, доставшихся от нее [405, с. 150].

И.М. Савельева и А.В. Полетаев определяли историческую память следующим образом: «Это массовое знание о прошлой социальной реальности, включающее в себя повседневное знание (обыденное, личностное, семейное и пр.), а также элементы профессионального философского, религиозного, идеологического и общественно-научного знания» [428, с. 242]. Структурно историческая память, по их мнению, включает в себя образно-символический (мифологический), познавательный (когнитивный, рациональный) и эмоциональный компоненты [428, с. 341].

Таким образом, можно говорить о том, что *историческая память* является одной из форм надиндивидуальной памяти, включающей в себя совокупность вне-, около- и научных представлений о прошлом, то есть совместно переживаемом коллективном опыте. Вслед за Л. П. Репиной, мы полагаем, что историческая память не связана исключительно с

непосредственными историческими знаниями, а формируется в том числе и за счет их дерационализированных, мифологизированных, символизированных модификаций.

Как было отмечено выше, историческая память довольно часто является объектом манипуляции со стороны «заинтересованных лиц» – властных и иных элит, использующих ее содержание и связанные с ней модели коллективного поведения в своих интересах.

Такого рода «управление» исторической памятью в общем виде можно назвать политикой памяти, которую Е.Е. Вяземский обозначил «средством достижения актуальных политических целей, не имеющих с прошлым ничего общего» [163, 164]. Основным субъектом политики памяти исследователь считает государство, а инструментом – заказанные им и финансово обеспечиваемые исторические исследования и содержание исторической учебной литературы [162, 470].

Аналогичные выводы можно найти и у других российских исследователей политики памяти – Г.А. Бордюгова и В.М. Бухараева, которые полагают, что политика памяти – это процесс и результат не только превращения исторических интерпретаций в инструменты «реальной политики», инструменты утверждения политических идей и идеалов, но и формирования национальной идентичности [118, 120, 119].

А. Миллер, понимая под политикой памяти «различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти» [302], в целом разделяет морфологический подход к ее осмыслению. По мнению исследователя, в содержательный объем политики памяти входят: формы государственной поддержки ветеранов боевых действий, актуализация и маргинализация исторических тем и сюжетов, регулирование доступа к архивам, определение стандартов исторического образования, финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д.

О.Б. Леонтьева использует термин, близкий по смыслу к понятию «политика памяти», – «стратегия памяти», понимая под ней «различные пути трансформации воспоминаний в рамках социальной памяти... ориентированные на то, чтобы от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем и, еще более широко, в будущем, с проекцией в будущее» [270].

В научных работах Ю. Шеррер также встречается синонимичное политике памяти понятие – «историческая политика», которая «своей целью ставит формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, которые находят свое воплощение в ритуалах и дискурсе» [523].

В исследованиях немецкого социолога Т. Адорно и российского философа Е.А. Ильинской можно найти еще один термин, близкий по смыслу понятию «политика памяти», – «проработка прошлого». Т. Адорно использовал его при осмыслении проблемы травмированного и травмирующего исторического опыта [68], Е.А. Ильинская – рассуждая об исторической судьбе русской культуры [210]. Профессор А.Р. Соколов в указанном ракурсе анализирует «войну» против советских памятников в Польше и указывает на абсурдность участия в ней Института национальной памяти, который является инструментом «проработки» истории Польши [177].

К вопросам, связанным со спецификой политики памяти в отношении Великой Отечественной войны, с причинами формирования особого «мифа о войне» и социокультурных последствиях его популяризации обращались И.И. Курилла [260], И.А. Калинин [224], Н.Е. Копосов [246] и др.

В контексте нашего исследования, пожалуй, наиболее удачным представляется позиция Д.А. Аникина, полагающего, что «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных

средств»[76, с. 123]. В настоящей диссертационной работе из всего многообразия такого рода «средств» основное внимание уделяется военно-мемориальному наследию.

Определение политики памяти, предложенное Д.А. Аникиным, предельно четко трактует одну из важнейших ее задач – задачу репрезентации образа прошлого в различных вербальных и визуальных формах. Или иначе – коммеморативных практиках.

Под коммеморативными практиками (или коммеморацией) мы вслед за А.В. Святославским предлагаем понимать «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [442, с. 4].

В концепции П. Нора они имеют общее наименование – «места памяти». Под местами памяти ученый понимал «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [326, с. 79]. Они «рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит, нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [326, с. 26].

Подобным образом о причинах зарождения коммеморации писал и Ф. Арьес: «Пафос коммеморации был... соединен в какой-то мере с потребностью вновь подтвердить связь с уходящим миром» [80, с. 44]. Под уходящим миром исследователь понимал потерю мира, «погруженного в живую традицию» [80, с. 44].

Наиболее известные исследователи коммеморации (А. Мегилл, Д. Шерман, П. Хаттон, Л. Мильорати, Л. Мори, Я. Ассман и др.) указывали на то, что с одной стороны, коммеморация выступает формой хранения

памяти о значимом для группы прошлом, соединяя, таким образом, членов этой группы с дистанцированным от них общим опытом, а с другой – визуализирует, объективирует эти воспоминания в формах совместных праздников, ритуалов, обрядов и пр.: «Коммеморация предстает как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, служит выражением солидарности группы» [541, с. 7].

Также хотелось бы отметить две исследовательских концепции, значимых для нашей работы в силу того, что они помогают понять не только функции, структуру, типы коммеморативных практик, но и их внутреннюю сущность.

Первая концепция была разработана британским историком Э. Хобсбаумом, введшим в научный оборот понятие «изобретенная традиция», которую он интерпретировал как «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [508, с. 48].

Вторая концепция – концепция «культурных инсценировок» – связана с именем отечественного исследователя Л.Г. Ионина. В рамках его исследовательской логики зарождение некоторых культурных форм, к которым можно отнести и коммеморацию, осуществляется в рамках определенного сценария, адекватного для общества, в котором «у подавляющего большинства членов общества утрачена идентификация, следовательно, утрачено и более или менее осознанное представление о собственном интересе» [211, с. 276]. Коммеморация в таком случае выступает своего рода культурной инсценировкой, предлагающей сценарий, возможные варианты восстановления утраченной идентичности, системы ценностей, мировоззренческих ориентиров.

Важной в обеих концепциях видится мысль о том, что коммеморативные практики не являются естественным порождением культуры. Их можно, скорее, назвать формой проявления политической или шире – властной воли элит, направленной на обеспечение востребованных ценностных ориентиров, моделей поведения и пр. Таким образом, можно говорить о существенной роли культурной политики не только в появлении, развитии и коррекции коммеморативных практик, но и в регулировании политики памяти в целом.

Коммеморативные практики (или, вслед за П. Нора, места памяти) многообразны по своему содержанию. Они включают в себя и учебники истории, и нормативную документацию в сфере сохранения прошлого, и мемориальные праздники и торжества. Наиболее полно они представлены в «визуально зримых и институционализированных формах памяти» – монументах, музеях, архивах, коллекциях и пр. При этом, по мнению французского исследователя, память о военных действиях конструируется наиболее активно, поскольку всегда мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события [326, с. 20].

К такого рода дискурсам можно отнести весьма разнообразные форматы исследований – от изучения собственно военных событий до осмысления специфики их репрезентации в культуре последующих поколений. Последний аспект, в рамках нашей работы представляющийся наиболее значимым, связан с осмыслением военно-мемориальной культуры.

Военно-мемориальная культура – феномен пока достаточно слабо изученный и зарубежными, и отечественными гуманитариями. Пожалуй, единственным, кто предложил определение данного понятия стал, А. В. Святославский. Военно-мемориальная культура в его работах понимается как «традиция сохранения памяти о защитниках Отечества, важнейшая составляющая отечественной культуры увековечения»[441].

Некоторые аспекты военно-мемориальной культуры рассматриваются в работах В.П. Мотревича и М.Л. Шуб. В.П. Мотревич анализирует традицию

сохранения памяти сквозь призму изучения воинских захоронений иностранных военнопленных на территории Уральского региона [310], М.Л. Шуб – сквозь призму изучения военно-мемориальных практик коммеморации (наименование улиц, воздвижение памятников и мемориальных досок в честь сотрудников МВД, ветеранов войн и др.) [526].

Интересная дискуссия разворачивается буквально в настоящее время в кругах западных специалистов в области *memory-studies*, которая связана не столько с феноменом военно-мемориальной культуры (данное понятие вообще не встречается в зарубежных исследованиях памяти), сколько с феноменом более общего порядка – мемориальной культурой в целом. Мы не будем останавливаться на данном вопросе слишком подробно, отметим лишь, что мемориальная культура (и как понятие, и как явление) подвергается достаточно жесткой критике, в частности в работах Ф. Книгге. Ученый, предлагая заменить понятие «мемориальная культура» понятием «критическое историческое сознание», указывает на существенные причины отказа от него:

- 1) «моральная перегруженность и расплывчатый пафос данного понятия»;
- 2) невозможность учета в пространстве мемориальной культуры «индивидуальных взглядов на события прошлого»;
- 3) вне- или даже лженаучный характер мемориальной культуры, далекой от «научно-исторических исследований и методически обоснованной рациональности» [539, с. 11 – 12].

Альтернативную позицию озвучила А. Ассман в известной работе «Новое недовольство мемориальной культурой» [81]. Она интерпретирует мемориальную культуру в трех срезах:

- во-первых, как «неспецифическое собирательное понятие, указывающие на плюрализацию и интенсификацию обращений к прошлому»;

– во-вторых, как механизм формирования социальной идентичности, «освоение прошлого определенной социальной группой»;

– в-третьих, как инструмент восстановления социальной справедливости в отношении между жертвами и преступниками в масштабах целой человеческой истории [81].

Х. Арендт предложила четыре тезиса, лежащих в основе актуальной современности мемориальной культуры: «Цензура, знаменующая собой слом цивилизации; негативное откровение абсолютного Зла; необходимость новой политики, защищающей права человека; концепция этической памяти – составляют интеллектуальную основу новой мемориальной культуры» [77].

В целом в западной гуманитарной риторике дискуссии о мемориальной культуре чаще всего сводятся к размышлениям о травмированном прошлом и масштабных социальных и гуманистических катастрофах прошлого столетия.

Органичной частью военно-мемориальной культуры является военное (военно-историческое) наследие, которое в свою очередь является структурным элементом культурного наследия. Из всех многообразных трактовок культурного наследия и подходов к его интерпретации нам ближе всего ценностный подход и определение, данное в его русле Э. Баллером, который под культурным наследием понимал «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [88, с. 52].

Военно-историческое наследие в современной российской научной литературе в качестве самостоятельного объекта исследования представлено достаточно слабо. Вместе с тем, различные грани и аспекты данного явления затрагивались многочисленными исследователями гуманитарного профиля. В частности, научные сотрудники Российского военно-исторического общества с 2012 года написали десятки книг и подготовили множество

научных конференций о военно-историческом наследии [148, 149]. Они же выступают в качестве консультантов при подготовке художественных фильмов, выставочных проектов, проектов мемориалов о военной истории нашей страны. Об отдельных сторонах военно-исторического наследия пишут и иные научные организации (Российская академия наук, Российское историческое общество, Русское географическое общество, ассоциации историков Первой и Второй мировых войн, региональные государственные и общественные структуры). Однако «военно-историческое наследие», несмотря на широту данного понятия, как научный феномен явно нуждается в отдельном самостоятельном исследовании в целях определения его сущностного наполнения.

Аналогичное можно сказать и относительно военно-мемориального наследия, понятийное оформление которого также не было разработано ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской практике. Однако существует довольно много работ, так или иначе затрагивающих данный феномен.

Стоит, пожалуй, выделить группу работ, связанных с осмыслением памятника как феномена культуры и инструментальной единицы политики памяти.

Выдающийся советский ученый – академик Д.С. Лихачев связывал памятники с патриотическим воспитанием, считая отношение к ним показателем гуманистичности культуры: «Они прививают человеку любовь к родине и к человечеству, воспитывают уважение к предкам и потомкам (забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем, сохранении ценностей прошлого для будущих поколений), знакомят с историей и культурой других народов... укрепляют, стабилизируют человека во времени, в историческом процессе и тем самым развивают его чувство ответственности перед собственным, прошлым и будущим поколениями» [272, с. 9].

К данной группе можно отнести исследования А.В. Святославского [441], в монографии которого отдельная глава посвящена некрополю как объекту мемориальной культуры России. Памятник как материальное измерение культуры воспоминаний рассматривали П. Нора и А. Эрль [537], как «форму актуализации прошлого для решения насущных современных проблем» – И. Г. Кравченко [153].

В концепции Р. Козеллека памятник выступает механизмом (в терминологии автора – «учреждением») групповой солидаризации и формирования идентичности [82, с. 66]. Аналогичную исследовательскую позицию занимает А.И. Макаров, относя памятники к категории «материализованных символов, которые приобретают свою специфическую знаковую в ситуации активизации тех слоев коллективной памяти, которые способны солидаризировать членов группы, обеспечить их идентичность через отсылку к символам группового единства... Символами группового единства мы называем общие для всех членов группы фигуры воспоминания, которые организуют рамку (фрейм) для возникновения общего смыслового поля...» [283, с. 21]. Памятник в этом контексте выступает носителем смысла, сосудом, ценностное содержание которого обеспечивается внешними усилиями (политикой памяти).

О памятнике как форме мемориализации прошлого, разновидности «навязанной памяти» и «способе закрепления точки зрения доминирующей политической силы» опыта писал И.И. Курилла. Исследователь полагает, что наиболее значимая «роль памятников состоит в закреплении ценностей/интерпретаций, определенных обществом» [260, с. 5]. Эта роль по-разному воплощается в разные исторические эпохи: в политически и социально спокойные периоды памятники выступают не более чем фрагментами скульптурного городского ландшафта. В периоды напряженности памятники начинают играть роль «напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом» [260, с. 6]. В качестве точки конвергенции «твердой» (материальные воплощения)

и «мягкой» (историческое знание, общественное мнение, символическая среда и пр.) памяти памятники анализировал А. Эткинд: «Именно сочетания камня и текста заставляют памятник работать; без слов нельзя понять значение камней»[532, с. 230].

М. Ямпольский рассматривал памятники как инструменты нивелирования времени и пространства, рассматривая их «как зону таинственного преодоления всех свойств материи»[542, с. 98].

Наиболее разнообразную группу литературы, так или иначе связанной с военно-мемориальным наследием, составляют исследования военных мемориалов и мемориальных комплексов. В 2001 г. вышел коллективный труд, единственный в своем роде, посвященный монументам военной славы России начиная с XVIII в. и до наших дней [308]. В книге обобщена наиболее полная информация о символически значимом военно-мемориальном наследии России, отражена хронология прежде всего военных событий истории Отечества, запечатленная в монументах и памятниках героического прошлого и настоящего нашей страны.

А.В. Стрельникова поднимает проблему социокультурного контекста создания объектов скульптуры и архитектуры, посвященных военному прошлому. Исследователь отмечает, что само материальное и символическое конструирование мемориальных объектов связано с целым рядом внешних факторов, таких, как текущие культурные предпочтения, идеологические и политические аспекты[471].

Вопросы увековечения революционного прошлого средствами монументальной скульптуры на территории Оренбургской области в 20 – 30-е годы XX столетия (период реализации декретов о «новой монументальной скульптуре») рассматривала Т.И. Тугай [485]. В монографии автор приходит к выводу, что после революции 1917 г. выросло новое поколение людей, воспитанных в духе «новой культурной памяти», для которых более важной была история недавнего революционного

прошлого и строительство будущего, чем традиционные ценности российской культуры.

Е.М. Коляда в ряде своих публикаций анализирует типологические характеристики русских мемориально-ландшафтных объектов и композиций – триумфальных колонн, обелисков, триумфальных ворот, мемориалов в честь отдельных личностей, аллей Славы и мемориальных музеев, полифункциональных парковых комплексов, посвященных в том числе и памяти о Великой Отечественной войне [243].

Мемориализация событий и героев Великой Отечественной войны – предмет исследования целого ряда ученых. Так, например, Е.М. Кукина и Р.Ф. Кожевников изучали историю создания памятников и мест боевой славы г. Москвы [258, 257].

И.А. Самарин, исследователь региональной мемориальной среды, посвятил ряд своих научных работ изучению «мест памяти» погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Сахалинской области [432]; Е.И. Ильин – военным мемориалам участникам битвы за Ленинград на территории всей России [209, с. 16 – 21].

Т.Г. Малинина изучала тематику художественных образов памятников Великой Отечественной войны по материалам конкурсов и выставок 1941 – 1945 гг. Автором особо подчеркивается то, что мемориальная тема заняла важное место в монументальном искусстве военных лет, в проектировании памятников участвовали практически все мастера советской архитектуры и монументальной скульптуры [286, 287].

Сравнению процессов мемориализации героев Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны средствами монументальной архитектуры и скульптуры посвящен ряд исследований О. Коршуновой. Автор считает возможным провести аналогию событий художественной жизни военных и послевоенных лет (1941 – 1945) с событиями после победоносной кампании 1812 г., когда вся культура также оказалась во власти мемориальной темы: «Как война 1812 года наложила печать на всю

архитектуру послепожарной Москвы, так и Великая Отечественная война оставила память о себе на фасадах зданий, в многочисленных мемориалах воинской славы» [247]. Общим моментом в мемориальных комплексах обеих эпох, по мнению О. Коршуновой, является то, что их авторы стремились к оригинальным синтетическим формам, сочетая в мемориальной скульптуре и архитектуре различные элементы – курган, ступенчатую пирамиду, купола с люкарнами, ниши и т.д.

З. Балака в ряде публикаций поднимает вопрос об архетипических основаниях военно-мемориального искусства, призванного увековечить память о Великой Отечественной войне. Наиболее значимыми архетипами, по мнению исследователя, стали архетипы «Великого отца – образа, дающего ощущение безопасности и надежды... и Родины-матери – женского образа, соединяющего в себе патриотизм и кровную привязанность» [87].

К отдельной группе можно отнести исследования, связанные с вопросами охраны культурного и в том числе военно-мемориального наследия.

Проблемы роли культурного наследия как платформы культурной идентичности и как ресурса развития нации и социокультурные запросы на его сохранение поднимали О.В. Галкова [172], М.В. Глаголев [176] и А.В. Лисицкий [271].

Так, например, О.В. Галкова рассматривает историю изучения культурного наследия в отечественной историографии. Говоря о проблемах сохранения культурного наследия на современном этапе, автор доказывает, что, обладая колоссальным материальным культурным наследием, Российская Федерация не в состоянии обеспечить своим движимым и недвижимым памятникам истории и культуры надлежащую охрану и использование. Автор считает, что система охраны национального культурного наследия сегодня переживает агрессивный натиск рыночных, товарно-денежных отношений [170, 171].

Историю, ценностные основания, специфику нормативно-правового регулирования охраны культурного наследия рассматривал в своих работах А.М. Кулемзин [259].

Правовым проблемам защиты объектов культурного наследия посвящены исследования О.В. Давлетшиной [185], Л.В. Кошман [252], Л.Р. Клебанова, Е.В. Вагановой, В.В. Гапоненко, А.К. Вахитова и др.[138, 145, 236].

Целый ряд авторов в орбиту своих научных интересов включают вопросы, связанные с процессами увековечивания памяти о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне за рубежом: в странах СНГ (Н.В. Калинина [226]) и на территории Западной Европы (А.Г. Карлов [230]). По мнению последнего, проблема защиты мемориальных объектов за рубежом в последние годы все больше приобретает политизированный характер. По мысли А.Г. Карлова, военно-мемориальная работа за границей направлена на то, чтобы сохранить историческую память о победах, которые являются весомым моральным ресурсом для дальнейшего развития России» [230].

Международное военно-мемориальное сотрудничество между Российской Федерацией и странами – участницами Второй мировой войны (в частности, Польшей и Чехией) рассмотрено в исследованиях Т. Назиной [318], С. Саратовой [434], А. Вагаевой [137], Т. Филимоновой [497], С. Колычева [242] и др.

Еще одним объектом исследовательских интересов ученых, занимающихся проблемой военно-мемориального наследия, является феномен поисковой работы, направленной «на обнаружение, захоронение воинов Великой Отечественной войны» и обеспечение их дальнейшей мемориализации [429].

Изучением поисковой работы в Курской области занимается коллектив авторов: В. В. Коровин, А.Ю. Золотухин и др. [204]. На основе анализа архивных документов, донесений политуправлений, исследователи

проанализировали специфику военно-мемориальной деятельности с 1943 года и до наших дней. Главным достижением этого научного коллектива можно назвать выявление и описание 730 памятных знаков, установленных в 28 районах Курской области в честь подвигов павших героев минувшей войны.

Отдельную группу представляют работы, связанные с проблемой захоронений иностранных военнопленных, погибших на территории нашей страны после различных военных кампаний. Так, В.И. Ананьев изучал эту проблему применительно к периоду Первой мировой войны, анализируя деятельность германского и австро-венгерского посольств в Советской республике [75, 73, 74]. В его работе прямо не указывается на смертность среди военнопленных, но говорится о том, что работники посольств участвовали в выявлении больных пленных с целью оказания им необходимой помощи.

Современная региональная историография военного плена, пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны, мест их захоронений представлена именами таких исследователей, как А.В. Федорова [493, 494, 495], В.П. Мотревич [312, 313, 314, 315], А.С. Смыкалин [449, 450, 451], Е.К. Рожкова[410] и др.

Так, с именем В.П. Мотревича связаны первые серьезные научные разработки по проблеме иностранных военнопленных на Урале. В своей работе «Благоустройство мест захоронения военнопленных и интернированных на Урале в 1995 – 2009 гг.» ученый приводит уточненные данные числа военнопленных, находившихся в целом в СССР и в том числе на Урале, количество умерших из этого контингента с 1944 по 1949 г., а также числа кладбищ и захоронений иностранных военнопленных[312, 314].

Говоря о причинах, которые затрудняют идентификацию мест захоронений иностранных пленных, В.П. Мотревич отмечает, что на протяжении 1950 – 1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории СССР был достаточно неопределенным. Активизацию работы в

данном направлении ученый связывает с созданием особой структуры – ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» (1991 г.). По данным автора, в настоящее время на территории Удмуртии, Курганской, Оренбургской, Свердловской, Челябинской областей и Пермского края Федеративная Республика Германия благоустроила 21 кладбище военнопленных Второй мировой войны, Венгерская Республика благоустроила 18 кладбищ и установила 60 памятных знаков, 5 памятных знаков установлены Итальянской Республикой, 2 – Японией, 1 – Финляндской Республикой [310].

Ученый делит воинские захоронения на шесть основных типов: плановые захоронения (братские или одиночные захоронения), санитарные захоронения, боевые захоронения, временные захоронения, мемориальные захоронения и перезахоронения. Иностранные воинские захоронения отнесены автором к первому типу. По составу погребенных иностранные воинские кладбища, указывает В.П. Мотревич, интернациональные. Вместе захоронены австрийцы, венгры, итальянцы, немцы, поляки, румыны, словаки, финны, французы и представители других европейских народов. Проведенное в 1990-е гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона показало, что три четверти кладбищ в той или иной степени сохранились [311].

Подводя итоги сказанному в данном параграфе и в первой главе, можно сделать следующие выводы.

Историческая память в целом, как теоретический концепт, представляется чрезвычайно дискуссионной по своему смысловому содержанию. Об этом говорит огромное количество исследований, посвященных исторической памяти, ее авторских трактовок и теоретико-методологических подходов к ее изучению. Более того, в контексте реального социокультурного пространства содержание исторической памяти усложняется, становится более многослойным и разнообразным за счет привнесения национальной специфики. Каждый народ помнит то, что, во-

первых, созвучно его актуальной реальности и соответствующим ей запросам, а во-вторых, то, что опирается на его исторический бэкграунд, архетипический событийно-исторический базис. Поэтому содержание исторической памяти, например французов, о чем писал П. Нора в работе «Франция. Память», отличается от того, что составляет основу исторической памяти россиян.

В «русском варианте» исторической памяти огромную роль играет пласт исторического опыта, связанный с войной. По словам А.В. Святославского, «не только и не столько пафос страдания, сколько пафос героизма ощутимо присутствует в отечественной военной памяти» [441, с. 101]. Это, как было отмечено выше, связано, прежде всего, с тем, что история России – это история войн: «Сегмент военно-мемориальной культуры в отечественной коллективной памяти значителен по весьма понятным причинам: Руси-России пришлось постоянно воевать» [441, с. 33].

Следует уточнить, что историческая память русского народа связана не столько с войнами как таковыми, сколько с великими, имеющими мировое значение военными победами. Память о них является во многом основой построения идентичности россиян и сегодня, что особенно явственно прослеживается в официальных спичах политических лидеров современной России: «Мы одной крови с теми, кто победил, стало быть, все мы – наследники победителей, и поэтому я верю в новую Россию. Нужно помнить и уважать наше прошлое. И работать по-настоящему ради нашего будущего... Мы сами выбрали свой путь, наши отцы и деды тогда победили. Теперь должны победить мы. Россия, вперед!» [545]. В статье «Россия, вперед!», содержащей программные положения новой политической стратегии, Д.А. Медведев высказался в том же ключе: «Этот юбилей напомнит нам, что наше время было будущим для тех героев, которые завоевали нашу свободу. И что народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить

коррупцию и отсталость. Сделать нашу страну современной и благоустроенной» [296].

Такую стратегию конструирования национальной идентичности (или национальной идеи) И.А. Калинин назвал «ностальгической модернизацией», имея в виду, что «модернизация... оказывается производным от вписанных в это же самое прошлое побед. Модернизация обречена на победу, потому что ее субъектами являются «наследники» победителей» [224].

То есть можно с уверенностью говорить о том, что современная российская историческая память формируется вокруг «мифа о войне» [260, с. 7].

Это в равной степени относится и к официальной политике памяти, и к значительному пласту профессиональных исторических дискуссий, и к медийным проектам. Разница заключается лишь в том, что официальный мемуарно-дискурс и все, что с ним связано (коммеморативные практики, массовый кинематограф и пр.), позиционируют этот миф как миф о «Великой Победе», наследниками и хранителями памяти о которой является современное поколение. В этом случае героическое военное прошлое России предстает мощным катализатором для прогрессивного развития страны в настоящем.

Существуют и альтернативные, критические оценки «мифа о войне» (не самой военной истории, а использования ресурса памяти о ней в конъюнктурных интересах современной власти). Так, например, Н.Е. Копосов интерпретирует его исключительно как продуманный и тщательно разработанный инструмент официальной пропаганды: «Не имея возможности – а отчасти и желания – консолидировать политическую поддержку вокруг мифа о Сталине, правительство с успехом использовало в этих целях миф о войне... У мифа о войне как орудия исторической политики были два главных преимущества: во-первых, благодаря советской пропаганде население знало его наизусть; во-вторых, его легко выразить в эмоционально насыщенных образах, что делает пропаганду эффективной...

Однако новый режим превратил миф о войне в тот аргумент, с помощью которого он попытался добиться международного «признания»: Россия – пусть сталинская – сражалась вместе с демократией за общие ценности и внесла главный вклад в одоление мирового зла. И это было признано великими державами в Ялте и Потсдаме. Миф о войне стал выражением претензий России на роль великой державы»[246, с. 8].

Близкую позицию занимает и А.Г. Васильев: «Великая Отечественная война Советского Союза» – конструкт, созданный «политикой памяти», осуществлявшейся идеологическими органами советского времени. «Образ-воспоминание» Великой Отечественной войны выполнял совершенно конкретные политические задачи... Доминирование образа победы в советской модели коммеморации также имело политическое значение, позволяя всячески прославлять партийно-государственное руководство и избегать обсуждения его ответственности за огромные жертвы и страдания граждан. Собственно, эта идеологическая модель используется российскими властями и сегодня, хотя и с меньшими историческими основаниями, поскольку не существует более ни того государственного строя, ни той партии, господство которых помогала оправдывать победа[143].

Вышесказанное в целом позволяет говорить о доминирующей роли *милитари-нарратива* в контексте мемориальной культуры современных россиян, системообразующим основанием которого выступает военное прошлое нашей страны в целом и военно-мемориальное наследие в частности. Важно подчеркнуть, что такого рода нарратив не является монолитным, включая в себя несколько сценариев позиционирования памяти о военной истории (А. Ассман назвала их «ролями, санкционированными национальной памятью»: сценарий «победитель, одолевший зло», «борец и мученик, оказавший сопротивление злу», «пассивная жертва, пострадавшая от зла» [81]. Нам видится, что в рамках описываемого милитари-нарратива наибольшую представленность имеет первый сценарий, подразумевающий позиционирование военного прошлого страны как опыта великих побед и

масштабной, выходящей за рамки собственно России, освободительной энергии. Из этой мысли проистекает важность не только и не столько теоретической концептуализации феномена военно-мемориального наследия, сколько осмысление специфики его практического применения в реальных социокультурных и правовых условиях.

Глава II. Государственная политика России в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия: основные исторические этапы

2.1. Становление российской государственной политики в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия в дореволюционный период (XI – начало XX в.)

Концептуальное оформление феномена военно-мемориального наследия, как было отмечено выше, до сих пор не обозначалось исследователями в качестве приоритетной задачи. Однако стремление увековечить, мемориализовать военные победы и их «создателей» было присуще еще древнерусской культуре.

Весь длительный период создания и сохранения военно-мемориального наследия России от Киевской Руси до Революции 1917 года мы разбили на несколько подпериодов, конкретизирующих основные тренды в данной сфере и позволяющих отследить эволюцию доминирования ключевых субъектов.

1. Религиозно-церковный этап (XI – XVII вв.).

Мемориальное храмовое строительство берет свое начало в XI – XII вв. В качестве примеров целесообразно привести строительство Софийского собора в Киеве Великим князем Ярославом Мудрым в честь победы над печенегами в 1037 г., постройку храма Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли Андреем Боголюбским в честь победы над Волжской Болгарией в 1164 г., события осады Великого Новгорода в 1170 г. и истории чудесного спасения запечатлены в городском мемориальном зодчестве. В целом необходимо отметить, что мемориальное храмостроительство присуще русской культуре с XI столетия и продолжается по сегодняшний день. По словам дореволюционного историка А. Долгова, «...памятниками служат

церкви, часовни, монастыри, сооружения в честь одержанных побед и в благодарность Всевышнему за милости, ниспосланные свыше» [194].

Важнейшей формой мемориализации военно-исторических событий является крест. Так, например, Изборский крест был поставлен на месте битвы с литовцами (1657) [178].

2. Религиозно-государственный этап (XVIII – первая половина XIXв.)

Петровская эпоха привнесла много нового в общественную жизнь, в том числе и в сферу военно-мемориального наследия. В этот период расширялись государственные границы, российское оружие завоевало славу в Северной войне, русская армия, флот, государь и полководцы стали олицетворять славу и крепнущую мощь империи. Наблюдался всплеск интереса к прошлому страны, что подтверждается экспедициями Академии наук (1-я Камчатская экспедиция –1725 – 1730 гг. и Великая Северная –1733 – 1743 гг., экспедиция под рук. В.И. Беринга и др.), в которых большое внимание было уделено древностям и их связи с русской историей. Перед академиками стояла сложная задача, поскольку до этого не проводилось академических научных изысканий. В частности, В.Н. Татищев, желая иллюстрировать свой труд «История Российская», смог привести сведения лишь о «некоторых древних строениях», имеющих косвенное отношение к русской истории [382].

В допетровской Руси охрана древностей (культурного наследия) не входила в круг обязанностей органов государственной власти. Определенные функции «охранителя» брала на себя Церковь в том случае, когда это касалось сакральных вещей: облачений, личных вещей венценосцев, лиц, причисленных к святым. При Петре I изменился взгляд на объекты старины, хотя понятие «исторический памятник» пока не вошло в обиход. Оно заменялось описательным определением – «что зело старо и необыкновенно» [368].

При Петре I были изданы первые нормативные правовые акты об охране памятников (указ от 18 февраля 1718 г. о сдаче найденных старинных

предметов комендантами; указ Сената от 20 декабря 1720 г. о сборе в монастырях старинных книг и документов и др.). Отметим, что в указах царя впервые в российской практике была затронута военно-мемориальная составляющая. Например, в указе от 7 февраля 1722 г. предписывалось охранять остатки Переславль-Залесской потешной флотилии. Указ велел воеводам следующее: «Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галер. А будь опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегши сей указ». Известен и указ от 2 сентября 1724 г. о сохранении исторического ботика и др. [166]

Следовательно, специальных учреждений по охране памятников в XVIII в. не существовало. Вопросы охраны культурного наследия по мере возникновения решались в Сенате и Синоде. Увековечение воинских побед уже являлось делом государственной политики. Так, триумфальные арки с их монументальным характером стали возводиться в духе античности именно в Петровскую эпоху. Они олицетворяли собой мужество, героизм, гимн победителям. Одной из первых в 1696 г. была возведена триумфальная арка в честь взятия Азова; победы над шведами запечатлены в арках, построенных у Каменного моста, в Китай-городе, у Ильинских и Мясницких ворот.

С.К. Романюк считает, что сооружение Триумфальных ворот перед Каменным мостом в Москве в 1696 г. привнесло в торжество светский характер, что само по себе было новшеством. О светскости свидетельствовал внешний вид ворот с их античными сюжетами и архитектурными деталями. Так, у ворот ваятели изобразили Геркулеса, у ног которого лежали ниц азовский паша, турки в цепях [412].

Одновременно продолжалась традиция ставить храмы в честь победы русского оружия (храм св. Иоанна Воина на Якиманке в память о победе под Полтавой и др.). Петр I был инициатором мемориальной кампании, посвященной Александру Невскому: «...восхотел государь Петр монастырь воздвигнуть, понеже сей благоверный князь Александр здешних пределов Российских от нападений шведских был всегдашний охранитель...» [103].

Необходимо отметить, что памятники воздвигались не только в столицах (например, в Москве в 1709 г. в честь Полтавской битвы были сооружены триумфальные арки у Серпуховских ворот и у Каменного моста), но и непосредственно на местах битв. Так называемая «Шведская могила» была возведена 28 июня 1709 г. По архивным данным, ранним утром, в 4 часа, сам Петр приказал вырыть две просторные могильные ямы для погребения павших в бою русских воинов. Перед церемонией войска в торжественный ряд встали перед могилами. Петр присутствовал лично при том, как офицеров, унтер-офицеров и солдат, облаченных в мундиры и «воинские уборы», хоронили под звуки панихиды. После погребения царь собственноручно водрузил на братских могилах крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровью венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709, июня 27 дня» [125].

Петр I вынашивал в планах куда более широкомасштабную кампанию по увековечиванию памяти о Полтавской битве. Предполагалось на месте Полтавского боя основать Петропавловский монастырь с приделом в честь Сампсона Странноприимца, а также возвести пирамиду с изображением битвы. Известно, что царем были утверждены рисунки и проект комплекса, однако обстоятельства помешали воплощению планов в жизнь [388].

Поскольку военно-мемориальные сооружения создавались практически одновременно с теми событиями, которые они запечатлевали, вопрос об их охране не ставился. Однако в рассматриваемый период было издано довольно много указов, посвященных сохранности раритетов, «куриозных вещей». Одним из самых известных стал указ от 13 февраля 1718 г., определивший функционирование знаменитой Кунсткамеры [367]. Он предписывал сдавать в государственный фонд «старые вещи, а именно: камни необыкновенные, также старые надписи на камнях, железе или меди, или старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что дело старо и необыкновенно». Ряд указов касался церквей и монастырей, которые обязывались доставить «вещи старые» (монеты, камни) в

Кунсткамеру. Указ от 16 февраля 1721 г. повелел оберегать археологические находки, найденное передавать в Берг- и Мануфактур-коллегии.

Итак, петровский период можно считать временем формирования представлений о культурном наследии в целом и военно-мемориальном в частности. Кроме того, судя по официальным документам, в обиход вводилось понятие «памятник», ассоциирующееся исключительно с далеким прошлым. Объекты, возникающие «на памяти живущих», к памятникам не причислялись.

Указанная тенденция сохранилась и при Екатерине II, в период правления которой возрос интерес к истории, особенно местной. Объяснением этому может служить внутренний курс государственной политики. Так, например, кампания по осуществлению Генерального межевания 1765 г. повлекла за собой четкое определение границ земельных владений, привязку их к географическим ориентирам, а отсюда – необходимость сведений о древних памятниках, курганах, развалинах.

Для исследователей неоспоримо большую ценность имеет указ 1759 г., в котором предписывалось присылать в Синод описание и планы монастырей для передачи их в Академию наук. Эти сведения были необходимы для подготовки и составления российского географического атласа, а в дальнейшем – обобщающего исторического труда. В июне 1771 г. требования указа были вновь продублированы: Святейшему Синоду вводилось в функции следить за тем, чтобы монастыри, независимо от их статуса, производили «всему церковному и монастырскому имуществу порядочные описи» [461]. Местные епархиальные власти обязаны были следить за сохранностью памятников церковной старины. Средства выделялись и Синодом, и прихожанами.

Продолжалась традиция установки триумфальных ворот и арок. О реставрации имеющихся мемориальных объектов речь еще не шла, но издавались указы о «поновлении различных казенных зданий, стен и крепостей» [525, с. 181].

Екатерининская эпоха оставила многочисленные примеры монументальных военно-мемориальных объектов. Особо отмечено обилием памятников такого рода Царское Село. Известно, что именно село было любимым местопребыванием императрицы. Установкой монументов было исполнено ее желание запечатлеть славу царствования. В частности, целых пять монументов, установленных в дворцовом саду, были посвящены памяти о первой Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В саду имелась отдельная территория, названная «Царский садик», там, напротив окон Большого дворца возвышался обелиск из синего мрамора. На пьедестале начертано: «В память победы при р. Качуле в Молдавии». Необычайно величественный монумент «Чесменская колонна» был расположен на территории паркового пруда [525, с. 183]. «Чесменская колонна» была торжественно открыта в 1782 г. Следующая колонна была посвящена победе в Архипелаге. Величественное сооружение из голубого олонецкого мрамора, пьедесталом служил белый сибирский мрамор. Колонна была украшена традиционными роstralными символами.

В честь князя Николая Васильевича Репина, в память о его вкладе в дело заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора (октябрь 1775 г.) Екатерина II велела установить на берегу большого царскосельского пруда мемориальный павильон («турецкий киоск»). Память о второй Русско-турецкой войне (1787–1791 гг.) в Царском Селе сохранилась в культовом сооружении – храм во имя Софии Премудрости Божией. Строительство храма курировал архитектор И. Е. Старов, согласно его планам храм должен был напоминать Софийский храм в Константинополе.

Исследователи относят к военно-мемориальным памятникам, посвященным победе русского оружия в войнах XVIII века с турками, монумент, водруженный в том же Царском парке. Это была колонна из серо-синего мрамора «с арматурами в виде сделанных из них мусульманских знамен и т.п.» [525, с. 184].

К крупным мемориальным комплексам целесообразно отнести так называемое Адмиралтейство – здание, построенное в неоготическом стиле в 1780-х гг. Оно служило своеобразным музеем в честь основания Черноморского флота и присоединения Крыма к России [525, с. 181, 184].

Следующим важнейшим этапом развития военно-мемориального наследия в России стала первая половина XIX века, связанная, прежде всего, с событиями Отечественной войны 1812 г. Так, в 1818 г. был сооружен монумент Минину и Пожарскому. Идея создания такого памятника родилась еще до Отечественной войны 1812 г., но воплотилась позднее. Это, в свою очередь, придало монументу многоплановость: память не только о победе над польскими оккупантами в годы Смуты, но и в память о событиях 1812 г., способствовавших росту патриотических настроений и всплеску национальной гордости.

Первая половина XIX в. стала определяющей для военно-мемориальной культуры. В этой связи стоит упомянуть так называемый «Проект 1835 года», в соответствии с которым Генеральному штабу было поручено разработать перечень мер, связанных с памятными местами Отечественной войны 1812 г. На территории этих мест планировалось возвести памятники. Монументы в числе 16 делились на три класса, соответственно местами их установки были: первого класса – Бородино; второго – Тарутино, Малоярославец, Красное, Студянка, Клястицы, Смоленск, Полоцк, Чашники, Казланово, Ковно; третьего класса – Вязьма, Витебск, Городечно, Кобрино, Салтановка [457]. И хотя проект не был воплощен полностью, частично он все-таки был реализован. Так, например, был заложен мемориальный комплекс «Бородинское поле».

Начало было положено вдовой генерала А.А. Тучкова – Маргаритой Михайловной Тучковой. В честь мужа, погибшего на Багратионовых флешах, ею был задуман молитвенный памятник – храм. Александр I проявил искреннее и деятельное участие в установке храма как памятника всем участникам битвы. Освящение храма состоялось в 1821 г. Позднее он

органично вписался в Бородинский мемориальный комплекс, открытый в 1839 г. 26 августа 1839 г. (в «день Бородина» по старому стилю) произошло торжественное открытие нового мемориала, 27-метрового столпа, стилизованного под восьмигранную часовню (проект архитектора А. Адамини). На поле состоялся парад, который принимал Николай I [122].

Мемориализация Бородинского поля продемонстрировала развитие такой формы, как мемориальный комплекс, которая создавала благоприятные условия для дальнейшего развития музейного строительства. Как уже отмечалось, под комплексом понимается объединение разнообразных средств мемориализации какого-либо явления.

С событиями 1812 г. связано появление еще одного феномена военно-мемориальной культуры – полковых храмов. Полковые церкви, устаревая для окормления военнослужащих, постепенно стали выполнять и мемориальные функции. Они стали хранилищами исторической памяти. Так, память о героизме русской армии в сражении при Кульме, в «битве народов» под Лейпцигом сосредоточились в Преображенской церкви лейб-гвардии Гренадерского полка на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. В полковых церквях стали хранить военные реликвии, трофеи, документы, иконы, которые превращались в своеобразные музейные экспозиции [264].

Так, в Преображенский собор в Санкт-Петербурге поступали трофеи Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, победоносное окончание которой совпало с торжеством его освящения. Сооруженная в 1830–1833 годах по проекту В.П.Стасова ограда собора состояла из трофейных турецких пушек, поставленных вертикально и соединенных цепями; еще двенадцать пушек, отбитых в 1831 году у польских повстанцев, были размещены на лафетах около собора.

3. Государственно-общественный этап (вторая половина XIX–начало XXв.).

Начиная приблизительно с середины XIX столетия и в последующее время в полковых храмах, а также на прилегающей к ним территории

осуществляются захоронения наиболее выдающихся военачальников и офицеров полка, а также создаются братские могилы нижних чинов и рядового состава. Храм-памятник обретает при этом значение храма-усыпальницы, где покоятся останки героев минувших войн. В качестве одного из самых ранних примеров подобного рода можно рассматривать погребение праха фельдмаршала– князя М.И.Кутузова в петербургском Казанском соборе. В Князь-Владимирском соборе Севастополя были захоронены адмиралы – участники обороны города во время Крымской войны – В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, В.И. Истомин и М.П. Лазарев. Также со второй половины XIX века возникает традиция сооружения при полковых храмах часовен, скульптурных монументов, колонн, обелисков и других памятников, посвященных героическому прошлому воинского соединения.

На протяжении второй половины XIX столетия полковые храмы приобретают мемориальный характер и становятся храмами-памятниками русской воинской славы. Более того, к концу столетия они превращаются в центры возникающих при них храмово-мемориальных комплексов, сочетающих функции собственно храма, полкового музея и усыпальницы.

Победы русского оружия неоднократно получали отражение в многочисленных памятниках, стелах, арках, но с древнейших времен на Руси был еще один обычай – в знак благодарности Богу за дарование победы в войнах или решающих битвах ставить часовни, строить храмы, воздвигать монастыри. В них постоянно и особенно усердно поминались воины, «на поле брани за Веру и Отечество живот свой положившие», как гласит заупокойная молитва об убиенных и от ран скончавшихся воинах. Самым знаменитым храмом-памятником стал храм Христа Спасителя, воздвигнутый Россией в память победы над войсками Наполеона в Отечественной войне 1812 года. Эта война вошла в российскую историю под таким названием не случайно: в борьбе с войсками Наполеона принимала участие вся Россия. В русской исторической и художественной литературе эпоха Отечественной войны 1812 года стала временем невиданного духовного подъема и

патриотического воодушевления в обществе. К концу 1812 года Русская армия подошла к границам Российской империи. 25 декабря 1812 года, в день великого праздника Рождества Христа Спасителя, император Александр I подписал манифест об окончании Отечественной войны, в тот же день был подписан еще один манифест – о строительстве храма-памятника. Храм Христа Спасителя строился длительное время. Освящение храма состоялось 8 июня (26 мая по старому стилю) 1883 г. и было приурочено к важнейшему из государственных праздников – коронации императора Александра III [198].

Также активно строятся и военные монументы. Одним из самых известнейших являлся обелиск, воздвигнутый 26 августа 1839 года на Бородинском поле. В 1850 г. подобный мемориальный знак был сооружен на Куликовом поле [85]. Однако никто не рассматривал памятные сооружения как новый вид памятников. В каждом конкретном случае специально оговаривались условия охраны и содержания памятных знаков, что было необходимо в силу того, что чтимые национальные святыни находились на частной земле. Выделение территорий для установки обелисков было сопряжено с рядом трудностей, административных и финансовых моментов. К 1870 – 1890-х гг. система, очевидно, была отработана, и мы не нашли примеров каких-либо трений и нестыковок с частными лицами по поводу отведения мест для памятников тем же героям-севастопольцам.

Так, с большой торжественностью было отмечено открытие памятника графу Тотлебену в Севастополе. Знаменитому военному инженеру – генерал-адъютанту Эдуарду Ивановичу Тотлебену 19 июня 1890 г. был установлен бюст из каррарского мрамора на его могиле [215, Т. XLI, с. 474 – 475]. Весь памятник представлял из себя следующее: мраморная ниша, обращенная открытой стороной к Севастополю; на фронте, увенчанном белым крестом, широкая надпись: «Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену». На груди бюста – многочисленные знаки отличия. На передней стороне пьедестала – военная и инженерная арматура, а по бокам тексты из Евангелия.

По инициативе горожан Ростова-на-Дону был открыт памятник Александру II. Еще в марте 1881 г. городская дума вынесла следующее решение: «Глубоко потрясенная горестным событием, постигшим всю Россию, собравшись в экстренном заседании, дума выразила единодушное желание запечатлеть память усопшего государя в благодарных сердцах граждан сооружением памятника императору» [215, Т. XL, с. 705]. В 1883 г. таврическое дворянство, празднуя столетие присоединения Крыма к России, решило воздвигнуть памятник Екатерине II. Была объявлена подписка по всей империи. Открытие состоялось 17 октября 1890 г. в Симферополе [215, Т. XLII, с. 846– 847].

Следовательно, дворянские и городские общества, местные власти выступали инициаторами кампаний по увековечению памяти. Помимо этого, увлеченность и активность отдельных личностей заставляла их братья за дело сохранения памяти.

Например, интересен эпизод с объявлением конкурса на проект памятника при деревне Лесной на месте, где Петр I разбил 28 октября 1707 г. шведский корпус Левенгаупта. Долгое время само место битвы не было определено. Этой проблемой занялся местный исследователь, член Витебского статистического комитета Е.Р. Романов. Он отыскал у местных крестьян ядра, обломки штыков, ружей петровской эпохи. Е.Р. Романов, «убедившись в невозможности увековечить событие местными средствами, счел своим долгом возбудить в высших сферах ходатайство о постановке на месте этой битвы, при деревне Лесной, подобающего памятника». Голос Е.Р. Романова был услышан, и 10 февраля 1890 г. был объявлен конкурс на лучший проект памятника при деревне Лесной [215, Т. XLII, с. 852].

Процесс сохранения памяти не ограничивался установкой монумента и поддержанием его в достойном состоянии. Некоторые территории продолжали развивать (мемориализировать) и спустя десятилетия. В частности, к военно-мемориальному наследию относится так называемая «Шведская могила» – курган над братской могилой русских воинов,

расположенный вблизи поселка Яковцы (Полтава). Повелением Петра I 28 июня 1709 г. над братской могилой погибших в Полтавском бою был воздвигнут курган. 11 сентября 1895 г. на этом месте произошло торжественное открытие нового памятника. Процедура открытия была обставлена чрезвычайно торжественно. Утро началось с благовеста в кафедральном соборе. На соборной площади собрались депутаты от полков: преображенцы, семеновцы, кирасиры, артиллеристы. Они торжественно внесли в собор для освящения дары для храма. О значимости события говорит то, что на открытии памятника присутствовал обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, генерал-лейтенант В.Ф. Винберг, губернатор А.Н. Татищев, городской голова Трегубов. На торжество собрали воспитанников всех учебных заведений Полтавы. Литургию вели епископ полтавский Иларион и епископ прилукский Михаил. Далее была совершена панихида «по вождям и воинам, павшим в бою...» [362].

Наиболее активно развивалась военно-мемориальная среда города Севастополя. Так, Комитет севастопольского военного музея, желая сохранить в памяти современников и потомства воспоминание об участии женщин в героической обороне Севастополя и сооружении ими в 1854 году (Крымская война) отдельной батареи, решил поставить памятник с соответственной надписью. Памятник возвели в 1892 г. на небольшой площадке, обращенной к Историческому бульвару. Высечен он из гранита и имеет пирамидальную форму. На лицевой стороне колонны имеется надпись золотыми буквами: «Место Девичьей батареи», а ниже, на той же стороне цоколя – «Здесь в 1854 году была выстроена батарея женщинами» [216, Т. XLIX, с. 754]. 5 октября 1895 г. в Севастополе праздновали двойное торжество – открытие памятника вице-адмиралу В.А. Корнилову и освящение Музея Севастопольской обороны. Памятник В.А. Корнилову был исполнен по проекту генерал-лейтенанта Бильдерлинга. Его установили на Малаховом кургане, на месте смертельного ранения полководца. Памятник имел пирамидальную форму с квадратным основанием. Сам Корнилов

изображен в шинели с отложенным воротником по форме тех лет. Высота памятника – пять сажен (более 10 метров), поэтому он был виден издали [216, Т. XLIX, с. 990–991].

Торжественно открыли 25 июня 1895 г. памятник герою Чесменского боя лейтенанту Д.С. Ильину. Памятник был установлен на его могиле в погосте Застижье Весьегонского уезда Тверской губернии [361].

Общественность поднимала вопросы сохранения и поддержания в надлежащем состоянии памятников. Примечательна заметка, напечатанная в «Историческом вестнике» в ноябрьском номере за 1895 г. Со ссылкой на «Черниговские губернские ведомости» в ней сообщалось о судьбе памятника П.А. Румянцеву-Задунайскому в г. Глухове Черниговской губернии. В свою бытность граф Завадовский, обязанный своей карьерой графу Румянцеву, выстроил в своем имении Ляличах Суражского уезда, великолепный дворец, ничуть не уступавший Царскосельскому. В саду перед дворцом был сооружен монумент графу Румянцеву. До 60-х гг. XIX в. памятник стоял на месте, но у потомков Завадовского было другое решение – продать монумент по весу бронзы. Этого не допустил черниговский губернатор князь Голицын. Он купил бюст за 800 р. И подарил его городу Глухову в память о проживании в нем видного военного деятеля Елизаветинской и Екатерининской поры [217, с. 1004–1005]. Судьба другого памятника тому же Румянцеву более печальна. А.А. Безбородко на своей даче близ Петербурга поставил великолепный бюст на гранитном пьедестале своему учителю П.А. Румянцеву. Вплоть до 1870-х гг. памятник там и находился. Но потомки Безбородко продали дачу по частям. Судьба памятника неизвестна.

«Исторический вестник» в 1893 г. опубликовал заметку о бедственном положении памятника, расположенного в 12 верстах от Шлиссельбурга по большому тракту, на берегу р. Невы. Памятник у так называемых «Красных сосен» был сооружен в память о последнем привале русского войска под предводительством Петра I перед взятием Шлиссельбурга. Считалось, что именно под соснами на Неве Петр обдумывал детали военной операции.

Сам памятник представлял собой пирамидальную колонну на постаменте. Вокруг постамента на возвышении были размещены шары с железными цепями; колонну венчал чугунный шар с позолоченным крестом на вершине. Памятник был обнесен оградой из цоколя, поверх цоколя имелась железная решетка, к Неве вела каменная лестница. Инициаторами возведения данного памятника были братья Спиридоновы, мастеровые из села Путилова, на сооружение ими было потрачено 10 тысяч рублей.

Открытие состоялось 27 февраля 1847 г. Долгое время памятник был одним из самых значимых в округе, к нему свержались крестные ходы, богослужения в честь Петра I и петровских воинов. Но к 1893 году, как писал журнал, после смерти братьев, памятник растащили по частям. В статье имелись рекомендации: «Не мешало бы принять меры к охранению от окончательного разрушения, иначе памятник этот, связанный с воспоминаниями деяний императора Петра I, вскоре совершенно исчезнет с лица земли» [373].

В государственной политике XIX века в сфере сохранения объектов военно-мемориального наследия продолжает наблюдаться определенная преемственность от прежних эпох, консервативность, черты формирующейся традиции. Положительное влияние на дело охраны памятников оказала «охранительная политика» Николая I. Отсутствие закона об охране исторических памятников определенным образом замещали правительственные указы и распоряжения, регламентировавшие их сохранность. Для целей нашего исследования особый интерес представляет текст указа от 1848 г. «О наблюдении за сохранением памятников древности». Указ был направлен на сохранение древних памятников оборонного зодчества. Поводом для указа стало обращение представителей местной власти г. Коломны в Министерство путей сообщения для разрешения разобрать коломенскую крепостную стену, используя материалы для современных построек. Ответ был отрицательным, в указе предписывалось: «Стену эту исправить и содержать в надлежащем

состоянии. Строго воспретить разрушать памятники древности и непременно блюсти за их сохранением» [367, с. 90, 109 – 110]. Вместе с тем, отметим, что на государственном и общественном уровнях остро осознавалась необходимость специального закона об охране памятников, что обсуждалось на различных правительственных уровнях (в министерствах внутренних дел и народного просвещения, в военном ведомстве). Научная и литературная общественность поднимала проблему соответственно в академиях наук и художеств, в научных обществах, на археологических съездах.

В плане нашего исследования большой интерес представляет деятельность Русского военно-исторического общества (РВИО), начавшего свою работу в 1907 г. Возникновение общества такого рода стало возможным на волне гражданских инициатив, активизировавшихся на грани XIX и XX веков.

Военные историки задолго до 1907 г. высказывали мысли о необходимости объединения в целях пропаганды национального военного искусства, разработки трудов по военной истории, популяризации военной науки. Тем более что уже имелся определенный опыт – Общество военных людей (первое военно-научное общество, учрежденное в 1816 г. в Петербурге при штабе Гвардейского корпуса с целью изучения военного дела и истории, а также распространения военных знаний среди офицеров. Общество имело свою типографию, литографию, обширную библиотеку, с 1817 по 1819 г. издавало «Военный журнал». В 1826 г. было запрещено Николаем I), Общество ревнителей военных знаний (1898) [468, с. 38 – 55].

На этапе обсуждения статуса, устава, функций общества было довольно много дискуссий. Военные историки настаивали на том, что предполагаемое общество должно быть сугубо научным. Согласно другим проектам общество должно соединить в себе и кафедру и аудиторию, и «широкое вовлечение офицеров» должно было способствовать сбору исторических материалов и «взаимным примером побуждать членов к историческим изысканиям и исследованиям» [251, с. 96]. Военное

министерство не одобрило эту концепцию, считая, что для конструктивной деятельности нужны соответственно подготовленные люди. В качестве доказательства приведен был курьезный случай, когда вольнонаемный писарь из Главного штаба заявил о себе как о военном историке. Кроме того, планируемая работа была связана с архивами, а значит и с секретностью. В конечном итоге инициаторы сошлись на том, что общество будет радо видеть в своих рядах историков, архивистов, коллекционеров, любителей истории. Общество будет независимым.

Устав определил цель общества: «Изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях. Указанная цель достигается: объединением лиц, непосредственно работающих в области военной истории или же содействующих расширению военно-исторических знаний...; содействием к упорядочению архивного дела; содействием к сохранению, восстановлению и сооружению военных памятников...; содействием к производству военно-археологических раскопок и поездок на поле сражений; устройством справочного бюро, музеев военной старины, библиотек» [165]. Устав был утвержден императором 27 августа 1907 г., само общество получило статус Императорского.

Состав членов ИРВИО было необычайно авторитетен. Среди них были военные историки А.З. Мышлаевский, Н.П. Михневич, Н.А. Орлов, П.А. Гейсман. В работе общества участвовали А.М. Зайончковский, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.И. Иловайский, С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, Р.Ю. Вишпер и другие. Общество насчитывало три «разряда»: 1) военной археологии и археографии; 2) полковых и корабельных историй; 3) истории войн. И центральное общество, и его местные отделения, и подотделы подчинили исследования, изыскания, издательскую деятельность главной цели – демонстрации растущей мощи Российской державы.

Важную роль в деятельности общества имело сохранение исторической памяти о военных событиях. Эта задача решалась при осуществлении археологических изысканий. «Разряд» военной археологии и археографии

возглавлял профессор Н.И. Веселовский. Под его руководством проводились археологические изыскания и раскопки в Пскове, Новгороде, Изборске, Старой Ладого. Данный «разряд» сделал многое для предотвращения уничтожения памятников истории, связанных с военной тематикой.

Так, например, в Новгороде удалось отстоять целостность древнего земляного вала, который решением городской управы подлежал срытию (землю должны были отдать под строительство офицерского собрания). В Изборске и Аккермане удалось предотвратить уничтожение развалин древнейших крепостей (развалины были выставлены на торги для вывоза строительного камня). Члены ИРВИО провели исследования полей сражений на Калке, Шелони. Общество приняло активное участие в сооружении памятников А.В. Суворову в Измаиле и Рымнике, М.Д. Скобелеву в Москве, М.И. Кутузову близ селения Шумы (Крым), М. Б. Барклаю-де-Толли в Риге, создании Бородинской панорамы[165].

Юбилей Отечественной войны 1812 г. в 1912 г. способствовал организации ряда узкоспециализированных обществ, которые также среди основных задач ставили охрану военных памятников [468, с. 49]. Это относится к созданному в феврале 1913 г. Обществу потомков участников Отечественной войны, Бородинскому обществу (март 1913 г.), Кружку ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. В уставе Бородинского общества прописывалось, что оно специализируется на изучении Бородинского сражения и охране его памятников. К сожалению, планы так и не были осуществлены (в связи с началом Первой мировой войны).

Русским крепостям ИРВИО отвело особое место – была создана специальная комиссия под председательством академика архитектуры К.К. Романова. В ее планы входило исследование древних крепостей Псковско-Новгородской земли. После завершения работы были определены научные подходы к исследованию исторических памятников и практические действия.

Экспедиции, осуществленные обществом, способствовали выявлению ценной информации о памятниках и памятных местах, связанных с

событиями военного прошлого. Руководителем экспедиции, посвященной Северной войне, были одни из основателей русской военно-исторической школы А.К. Байов и Н.Л. Юнаков (1908 г.). Под руководством военного историка генерал-лейтенанта Бориса Михайловича Колюбакина в 1908 г. состоялась экспедиция, посвященная памятникам и памятным местам Финляндской войны, войны 1805 г. и Аустерлицу. Руководителем экспедиции по крепостям Изборска был видный архитектор, историк, искусствовед Константин Константинович Романов (1910). Экспедиция по местам, связанным с военным прошлым Новгорода, возглавлялась Н.К. Рерихом [496]. В ходе экспедиций были произведены обмеры древних крепостей, их фотографирование. Особо ценным было то, что ИРВИО настоятельно рекомендовало местным властям сохранять «крепостные сооружения в том виде, в каком они находятся», а для этого необходимо тщательное исследование и «очень осторожный ремонт». Результаты экспедиций обследовала и изучала специальная комиссия в составе Н.И. Веселовского, К.К. Романова и П.П. Покрышкина.

ИРВИО большое место отводило делу охраны памятников. Общество оказывало широкое содействие инициативам по спасению от разрушений и порчи, восстановлению и реставрации военно-мемориальных объектов. Известны неоднократные ходатайства ИРВИО о получении разрешения как на реставрационные работы, так и на установку новых памятных знаков военно-исторического характера. В частности, благодаря активной деятельности ИРВИО был восстановлен храм в Выборге, реставрирован Кутузовский фонтан при деревне Шумы близ Алушты, спасен от разрушения древний крепостной вал Новгорода, реставрирован памятник Долгорукову-Крымскому в Симферополе [468, с. 48]. Начало Первой мировой войны привело к фактическому свертыванию деятельности ИРВИО, хотя официально оно просуществовало до 1917 г.

В 1890-е гг. общественность поднимала еще одну важную проблему – «охранения «забытых могил». Предлагалось учредить «общество охранения

исторических могил», поскольку «слышались сетования на заброшенность могил знаменитых русских государственных и общественных деятелей». По мысли современников, в русском обществе осознавалась «нравственная обязанность чтить память великих и выдающихся людей охранением от запустения мест их вечного покоя». Частная инициатива не представлялась действенной, тогда как обществу это будет под силу: «...общества могли бы образовывать при своих классах особые фонды на исправление и охранение забытых и разрушенных могил. Нашлись бы, конечно, и жертвователи на благое дело, раз оно применяет строго определенную и целесообразную форму, будет вестись гласно и под контролем самой же публики» [534].

Последней в дореволюционный период крупной войной, которая оказала влияние на развитие военно-мемориальной среды, стала Русско-Японская война 1904 – 1905 гг. В основном военные монументы устанавливались отличившимся представителям русского казачества. 23 августа 1905 г. Портсмутский мирный договор поставил точку в одном из самых кровопролитных локальных конфликтов XX столетия. 26 ноября 1905 года оренбургским казакам за самоотверженную службу была объявлена Высочайшая благодарность. Казаки связывали войну не только с потерей близких, но и с героизмом, славой и доблестью. Через несколько лет после окончания войны в целях увековечения памяти о героях в населенных пунктах Южного Урала были поставлены памятники. Так, в 1908 г. на кладбище Юрюзанского завода Уфимской губернии установили мемориальную часовню, в 1909 г. казаки-однополчане поставили стелы в станицах Миасской и Степной, 4 июля 1910 г. торжественно открыли монумент в станице Травниковской. Два из них – в нынешних селах Миасском и Травниках – донесли до нас имена более 250 казаков – участников трагических событий [188].

Первая мировая война была богата на подвиги, стала одной из самых кровопролитных в истории человечества. Однако советская власть считала ее империалистической, а не отечественной. Поэтому сохранением памяти о

мировом конфликте и миллионах жертв не занимались. Первую мировую иногда называют «забытой» войной [325]. Памятники героям Первой мировой войны начали устанавливать только после распада Советского Союза.

В завершении отметим, что в конце XIX – начале XX вв. необходимость самостоятельного закона об охране памятников была осознана настолько, что сами государственные структуры взялись за его разработку. В 1903 г. Министерство внутренних дел поставило вопрос о пересмотре и дополнении «Строительного устава», пересмотре распоряжений о сохранении памятников и разработке нового закона. О серьезности подхода говорит тот факт, что в 1908 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин через министра иностранных дел А.П. Извольского запросил для ознакомления западные законодательства по охране памятников. Итоговые документы специально созданной комиссии были готовы к 1908 г. Это были проекты дополнений статей «Строительного устава» и подготовительные материалы к новому специальному закону. В текстах содержалось четкое указание по поводу того, что древние памятники церковной, гражданской или военной архитектуры «со всеми их художественными принадлежностями; находившиеся на казенных, общественных или церковных землях, запрещалось разрушать, разбирать или перестраивать» [197, с. 102].

Вместе с тем, деятельность ИРВНО, пожалуй, стала кульминационным моментом в процессе оформления государственной политики по сохранению военно-мемориального наследия в дореволюционной России, поскольку разработанный проект специального закона об охране объектов памяти до 1917 года так и не приняли. Важным представляется лишь то, что в проекте закона впервые обратили внимание на «памятники новейшего времени» – скульптурные монументы «в честь высочайших и других особ или в память исторических событий», связанные с отечественной военной историей.

Таким образом, дореволюционная государственная политика России в сфере сохранения военно-мемориального наследия с XI века до 1917 года прошла длительный путь своего становления и развития. Общими характеристиками данного исторического этапа является отсутствие единого законодательства об охране объектов военно-исторической памяти, системы мер по обеспечению сохранности и государственной охраны военно-мемориальных объектов.

Рассматриваемый дореволюционный период мы разделили на несколько подпериодов (локальных этапов) в зависимости от субъекта (инициатора) создания и сохранения военно-мемориального наследия.

1. Религиозно-церковный этап (XI – XVII вв.), характеризующийся созданием военно-мемориальных объектов культового назначения и религиозного статуса (храмы, часовни, поминальные кресты и пр.) по инициативе православной церкви и полным отсутствием нормативно-правовых оснований процессов мемориализации.

2. Религиозно-государственный этап (XVIII – первая половина XIX в.), связанный с усилением внимания государства к «памятникам старины», включением их в нормативно-правовое пространство, частичной секуляризацией процессов создания и сохранения историко-культурного наследия в целом и военно-мемориального в частности, интенсификацией мемориальных процессов как светского, так и религиозного характера.

3. Государственно-общественный этап (вторая половина XIX – начало XX в.), в рамках которого по-прежнему определяющей оставалась роль государства в обеспечении процессов существования военно-мемориального наследия, дополняемая местными (на уровне города или губернии) и общественными мемориальными инициативами. Для этого этапа также характерно дальнейшее правовое освоение феномена военно-мемориального наследия, его институциональное освоение (создание специализированных обществ и организаций), интенсификация проектной мемориальной деятельности (разработка различных инициатив и проектов, проведение

тематических мероприятий), направленной на сохранение военно-мемориального наследия, а также вовлечение последнего в поле исследовательских интересов профессиональных ученых.

2.2. Военно-мемориальное наследие и его сохранение в условиях государственной культурной политики советской эпохи

После революционных событий 1917 г. проблемы сохранения памятников истории и культуры, в том числе и военно-мемориального наследия, сильно обострились. Критичность ситуации была обусловлена ликвидацией собственности и отделением церкви от государства. Основной задачей настоящего параграфа является анализ того, каким образом и насколько кардинально изменилась культурная политика в советский период в данной сфере, в отличие от дореволюционного периода.

Необходимо оговориться, что культурная политика Советского государства в сфере сохранения военно-мемориального наследия была интегрирована в общие процессы сохранения культурного наследия как отдельного типа наследия, а потому все решения (нормативные, проектные и иные), принимавшиеся по отношению к культурному наследию в целом, экстраполировались и на военно-мемориальное наследие как его подвид.

Первые послереволюционные годы были наиболее трудными – основы культурной политики только формировались. Культуру же настолько связали с идеологией, что в каждом декрете, касавшемся «культурного фронта», превалировал политический характер. Однако в первые послереволюционные месяцы, когда от работы еще не были отстранены так называемые «старые спецы», последние сохраняли свои убеждения, основанные на том, что сохранение национального достояния – «вне и над политикой» [469].

Нельзя отрицать, правда, того, что после октябрьских событий 1917 г. практически сразу новая власть обеспокоилась проблемой сохранности культурного наследия. Так, 3 ноября 1917 г. было обнародовано воззвание Наркомпроса ко всем гражданам России бдительно беречь памятники культуры [173]. 8 ноября 1917 г. В.И. Ленин в «Ответе на запросы крестьян» обязал волостные земельные комитеты противодействовать разграблению

культурных ценностей помещичьих имений [254]. По мысли В.И. Ленина, «всю старину мы должны тщательно охранять как памятники быта и жизни древних времен» [117].

Впервые при советской власти в истории нашего государства была создана система государственных органов охраны памятников и музеев. В марте 1918 г. была сформирована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Под таким же названием организован отдел в системе Наркомпроса РСФСР с отделением в Петрограде. В организации указанной коллегии большую роль сыграл российский художник, историк искусства, музейный деятель И.Э. Грабарь [379].

О масштабе и фундаментальности планируемой деятельности говорит то, что в 1918 г. в составе музейного отдела было три подотдела, на которые были возложены задачи охраны памятников (монументальной регистрации, архитектурный и археологический). В штат подотделов входили известные архитекторы И.В. Рыльский, И.Е. Бондаренко, Д.С. Марков; художники и искусствоведы И.Э. Грабарь, А.И. Анисимов, В.Т. Георгиевский, Н.Д. Протасов, П.П. Муратов; реставраторы – Г.О. Чириков, П.И. Юкин, Н.И. Брягин, В.Е. Горохов [402]. 18 апреля 1919 г. СНК РСФСР принял декрет о создании Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В ее функции наряду с прочими входила охрана памятников [491]. Предполагалось, что на местах выявлением, учетом, элементарным ремонтом памятников будут заниматься губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования [319]. Однако в условиях военного времени их работа была низкоэффективной. Тяжелейшие условия Гражданской войны, экономическая ситуация оказали воздействие на памятники, которые приходили в негодность в результате военных действий, длительного отсутствия ремонта, вандализма.

В 1918 году В.И. Лениным была предложена программа развития монументального искусства (Ленинский план монументальной пропаганды). План сформировал самобытную советскую скульптурную школу. В правовом отношении план был закреплен в декрете СНК «О памятниках Республики» (12 апреля 1918 г.), который вместе с тем сыграл плохую службу большинству дореволюционных памятников императорам, полководцам, военачальникам, которые были демонтированы [367, с. 311]. Данный декрет наполненный духом идеологической борьбы, значительно повлиял на судьбу подавляющего большинства памятников монументальной скульптуры дореволюционного времени. В декрете безапелляционно определялось, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию». Так, в ходе кампании, открытой указанным нормативным актом, в одной только Москве были демонтированы памятники генералу М.Д. Скобелеву, царским особам и другие.

Курс был взят на национализацию крупных музеев, частных собраний, историко-архитектурных памятников, мемориалов. Подготовкой законодательных актов для осуществления намеченного занимался отдел по делам музеев и охраны памятников. Так, 5 декабря 1918 г. был издан декрет СНК РСФСР о регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находившихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Согласно декрету в стране была начата первая государственная регистрация «всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины»[207]. Тем самым утверждался принцип государственной охраны культурных ценностей республики.

В рассматриваемый период охрана памятников включала два направления:

- 1) срочный ремонт и укрепление особо значимых памятников, пришедших в аварийное состояние;

2) учет, необходимый для составления списка памятников, подпадавших под государственную охрану. Научная регистрация (детальное обследование) и учетные мероприятия проводились совместно. Например, в 1919 – 1920 гг. отдел по делам музеев и охране памятников смог организовать экспедиции для обследования памятников с привлечением искусствоведов, архитекторов, реставраторов. Были обследованы территории по верхнему и нижнему течению Волги, по Москве-реке и Оке, по Северной Двине и Белому морю, северных губерний РСФСР [180, 181].

В 1921 – 1922 гг. работа по дальнейшему совершенствованию системы государственных органов, занимавшихся охраной памятников, продолжилась. В начале 1922 г. было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР (Главнаука). В ведение Главнауки были переданы: отдел по делам музеев и охраны памятников, РАИМК, Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), музеи, Центральное бюро краеведения (ЦБК), музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде. Предпринятое объединение должно было облегчить и оптимизировать планирование и организацию работ в масштабах республики. На местах при отделах народного образования создавались губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузеи) [135].

В начале 1923 г. некоторые изменения в лучшую сторону произошли в плане финансирования охранных мероприятий. В частности, 12 апреля 1923 г. было издано постановление СНК РСФСР, согласно которому Наркомпрос получил разрешение накапливать собственные средства, получаемые от входной платы на территории музеев, эксплуатации земельных участков и строений. Сохранение наиболее значительных памятников обеспечивалось за счет средств государственного бюджета [477]. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) к середине 1920 гг. превратились в крупный научно-методический и производственный центр по охране

памятников. Крупные отечественные специалисты разрабатывали принципы учета, консервации и реставрации памятников. Вплоть до 1927 г. наблюдалось широкомасштабное реставрационное движение, как в центре, так и на местах.

Новая реорганизация системы учреждений охраны памятников произошла в 1924 г. Функции «фактической охраны» на местах от губмузеев были переданы местным органам власти (исполкомам автономных республик, областей, губерний и т.д) [478]. В 1925 г. губмузеи были упразднены, а в 1926 – 1927 гг. та же участь постигла инспектуру ОНО. Судьбой памятников стали распоряжаться различные ведомства, решения по ним принимались зачастую людьми, далекими от проблем охраны исторической памяти.

Непоправимый урон в конце 1920 – начале 1930 гг. был нанесен древнерусским памятникам, в том числе полковым храмам, строившимся на местах или в память о военных победах. В несколько лучшем положении оказались историко-революционные мемориалы – в связи с десятилетним юбилеем Великой Октябрьской революции в 1927 г. их внесли в число охраняемых государством. При этом к «революционным» относили и памятники, датированные XVII веком [399]. В том же 1927 г. была создана Комиссия при Президиуме ЦИК СССР по празднованию 10-летия Октябрьской революции [132].

В инструкции по празднованию десятилетия Октябрьской революции было дано определение понятия «памятника революционного движения». Оно вошло в более общее понятие «исторический памятник»: «...искусственные сооружения (усадьбы, дома, могилы, монументы), застроенные и незастроенные пункты (городские и деревенские проезды, овраги, рощи, урочища), связанные с революционными событиями и жизнью большевиков» [369, с. 10].

В 1928 г. были закрыты истпартотделы. Начиная с 1930г. система охраны памятников стала распадаться, был ликвидирован отдел по делам

музеев и охраны памятников. Административные и хозяйственные организации оказались главными экспертами. Это привело к невосполнимым потерям. В угоду новому курсу ЦГРМ и ГАИМК произвели переоценку памятников. В результате число объектов сократили с 3000 до 1200 [456]. Краеведческие совещания, поднимавшие проблемы охраны памятников, не могли переломить ситуацию. Протесты общественности также не имели результатов [403].

На дело охраны памятников повлияли новые подходы к исторической науке [437]. В сентябре 1931 г. вышел ряд постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, касавшихся реформы народного образования, в марте 1934 г. увидело свет решение Политбюро «О восстановлении исторических факультетов вузов», в мае того же года – постановление «О преподавании гражданской истории в школе». Поворот к историческому наследию был обусловлен нуждами активизации агитационно-пропагандистской деятельности.

Поскольку управление Главнауки Наркомпроса РСФСР упразднили, дело охраны памятников передали сектору науки Наркомпроса [133]. После реорганизации Наркомпроса в его составе был вновь сформирован музейный отдел, среди 7 сотрудников числился и инспектор по охране памятников [4, 134, 472].

В 1932 г. был образован центральный республиканский орган охраны памятников. Решение об организации при Президиуме ВЦИК РСФСР Комитета по охране исторических памятников было принято 10 июля 1932 г. Ответственным поставлен нарком просвещения А.С. Бубнов [3, Д. 52, Л.4]. Завершающим этапом стало создание Межведомственного комитета по охране памятников революции и культуры при Президиуме ВЦИК СССР [389]. Предполагалось, что Комитет будет координировать и контролировать действия разных ведомств по охране памятников. В состав Комитета вошли представители ВЦИК, Наркомпроса, ГАИМК, Академии наук СССР, Государственного исторического музея, Музея революции СССР, Интуриста.

Перед образованным комитетом были поставлены следующие задачи:

- а) наблюдение за выполнением правовых актов по охране памятников;
- б) составление списков памятников;
- в) разрешение вопросов о реставрациях, разборке памятников.

Комитет принимал участие в разработке постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» (10 августа 1933 г.) [473]. Данное постановление вносило свой смысл в термин «исторические памятники», подразумевалось, что это «памятники революционного движения, крепости, дворцы, дома, связанные с историческими событиями и лицами, монастыри, церкви и другие здания» [475], таким образом, практически все памятники попадали в группу исторических.

Нельзя не отметить декларативность указанных постановлений, однако охрана памятников получала государственные поддержку и контроль. Наркомпросам на местах было дано задание в короткие сроки составить списки памятников государственного значения. Постановлением ВЦИК от 1 февраля 1933 г. «По вопросу об участии Исполкомов и Советов, а также отделов народного образования в деле охраны памятников революции, искусства и культуры» ответственность по охране объектов памяти возложили на руководителей органов просвещения [3, Д. 69, Л. 11].

Для получения действенных результатов центр должен был опираться на эффективную региональную структуру. В этих целях в 1934 – 1935 гг. был сформирован институт уполномоченных и инспекторов местных ОНО по музеям и памятникам СССР [334, 474, 476]. Данные меры привели к тому, что в конце 1930-х гг. было выявлено и описано много новых памятников и памятных мест, связанных с революционными событиями и гражданской войной. Помимо этого, в Краснодаре организовали туристический маршрут по путям похода Таманской армии, в Хабаровске установили памятник героям Волочаевских боев на сопке Июнь-Корань [334]. Однако памятнично-охранительная система в 1930-е гг. не могла функционировать в полную мощь. Она испытывала на себе как финансовые трудности, так и последствия репрессивной политики.

Структура управления охраной памятников вновь была изменена в июне 1938 г. Согласно постановлению ВЦИК функции охраны памятников были отданы управлению по делам искусств при Совнарком РСФСР. Сам же комитет подвергся ликвидации. Уполномоченные на местах были заменены отделами искусств местных исполкомов [1]. Председатель комитета Степанов направил в партийные и правительственные верхи докладную записку, в которой делался упор на доказательство вреда передачи дел управлению для дела охраны памятников, однако его не услышали [2]. Памятники попадали под ведение районных и городских советов и их коммунальных служб, что не способствовало охранной деятельности.

Д.С. Лихачев считал, что плохую службу также сослужила так называемая «школа Покровского» (конец 1920-х гг.). Для данной школы, по словам академика, было свойственно нигилистическое отношение к русской дореволюционной культуре [275, с. 4].

Власть нуждалась в идеологической базе. И здесь очень кстати оказалось советское прошлое, а также тщательно отработанное дореволюционное наследие. Так, в докладе М.И. Калинина в октябре 1940 г. прозвучало следующее: «Советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, он впитывал в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения» [225].

В период Великой Отечественной войны историко-культурное наследие страны претерпело огромный урон. На временно оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории врагом планомерно и преднамеренно было разрушено и повреждено около 2000 памятных сооружений, в том числе и военно-мемориальные комплексы.

По мере того, как советские войска освобождали от врага территорию, практически одновременно стал производиться учет разрушений, оперативная научная фиксация развалин, намечаться меры по их сохранению. Мероприятия преследовали две цели:

- 1) подготовительная работа к восстановлению утраченного;
- 2) фиксация фактов вандализма гитлеровцев.

В 1942 г. по указанию советского правительства была образована Комиссия по учету и охране памятников при Комитете по делам искусств СНК СССР, которую возглавил И.Э. Грабарь. Указанная комиссия взялась за работу по учету разрушений, охране памятников прифронтовой полосы, подготовке материалов для планируемой реставрации.

Начиная с 1942 г. была инициирована работа по выявлению памятных мест, связанных с событиями войны. Методическое письмо Наркомпроса «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных исторических местах Великой Отечественной войны» [390, с. 79 – 80] определяло круг охраняемых государством объектов:

- 1) места крупных сражений (под Москвой, Ростовом, Калинином, Можайском и др.);
- 2) места боев небольших подразделений;
- 3) места стоянок и героических действий партизан;
- 4) места казней и пыток советских патриотов;
- 5) братские могилы и одиночные могилы.

Во время боевых действий государство взяло под охрану некоторые подлинные памятники, которые были плодом самодеятельности воевавших. В частности, 12 декабря 1942 г. воины 19-й танковой бригады возвели на естественный постамент в г. Калаче танк Т-10 как символ окружения сталинградской группировки фашистов. Так возник первый памятник сталинградским героям. В планах реконструкции Сталинграда, Москвы, Севастополя, которые были разработаны Академией архитектуры в 1943 г., предусматривалось возведение монументов. Первый мемориальный ансамбль открыли 30 сентября 1945 г. в Кенигсберге на месте захоронения 1200 воинов [167].

В 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР с Главным управлением охраны памятников. В его функции вошло

руководство восстановительными работами, которые начались уже в 1942 г., в 1944 г. они шли полным ходом [375].

В военные годы началась фиксация мест памяти. Был разработан «паспорт», в который включали описание самого памятника, координаты его нахождения, сведения о событии. В период войны на учет были взяты места, связанные с жизнью и подвигами героев-летчиков, 28 гвардейцев-панфиловцев, Зои Космодемьянской, «Дом Павлова» и другие.

14 сентября 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [366]. Этим постановлением охрана памятников, а также надзор за содержанием были возложены на Советы Министров автономных республик, исполкомы краевых, областных, городских, районных и сельских советов депутатов трудящихся. Руководство и контроль за постановкой учета, охраны, реставрации и использования исторических и археологических памятников на территории РСФСР были возложены на Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. На 1949 г. перед комитетом была поставлена задача взять на учет все выявленные исторические и археологические памятники.

В «Положении об охране памятников культуры» от 14 октября 1948 г. было конкретизировано содержательное наполнение понятия «мемориальные памятники», под которым предлагалось понимать «обелиски, монументы, мемориальные музеи, парки, созданные для увековечения событий и имен, в том числе и военных деятелей» [369, с. 88].

Произошла определенная активизация в деле реставрации и охраны: расширилась сеть научно-производственных реставрационных мастерских (они открылись в Рязани, Казани, Костроме, Перми, Ярославле), был создан научно-методический совет по охране памятников при Президиуме Академии наук СССР. Систематизация разделила памятники на: историко-революционные; соцстроительства; историко-военные; мемориальные, истории техники, хозяйства и быта.

Ситуацию осложняло то, что после войны силами общественности стали возводиться памятники воинам-землякам в городах, селах, поселках, деревнях нашей страны. Этот порыв в ряде регионов был поддержан сверху. Так, в Белоруссии в июле 1945 г. на VII сессии Верховного Совета БССР был принят Закон «Об ознаменовании победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, которые погибли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны СССР».

Понимая стремление, идущее от сердец граждан, пришлось несколько корректировать ситуацию. Появились памятники неудачные, невыразительные в художественном отношении. 18 февраля 1946 г. Совнарком СССР издал постановление «О взятии воинских могил на учет и их благоустройстве». В мае 1947 г. Воениздат выпустил в свет альбом «Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии и Военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в ходе Великой Отечественной войны». Альбом стал подспорьем для местных организаций общественности, позволив заменить временные деревянные памятники на более долговечные и эстетически выдержанные. К 1949 г. первичный учет памятников был проведен во всех регионах РСФСР [411]. На государственный учет и охрану были взяты памятники архитектуры, связанные с победами русских войск над неприятелем. Например, Псковский кремль, построенный в XII – XIV вв. Согласно летописям, он отразил 26 нападений врагов. В Дагестане поставлена на учет Великая Кавказская стена «Даговры» (VI в.), не раз встававшая на пути захватчиков.

Паспортизация памятников входила в функции отделов культпросвет-работы, для этих целей привлекали краеведов, учителей, студентов. Отделы культурно-просветительной работы осуществляли систематический надзор за содержанием памятников – зданий, находившихся в пользовании предприятий, учреждений, путем заключения с ними охранно-арендных договоров («охранных обязательств»). В договорах прописывались: запрет переделок,

надстроек и искажений памятников, проведение своевременного ремонта и реставрации. Исторические памятники, не находившиеся в пользовании предприятий, учреждений (obelisks, надгробия и др.), обязаны были ремонтировать сами отделы культпросветработы (финансирование и стройматериалы выделялись исполкомами Советов). После Великой Отечественной войны популярность набирает установка мемориальных досок в целях увековечения мест, связанных с историческими, революционными событиями, гражданской и Великой Отечественной войнами.

Следовательно, в послевоенный период были четко определены типы историко-культурных объектов, на которые распространялась государственная охрана. Впервые были отмечены памятные места и сооружения Великой Отечественной войны. При всей условности классификации детальная трактовка отдельных категорий памятников была шагом вперед.

Как только «Положение об охране памятников культуры» начало внедряться в практику, очевидными стали его слабые стороны: большой массив памятников не попадал под контроль органов охраны, недостаток финансирования, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие четких критериев учета, ведомственная разобщенность, дублирование.

В период хрущевской «оттепели» специалисты, связанные с архитектурой, историей, заявили о том, что памятники прошлого – это забота не только о прошлом, но главным образом о будущем, о потомках, которым они понадобятся [159]. Полностью разделял этот призыв академик Д.С. Лихачев. Он призывал обсудить меры для поддержания памятников культуры и вопрос о месте исторических памятников в строящихся и переустраиваемых городах [275, с. 3].

После XX съезда КПСС был поставлен вопрос о необходимости коренных изменений в изучении истории советского общества. Предлагалось, во-первых, резко увеличить число разработок, посвященных периодам, близким к современности, во-вторых, сократить место

исторической тематики в общем объеме исследований (так достигалось преобладание современности за счет прошлого). Победил второй путь – из тематических и издательских планов исследовательских институтов вычеркивались темы, посвященные феодализму, капитализму в России. Подобная тенденция, несомненно, отразилась на отношении к памятникам культуры, посвященным российскому воинству.

Особенно пострадали в годы хрущевской «оттепели» памятники церковной культуры, связанные с историей русских побед. По словам А. Данильца, в культовых зданиях «увекочивалась память о знаках Божьей милости, явленных в дарование победы» [187]. К вандализму 1920 – 1930-х гг., обрушившемуся на церкви и монастыри, прибавились «инициативы» конца 1950 – начала 1960-х гг. [220]. Так, в 1961 г. по распоряжению местных властей был взорван собор XII в. в Витебске (храм Благовещения Пресвятой Богородицы, связан с именем Александра Невского), в 1963 г. сожжена деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Вытегре (имела два придела: Георгиевский и Иоанна Богослова), снесена часть Никольского монастыря (Никольского военного собора), построенного в Киеве в XVII в. архитектором О. Старцевым (разобрана Трапезная церковь) [395].

Сохранности памятников отнюдь не способствовала государственная установка, согласно которой трата средств на реставрационные работы неконструктивна. Результатом стал пересмотр в сторону сокращения списков архитектурных памятников, состоявших на государственной охране. У этого решения было хорошее оправдание – выступление Н.С. Хрущева на январском Пленуме ЦК КПСС (1961 г.). Глава государства расходы на реставрационные работы объявил расточительством. В выступлении гнев обрушился на литовских руководителей, которые, по словам первого секретаря ЦК КПСС, «взялись за восстановление руин... многие из которых не имеют серьезной исторической ценности», «и в Подмосковье увлекаются реставрацией ненужных объектов старины» [384].

Однако в рассматриваемый период принимались нормативные правовые акты по охране памятников: постановление 1957 г., принятое Президиумом Верховного Совета РСФСР и Советом Министров РСФСР «Об улучшении дела о реставрации памятников культуры в РСФСР», постановление 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР» [445]. Последним были утверждены списки памятников истории и культуры, намечена программа мероприятий по их сохранению.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.) дело охраны памятников сдвинулось с мертвой точки. В 1966 г. ЦК партии и Советом Министров РСФСР было принято решение об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. В июне 1966 г. состоялся первый учредительный съезд, на котором определили основную задачу Общества – оказывать помощь государству в выявлении, изучении, охране и пропаганде всех видов памятников. Общество имело развернутую сеть местных отделений. Решение объяснялось неблагоприятным состоянием в этой области [124]. При этом корень зла пытались обнаружить не в глобальных идеологических установках, а в порочных инициативах местных руководителей и хрущевском «волюнтаризме».

Совет Министров РСФСР 24 мая 1966 г. издал постановление «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». Согласно данному постановлению была образована Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры. Также приняли решение объявить государственными заповедниками места, связанные с важнейшими историческими событиями, что коснулось и военно-мемориальных комплексов (например, Бородинского поля) [213].

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Генеральным секретарем Л.И. Брежневым была дана оценка работе по созданию мемориалов как наиболее важной формы патриотического воспитания. В преддверии 30-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой в столице началась

широкомасштабная работа по сбору и учету сведений о тех, кто погиб на подступах к Москве [126].

Интересен опыт первичной организации ВООПИиК истфака Московского государственного университета (МГУ). В 1970 г. представители данного общества поставили перед собой задачу описать памятники, мемориальные доски, установленные в Москве в честь воинских соединений и героев Великой Отечественной войны. На начало 1972 г. была закончена работа по сбору материалов обо всех 143 улицах Москвы, названных в честь героев, воинских соединений, отдельных сражений. Сделаны описания 110 памятников и 204 мемориальных досок. Общество организовывало работу по обследованию 7 московских кладбищ, некрополя Красной площади. Было выявлено 348 могил Героев Советского Союза и Социалистического Труда; описано 15 братских могил [95].

В июле 1972 г. в Ленинграде состоялся II съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. На нем присутствовало 500 делегатов. В речи председателя Президиума Центрального совета В.И. Кочемасова было отмечено, что за шесть лет со дня образования общество превратилось в крупную общественную организацию, включающую более 8 млн человек [128]. Для пропаганды мемориального наследия внедрялись новые формы работы: смотр памятников, походы молодежи по местам героических боев. В рамках съезда обсуждались вопросы подготовки специальных кадров, открытия крупных монументов: Чесменского мемориала военно-морской славы (Ленинград), мемориал на месте гибели 28 героев-панфиловцев (Московская область) [371]. В итоге II съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры одобрил практику проведения научных конференций по проблемам охраны памятников. В советский период была установлена традиция почитать различные даты, связанные с революционными, боевыми и трудовыми свершениями, что как правило, активизировало и работу по охране и реставрации памятников.

В 1960 – 1970-е гг. в Советском Союзе были сооружены значительные мемориальные комплексы, которые увековечили выдающиеся события в истории Отечества. К таким объектам, несомненно, можно отнести мемориальный комплекс в Брестской крепости (начал проектироваться с 1969 г. под руководством народного художника СССР А.П. Кибальникова). Крупными монументальными объектами этого периода стали мемориальный ансамбль в память о первом использовании в боях «Катюши» под г. Оршей, Курганы Славы в Белоруссии. Помимо торжественных объектов, возводились и памятные мемориалы. Примером может служить памятник в деревне Малый Тростенец Минского района Белоруссии, на месте которой гитлеровцы уничтожили в концентрационном лагере более 200 тысяч мирных жителей. В 1963 г. на месте лагерного крематория был возведен двадцатиметровый обелиск. В 20 км от г. Солигорска Минской области, у поворота дороги на деревню Навину, был поставлен памятник двум старикам – братьям Михаилу и Ивану Цубам, повторившим подвиг Сусанина в годы Великой Отечественной войны [321].

Особую популярность в указанный период приобрели мемориальные комплексы (мемориалы). Под этим термином подразумевался комплекс, в котором переплетались многие образные средства, объединенные единством замысла. Одним из наиболее ранних решений подобного рода можно считать памятник советским воинам в Трептов-парке в Берлине. Идея памятника заключалась в том, что основная, решающая роль в победе принадлежит Советскому Союзу, Красной армии, советскому солдату.

Дальнейшее развитие идея мемориального комплекса получила в мемориальном ансамбле-некрополе на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Мемориал отличался новыми дополнительными компонентами (музыка, экспонаты музея, надписи на мемориальных плитах авторства Ольги Берггольц). В указанный ряд вошел мемориальный комплекс – грандиозный памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы в Волгограде, мемориальный комплекс в Хатыни. В монументальном

искусстве был отмечен процесс взаимопроникновения архитектуры, живописи, скульптуры, тяга к сложному синтетическому решению, включающему окружающую природу, уцелевшие подлинные сооружения, звук, тщательно продуманное освещение.

В Белоруссии, где погиб каждый четвертый, сразу же после окончания Великой Отечественной войны над могилами погибших начали ставить простые деревянныеobelisks. Позже их заменяли на высокохудожественные объекты. На 1 июля 1969 г., по данным Центрального совета Белорусского общества охраны памятников, на территории республики насчитывалось 4717 памятников Великой Отечественной войны.

На III съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, прошедшем в июне 1977 г., а также на Пленуме Центрального совета общества (май 1978 г.) рассматривались вопросы сохранения военно-мемориальных памятников в сельской местности [459]. Тема была выбрана далеко не случайно – начался процесс сселения мелких деревень, как показало время – гибель русской деревни, но в 1970-е гг. данная кампания преподносилась как «закономерный процесс». Однако встал вопрос: что делать с братскими могилами,obelisksами, когда на одной Смоленской земле воинских захоронений периода Великой Отечественной войны было свыше 200, не менее 330obelisksов в память об односельчанах, погибших на войне [464]. Первым шагом к разрешению сложившейся ситуации было предложено зафиксировать облики тех деревень, которые решено оставить в виде центров, и тех, которые подлежали сселению.

В частности, в Смоленской области ход данной кампании выглядел следующим образом. По инициативе кафедры истории СССР Смоленского пединститута в 1971 г. начала свою работу историко-этнографическая экспедиция. В ее программу вошло сплошное анкетирование и фотографирование деревень для создания особого фонда в областном архиве [127, с. 211]. Осознавая последствия программы по сселению так называемых «неперспективных деревень» для сохранности памятников (без присмотра

они разрушаются, утрачивается их воспитательное значение), было предложено устанавливать памятные знаки в местах их расположения. Например, в Смоленской области по заказу областного управления культуры были разработаны проекты памятных знаков, фотографии с описаниями их направлялись в сельские районы.

В школах Смоленской области на 1980 г. проводилось до 7 тысяч походов по родному краю ежегодно, в походах участвовало более 100 тысяч человек. В число основных заданий этих экспедиционных отрядов входил уход за воинскими захоронениями, встречи с участниками войны, выявление новых имен героев и памятных мест [238]. Популярным способом увековечения памяти о жертвах войны являлась закладка дубовых роц на месте сожженных гитлеровцами деревень (например, в 1978 г. на месте д. Ляхово Починковского района в память о 384 жителях, заживо сожженных фашистами в 1942 г.) [127, с. 212; 455].

В конце 1970-х гг. все более явной становилась необходимость заменить разрозненные распоряжения единым законом. И такой закон был принят 29 октября 1976 г. (№ 4692-IX)[349]. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в итоговом варианте состоял из пяти разделов, включавших 33 статьи. Аналогичный закон был принят 15 декабря 1978 г. в РСФСР (действовал до 2002 г.).

Новшеством стало то, что закон 1976 г. ввел понятие «памятник истории и культуры», которое помимо произведений материальной и духовной культуры, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, включил памятные места, а также иные объекты, связанные с историей народа, развитием общества и государства. Идеологическая направленность закона неоспорима: в преамбуле указано на особую ценность памятников, отражающих борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства. Закон определял, что все памятники на территории СССР охраняются

государством. Но у закона 1976 г. были и слабые места. Размытость ряда статей мешала детализации практических действий по охранным мероприятиям. Уголовная или административная ответственность за вандализм в законе отсутствовала.

Министерство культуры РСФСР и местные органы культуры согласно закону осуществляли управленческие функции. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, профессиональные и творческие союзы, молодежные организации должны были оказывать всестороннее содействие охране памятников. ВООПИиК участвовало в процессах восстановления памятников, вкладывая материальные средства в организацию реставрационных работ [288]. Работа по государственному учету, постановке памятников на государственную охрану дала свои плоды ко второй половине 1980 гг.; список памятников РСФСР, поставленных на государственную охрану, включил в себя около 36 тысяч объектов всех групп [440].

Процессы, происходившие в стране в конце 1980-х гг., в годы «перестройки» затрагивали и культурную политику. Особый упор делался на то, что охрана памятников тесно связана с задачей теоретической разработки проблем более глубокого освоения культурного наследия народа. Без всестороннего научного обоснования невозможно было выработать современную культурную политику [297].

Сохранению историко-культурного наследия было посвящено впервые проведенное в СССР Всесоюзное совещание по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и архитектуры (16–17 мая 1988 г.). В работе совещания приняли участие 900 человек. Данный форум курировался ЦК КПСС, организаторами выступили Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию, Госстрой СССР, Министерство культуры СССР, Госкомархитектуры, Союз архитекторов СССР. О важности мероприятия свидетельствовало участие в нем членов Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачева и А.Н. Яковлева, первого заместителя Председателя Совета

Министерств СССР Н.В. Талызина, председателя Госстроя СССР Ю.П. Баталина, заведующих отделами ЦК КПСС Ю.П. Воронова и А.Г. Мельникова. Ход совещания освещали ведущие центральные газеты. Главной задачей совещания поставлено следующее: «выработать предложения по созданию действенного государственного и общественного механизма сохранения культурной среды, по реставрации и использованию памятных объектов в идеологических, научных и воспитательных целях» [482, с. 138].

В докладе министра культуры СССР В.Г. Захарова прозвучало, что в Советском Союзе сложилась государственная отрасль, призванная охранять и использовать памятники истории и культуры. Однако министр не обошел вниманием и тревожившие проблемы: запущенность и аварийность многих памятников, особенно деревянного зодчества (только в РСФСР не менее 5 тыс. объектов культуры) [397, 17 мая]; в сельской местности памятники в исчезнувших селах не ремонтировались.

Если в 1960-е гг. большие надежды связывались с общественной инициативой, то в 1988 г. приходилось констатировать, что авторитет общественных организаций снизился. Паспортизацией было охвачено лишь около половины памятников. На совещании было указано на проблемы учета. Численность недвижимых памятников приближалось к 150 тыс., из них монументального искусства – 26 тыс. Для наведения порядка в деле отбора объектов на государственный учет рекомендовалось активнее использовать научную экспертизу [397, 14 мая]. Было выдвинуто предложение разделить памятники по их значимости, выделив уже не 3 категории (общесоюзного, республиканского и местного значения), а 4 – общесоюзного, республиканского, областного и местного значения [482, с. 141]. Существующее на конец 1980-х гг. законодательство в области охраны памятников оценили как декларативное, особенно общественность и госорганы были не согласны с тем, что в законах речь шла лишь об

административной ответственности и взыскании мизерных штрафов [144, 386, 443].

В конце 1980-х гг. назрел вопрос о пересмотре структуры органов охраны памятников. Так, например, Президиуму Верховного Совета СССР в сентябре 1987 г. пришлось рассматривать вопрос «О работе Советов народных депутатов Волгоградской области по повышению роли культурно-просветительных учреждений в условиях перестройки». В принятом постановлении отмечалось, что многие памятники, в том числе мемориал «Соединение двух фронтов», находились в запущенном состоянии [396]. Было высказано пожелание объединить все виды движимых и недвижимых памятников под эгидой одного союзно-республиканского органа.

Общим решением участников Всесоюзного совещания 1988 г. стал вывод о том, что назрела необходимость как можно быстрее сформировать единую дееспособную систему государственного управления и контроля с тем, чтобы усиление правовой защиты памятников было подкреплено действенными мерами административной защиты. Следовательно, была признана необходимость создания специальной отрасли народного хозяйства по сохранению исторического и культурного наследия, единой ведомственной структуры, государственных инспекций по охране, реставрации и использованию памятников и исторической среды. Вскоре после майского совещания 1988 г. в центральном аппарате Министерства культуры было образовано Главное управление охраны, реставрации памятников и капитального строительства.

Всесоюзное совещание 1988 г. является серьезной вехой в деле развития сферы охраны памятников. Вновь было обращено внимание на то, что административные неурядицы пагубно отражаются на памятниках. Так, мемориал Крымской конференции 1945 г. – Ливадийский дворец, находился в ведении кардиологического санатория на правах отдела. Вновь было обращено внимание на то, что мемориальные комплексы не имели статуса музея, реставрация не производилась. Впервые прозвучала поддержка

мнения председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР К.М. Харчева о целесообразности передачи храмовых зданий в аренду общинам Русской православной церкви, возложив на нее ответственность за их сохранность.

В целом период 1960 – 1980-х гг. отмечен значительными изменениями в деле охраны военно-мемориального наследия. Платформой послужили процессы укрепления государственных органов охраны памятников, вступление в действие законов СССР и РСФСР об охране и использовании памятников. Культурная политика в стране продолжала находиться под бдительным контролем власти. В советский период приоритетом было формирование патриота и военно-мемориальное наследие расценивалось очень высоко. Заявлялось о том, что желаемое общество «зрелого социализма» можно построить, если удастся качественно изменить сознание советского человека [254].

В 1988 г. состоялось Всесоюзное совещание по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и архитектуры, на котором отмечалось, что в Советском Союзе сложилась соответствующая государственная отрасль. Также необходимо отметить, что последней войной советского времени стала война в Афганистане (1979 – 1989 гг.), однако она разделила судьбу Первой мировой войны – ее активное увековечение происходило уже после распада СССР (1991 г.).

Таким образом, в государственной политике СССР в отношении военно-мемориального наследия можно выделить следующие наиболее значимые особенности и тенденции:

1. Преобладающая роль государства в решении всех вопросов, связанных с военно-мемориальным наследием, дополняемая ощутимой поддержкой со стороны общественных объединений и частных лиц.
2. Идеологическая основа процессов создания и сохранения военно-мемориального наследия, интеграция военно-мемориального наследия в

структуру ключевых направлений государственной культурной политики («Ленинский план монументальной пропаганды»).

3. Сосуществование двух равно активных тенденций – конструктивно-созидательной, воплощавшейся в активном, массовом, масштабном создании новых объектов военно-мемориального наследия, и деструктивной, заключающейся в целенаправленном или непреднамеренном (посредством отсутствия мер по сохранению и восстановлению) разрушении памятников военно-мемориального наследия.

4. Доминирование стандартизации, стереотипизации памятников военно-мемориального наследия, объяснявшихся, во-первых, массовостью и высокой скоростью их создания, во-вторых, низкой художественной квалифицированностью их авторов (инициативы «снизу»), в-третьих, однообразием их символично-смыслового наполнения.

5. Секуляризация военно-мемориального наследия, отделение его от идей православия в символическом и от церкви в институциональном планах, физическое уничтожение объектов военно-мемориального наследия культового характера, посвященных победам русского оружия.

6. Подавляющее доминирование тем Гражданской и Великой Отечественной войн в практиках мемориализации.

7. Преобладание скульптурных военно-мемориальных форм над архитектурными в связи с необходимостью обеспечить дешевизну и массовость их производства.

2.3. Сохранение военно-мемориального наследия России в постсоветский период: основные формы и тренды

В начале 1990-х гг. сфера охраны памятников испытала на себе все плюсы и все минусы рыночной экономики. Государство резко снизило ассигнования на культуру, в том числе и на сохранение памятников истории и культуры. Как парадокс анализируемого периода мы рассматриваем то, что именно в этот временной отрезок возникли, развились, окрепли культурные практики и инициативы в сфере сохранения военно-мемориального наследия, зачинателями которых были как давно зарекомендовавшие себя на поприще военно-мемориальной деятельности, так и новые инициативные объединения.

Обратимся к инициативам Министерства обороны Российской Федерации. Известно, что еще в годы Великой Отечественной войны были созданы специальные воинские команды (приказ НКО № 138 от 15 марта 1941 г.), которые выполняли скорбную миссию погребения павших. В течение всего советского периода Министерство обороны СССР плотно занималось военно-мемориальной работой. Многие инициативы начала 1990-х гг. брали свое начало в предыдущем периоде.

Так, например, 9 июня 1988 г. министр обороны СССР, генерал армии Д. Т. Язов и начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота, генерал армии А.Д. Лизичев направили в военные округа директиву [237, с. 7] «Об оказании помощи местным советским органам в работе по увековечению памяти защитников Родины». Суть директивы состояла в том, чтоб командующие войсками, военные советы, штабы и политорганы обязаны обеспечить активное участие личного состава воинских частей в проведении мероприятий, связанных с поиском захоронений, установлением имен погибших, благоустройством могил и кладбищ советских воинов. Велась работа по организации учета, по

благоустройству воинских захоронений, составлялись подробные карты-схемы захоронений, уточнялись списки захороненных в них.

Создание нештатного Координационного центра Министерства обороны СССР по увековечению памяти защитников Родины в конце 1989 г. также мы рассматриваем как действенную инициативу по сохранению военно-мемориальной среды в СССР, а затем и в постсоветской России [479]. На нештатный Координационный центр возлагались задачи по увековечению памяти погибших воинов, а также по проведению мероприятий патриотической направленности. Одной из составляющих деятельности нештатного Координационного центра был обозначен контроль за состоянием и сохранностью могил и кладбищ погибших воинов [536, с. 55]. Однако уже в самом начале организации указанного органа было ясно, что ему не под силу осуществить весь комплекс работ. Активно обсуждалась необходимость комплексной работы в рамках единой государственной программы, а именно массового обследования всех регионов страны, где в годы Великой Отечественной войны проходили боевые действия, выявления останков захороненных воинов, определения их дальнейшей судьбы, выработки специального законодательства о поисковой деятельности и охраны захоронений, разработки системы реконструкции, переименования и в ряде случаев демонтажа ранее установленных памятников, обелисков и мемориалов, не отвечающих требованиям эстетики или критериям исторической справедливости.

В годы «перестройки» множились фонды и общественные комитеты с весьма сомнительной репутацией. Одиозным стал так называемый фонд «Вечная память солдатам». В его деятельности была заявлена цель – «сооружение памятных могил и мемориалов всем погибшим на территории СССР и других стран солдатам» [130]. На деле оказалось, что в числе первых фонд заявил о создании памятника испанцам из «голубой дивизии». Этот и множество других фондов начала 1990-х гг. были мошенническими проектами.

В условиях разрушения союзных структур усилия Координационного центра не приносили должного результата. Примером может служить история с директивой главнокомандующего ВМФ «О совершенствовании работы нештатных координационных центров» [237], изданной в 1991 г. В документе конкретизировалось, что от данных центров необходимы предложения по выработке мер, направленных на недопущение вандализма; составление перечня памятников и могил, находящихся под угрозой уничтожения или осквернения; принятие необходимых мер для обеспечения их сохранности [237, с. 8]. Однако реализовать требование данной директивы не удалось из-за развала СССР.

С инициативами по выработке мер по сохранению и охране военно-мемориального наследия выступали представители армии. Так, например, А.Н. Клейменов, занимавший должность председателя Координационного центра по увековечению памяти защитников Родины, обратил внимание общественности на увеличение числа произвольных, нигде документально не зафиксированных перезахоронений воинов и обезличивание погребений, возрастание числа безымянных захоронений [237, С. 3 – 10].

В начале 1990-х гг. остро встал вопрос и о противодействии мародерству и глумлению хулиганствующих. В связи с этим в январе 1991 г. был принят Указ Президента СССР о преобразовании Главного военно-политического управления СА и ВМФ в Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил СССР, составной частью деятельности которого являлась поисковая и военно-мемориальная работа. Однако, Указом Президента СССР от 29 августа 1991 г. оно было упразднено [121].

Еще одной попыткой совершенствования военно-мемориальной работы было решение министра обороны от 2 июня 1991 г., основанное на директиве Генерального штаба о создании Историко-архивного и военно-мемориального центра [235]. На волне подъема поискового движения в целом по стране в вооруженных силах стали создаваться собственные поисковые объединения. Примером может служить история с созданием

добровольного общества «Память Балтики». Возникнув в 1990 г. на базе яхт-клуба Ленинградской военно-морской базы, общество активно взялось за военно-мемориальную работу [195].

В ситуации отсутствия единого правового поля военное ведомство продолжало предпринимать попытки преодолеть эпизодичность и бессистемность в военно-мемориальной работе. Так, например, в 1990 г. главнокомандующим ВМФ СССР был утвержден план по координации действий военно-мемориального характера, которые практиковались на флоте. Положительный результат проявился в том, что в Севастополе произошло перезахоронение останков 850 человек [280].

Несколько улучшил ситуацию Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг» [333]. С воодушевлением было встречено опубликование Закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [351]. Закон впервые определил то, что увековечение распространяется на память погибших в ходе военных действий, при выполнении боевых задач или служебных обязанностей по защите Отечества.

Однако на практике оказалось, что «специального органа» по увековечению памяти на момент вступления в силу указанного закона не было сформировано. Итогом такой «деятельности» и безответственности стала плачевная судьба многих захоронений [131]. Например, 10 января 1993 г., в день 50-летия освобождения Кисловодска, решением администрации города была совершена попытка уничтожения братского кладбища, где покоится прах более 500 умерших от ран военнослужащих. Такие решения в поисках земельных участков принимались и в других местах.

В сложнейших условиях правовой и организационной неразберихи Министерство обороны РФ продолжало проводить большую работу по

увековечению памяти погибших. Были заключены соглашения с правительствами Италии, ФРГ, Финляндии, в которых говорилось о взаимном обеспечении сохранности иностранных воинских захоронений. Реальные результаты выразились в том, что, например, с лета 1990 г. на территории Польши начались работы по подготовке к перезахоронению останков воинов 86-й Краснознаменной имени Президиума Верховного Совета Татарской АССР стрелковой дивизии. В октябре 1991 г. близ г. Цехановец (Польша) состоялось торжественное перезахоронение [467].

Однако провалов было гораздо больше. Причины крылись в отсутствии взаимодействия с главами органов исполнительной власти, общественными организациями. Основательно назрела необходимость создания общероссийского органа, который бы руководил военно-мемориальной работой.

В качестве попытки нормализации ситуации можно обозначить тот факт, что в 1993 г., а затем в 1995 г. министр обороны Российской Федерации издал два приказа (№ 207 от 17 апреля 1993 г., № 84 от 28 февраля 1995 г.), в которых в числе требований улучшить и даже коренным образом изменить отношение к военно-исторической работе были озвучены следующие направления: создание и организация функционирования военных музеев, мемориалов и комнат боевой славы; увековечение памяти погибших воинов, работа по обустройству и сохранению мест их захоронения [518].

Приказом № 84 от 28 февраля 1995 г. было инициировано создание штатных военно-исторических органов от главных штабов видов вооруженных сил, родов войск до штабов корпусов, эскадр включительно, а также в главных (центральных) управлениях Генерального штаба и Министерства обороны. Это делалось впервые в России. В феврале 1997 г. в соответствии с решением начальника Генерального штаба в Вооруженных силах РФ была создана военно-историческая служба и стал формироваться Военно-исторический центр Вооруженных сил РФ [235]. 10 апреля 1999 г. в соответствии с директивами Генерального штаба Военно-исторический

центр ВС РФ был переименован в Военно-мемориальный центр Вооруженных сил Российской Федерации.

К числу культурных практик стоит отнести инициативы, получившие международное звучание. Например, образование «Совместной германо-российской комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений», старт которой начался с осени 1999 г. в Германии, где была поднята проблема судеб советских военнопленных [140]. Центр документации (г. Дрезден) с 1999 г. взял на себя общее руководство проектом, целью которого стало выяснение судеб советских военнопленных, которые находились в лагерях на территории Третьего рейха, и передача их родственникам сведений об их жизни, о местах их захоронений [285]. Немецкая сторона опубликовала «Книгу памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург, Бавария» [538]. В ней содержались сведения о более 700 погибших советских офицерах. Параллельно велась работа по выявлению судеб военнопленных сержантов и рядовых. Находки легли в основу второй книги, названной «Во имя живых. Помнить о погибших», презентация которой состоялась в Москве в апреле 2004 г. Следом, в апреле 2005 г., свет увидел двухтомник «Цайтхайн – Книга Памяти советских военнопленных» [511]. В ней содержались сведения о более чем 5000 военнопленных, погибших в лагере Цайтхайн в Саксонии.

Отметим, что, несмотря на претензии к Закону Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»[352], он до сих пор активно используется Министерством обороны Российской Федерации, иными ведомствами. Его наличие позволяет обеспечивать государству и обществу минимальную защиту военно-мемориального наследия. Министерство обороны выступало инициатором и автором тех решений, которые нашли закрепление в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2007 г. № 802 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. № 37»[335]. Данное постановление определило порядок осуществления

расходов при подготовке и проведении мероприятий, направленных на руководство работой военно-мемориального характера, а также координацию поисковой работы.

Укреплению международного статуса Министерства обороны в военно-мемориальном деле послужил Указ Президента РФ от 1 ноября 2007 г. № 1313 «О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются российские воинские захоронения» [341], который давал право ведомству открывать свои представительства в Румынии, Германии, Польше, Чехии, Китае, Литве и Венгрии для организации и проведения военно-мемориальной работы.

Увеличившийся масштаб работы повлек за собой необходимость создания обобщенного компьютерного банка данных (ОБД) «Мемориал». Эту масштабную работу мы расцениваем как важнейшую инициативу Министерства обороны Российской Федерации. Централизованный учет воинских захоронений, который предусматривает паспортизацию данных объектов, выявил (по состоянию на 1 февраля 2017 г.) 29 399 воинских захоронений на территории Российской Федерации, в них покоятся останки 4068940 воинов, из них известны имена 2584669, соответственно неизвестны – 1484271 [536, с. 59].

Нельзя пройти мимо инициатив Министерства обороны России, связанных с созданием музеев как источников памяти о военной истории. Данный вид музеев руководствуется принципом коммеморации, то есть мобилизации памяти о конкретных военных событиях, о героях, о погибших и выживших [105]. Важным мы считаем и то, что военные музеи осуществляют мемориализацию мест памяти, связанных с героическими страницами военной истории, создают визуальный ряд, который формирует героико-патриотическую парадигму в национальной памяти [417]. К примеру, Военно-морской флот РФ стал инициатором создания флотских музеев, которые осуществляют военно-мемориальную работу по

увековечению героического прошлого моряков и офицеров. Например, объединенный совет ветеранов – подводников ВМФ стал инициатором создания в 1997 г. в г. Санкт-Петербурге Музея подводных сил России им. А.И. Маринеско. 26 июля 2006 г. в Москве, в парке «Северное Тушино» на берегу Химкинского водохранилища, торжественно открыт главный объект Мемориального комплекса «Подводная лодка – музей» – большая дизельная ПЛ-Б-396 [69].

В основе военно-мемориальной деятельности, включая и поисковую, и военно-археологическую, и реставрационно-архитектурную, лежали и инициативы, исходящие от учебных и научно-исследовательских учреждений Министерства обороны РФ, специализирующихся на военной истории. Назовем в их числе научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Организованный в 1966 г. он смог создать эффективную систему организации научно-исследовательской работы [90, с. 7 – 8]. Среди прочего коллектив ученых Военного института систематически оказывает консультационную помощь авторам проектов памятников, панорам, диорам, и создателям музеев, посвященных памятным дням военной истории России. Так, в музее-заповеднике «Прохоровское поле» сформирован научно-исследовательский отдел (военной истории Центрального региона РФ).

По решению Министерства обороны России от 21 января 2006 г. был создан Специальный поисковый батальон. Основным местом проведения работ был обозначен «Невский пятачок». Итогом работы батальона стало перезахоронение 908 военнослужащих, установление 16 имен погибших [239].

На начало 1990-х гг. в Советском Союзе существовало около 600 поисковых отрядов и групп [106; 209, с. 16; 193; 522]. Они группировались в областные объединения. Результаты крупномасштабных целевых экспедиций были впечатляющими. Только в Смоленской, Новгородской и Ленинградской областях было найдено и предано земле свыше 8 тысяч

останков воинов. Само движение расширилось до 3 тысяч человек [514]. В 1990 г. территорией военно-мемориальных работ для поисковых отрядов стала Смоленская область. В апреле – мае 1991 г. Вахты Памяти охватили Воронежскую область. В результате были обнаружены и захоронены останки 1400 погибших [324]. В рассматриваемый период ярко проявило себя военно-патриотическое объединение «Искатель», находившееся под непосредственным руководством Координационного совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. Входившие в него поисковые отряды исследовали районы боев, проходивших под Москвой [433]. Работу по поиску, установлению и перезахоронению защитников Москвы с 1990-х гг. начал вести поисковый отряд «Поиск» Научно-исследовательского центра электронной вычислительной техники. Поисковиками были открыты памятники и обелиски павшим защитникам, собраны и переданы в музей воинские реликвии [466].

В 1991 г. общесоюзное поисковое движение приобрело статус самостоятельной организации, получив в Минюсте СССР название Ассоциация поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества» (АсПО). Распад СССР негативно сказался на военно-мемориальной деятельности. Указанная ассоциация распалась, к декабрю 1995 г. наметились определенные объединительные тенденции: ассоциация была переименована в Союз поисковых отрядов России. Он вобрал в себя более 500 поисковых формирований, действовавших в 22 областях и 5 республиках. Государство, в свою очередь, делало попытки путем законодательных актов регламентировать деятельность поисковиков. На это был направлен Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [336]. Закон четко определял понятие «старые военные и ранее неизвестные могилы».

Государственную поддержку получили Вахты Памяти – в Указе Президента РФ от 23 июня 1993 г. № 1055 «О подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов»,

прописывалось отдельной статьей финансирование проведения Вахт Памяти, активизирующих поиск павших в годы Великой Отечественной войны, установление их имен и фамилий, уход за братскими и индивидуальными могилами, за памятниками и обелисками [357].

Большое значение для расширения инициатив в области военно-мемориальной деятельности сыграл Закон Российской Федерации «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [453]. Документ определил основные направления и формы поддержки государством молодежных и детских объединений, в том числе и молодежных поисковых объединений. Развитие закон получил в Указе Президента России от 16 мая 1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» [454]. Указ закрепил за Министерством обороны РФ задачи по выработке мер, направленных на укрепление и расширение связей данного министерства в лице воинских формирований с молодежными и детскими объединениями и поисковыми группами.

По мнению ряда исследователей, новые, более благоприятные условия для осуществления военно-мемориальных инициатив начали создаваться в начале 2000-х гг. В частности, это отразилось в Постановлении Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 № 551, которое утвердило «Положение о военно-патриотических молодежных и детских объединениях» [328]. Для нашего исследования важным является то, что документ закрепил в числе главных задач объединений участие в мероприятиях по увековечению памяти защитников Отечества. Формой деятельности названа поисковая работа по увековечению павших, участие в работах по возведению памятников, мемориалов воинской славы, уход за ними.

Министерство обороны России продолжает курировать поисковое движение. Приказ № 6 министра обороны Российской Федерации от 2 января

2000 г. «О поддержке общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию» регламентирует порядок передачи военно-патриотическим молодежным общественным объединениям, поисковым формированиям форменного обмундирования и снаряжения на безвозмездной основе [199].

Новый импульс военно-мемориальным инициативам поискового движения придала государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 гг.», утвержденная 16 февраля 2001 г. (впоследствии продлевалась) [378]. В патриотически ориентированном поисковом движении указанный потенциал становится осязаемым в участии поисковых отрядов во Всероссийской Вахте Памяти, это и работа с документами, и с Книгами Памяти. На момент 2002 г. в России и странах СНГ было издано 1350 Книг Памяти. Всего выпущено 900 томов, собраны краткие данные на 11 млн погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны советских воинов [154].

Государственную поддержку получили инициативы по более тесному сотрудничеству поисковиков с местными военкоматами по ликвидации белых пятен в военной истории; поиск родственников погибших и пропавших без вести воинов; совместная работа военных и гражданских поисковиков по созданию поисковых, военно-исторических музеев, комнат Боевой Славы. Один из ярких примеров – музей в с. Поныря Курской области [244]. Бесценной оказалась инициатива кировских поисковиков по выявлению подробностей действий советских воздушно-десантных бригад в тылу «Демянского котла» (операция войск Северо-Западного фронта Красной армии в районе поселка Демянск между о. Ильмень и о. Селигер) [535]. Тульские поисковики предваряют работу на местности долгой архивной и библиотечной деятельностью. Изучаются боевые документы, списки и документы, идет переписка с военкоматами [155]. Следовательно, поисковики возвращают утраченные факты военной истории, способствуют расширению и укреплению военно-мемориальной среды.

В рамках федеральной программы патриотического воспитания в первое десятилетие XXI века были осуществлены такие военно-мемориальные инициативы, как Вахта Памяти на Вологодчине и в Новгородской области [513]. Традиция была продолжена в 2005 г. путем принятия аналогичной программы, но уже на 2006 – 2010-е гг. [378] Программа предусматривала в числе многих инициатив организацию поисковых работ в тех территориях, где велись бои Великой Отечественной, советско-финской, иных военных очагов. Приказ министра обороны РФ от 19 ноября 2014 г. № 845 регламентировал порядок выполнения поисковых работ на территории субъекта Российской Федерации [536, с. 56 – 57].

В настоящее время Минобороны России завершило работу над составлением общего перечня тех поисковых объединений и организаций, которые осуществляют свою деятельность военно-мемориального характера в Российской Федерации. Выявлено 223 объединения, среди которых 132 организации имеют статус юридического лица. Поисковых отрядов – 1592, в них объединено 43 127 человек [536, с. 56]. Стоит отметить важный момент: когда был создан специальный поисковый батальон, то для передачи опыта были привлечены поисковики ряда общественных объединений [190].

На современном этапе крупнейшим общественно-государственным движением является «Поисковое движение России», созданное в апреле 2013 г. Оно объединило более 42 тысяч поисковиков в составе 1428 поисковых отрядов. В 82 субъектах РФ действуют региональные отделения данного движения. Начиная с 2013 по 2017 г. участники движения перезахоронили останки более 100 000 советских воинов, установили более 5000 имен и выявили обстоятельства гибели более 5000 человек [387].

В 2006 г. управление поисковым движением было передано в компетенцию Министерства обороны России, что, в свою очередь, способствовало активизации инициатив. Столь масштабная работа, проделанная поисковиками по далеко не полным данным с 1987 по 2006 г., а это перезахоронение более 248 280 защитников Отечества, требовала и

хорошо отлаженной финансовой, материальной и научной поддержки. Поисковое движение из локальных акций постепенно стало представлять собой систему, жизнеспособность которой поддерживает государство.

Несмотря на масштабы проводимой в России работы по сохранению культурного наследия (в том числе военно-мемориального), в 2009 г. на совместном заседании Государственного совета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству было заявлено о том, что за прошедшие десять лет в России безвозвратно исчезли 2,5 тысячи памятников истории и культуры [528]. Данный показатель свидетельствовал о необходимости дальнейшего совершенствования государственной политики в сферах учета, охраны, сохранения, использования и популяризации материального культурного наследия.

Важнейшей вехой в деле сохранения и популяризации военно-мемориального наследия стало воссоздание Российского военно-исторического общества (РВИО) в 2012 году. Общество было образовано Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина №1710 от 29 декабря 2012 года в качестве общественно-государственной структуры в целях консолидации сил государства и общества в изучении военно-исторического прошлого России. Первым председателем Российского военно-исторического общества был избран министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский (сопредседателем – министр обороны России Сергей Шойгу) [365].

В период 2013 – 2018 гг. Российское военно-историческое общество установило более 200 памятников на территории России и за ее пределами. Среди них: памятник святому равноапостольному Великому князю Владимиру, мемориал героям Первой мировой войны на Поклонной горе и другие. Создан портал Местопамя.рф – информационное пространство по объектам военно-исторического наследия, которое формируют и обрабатывают непосредственно сами граждане. На конец 2018 года здесь размещена информация о более чем 11 000 мемориальных объектах.

Вместе с тем необходимо отметить, что современная геополитическая ситуация порождает новые локальные конфликты. Практика увековечения памяти активно транслируется и на погибших российских военнослужащих в современных войнах. В частности, с 2015 года Российская Федерация принимает участие в войне Сирийской арабской республики с международным терроризмом, который стал серьезной угрозой XXI века. Так, 4 ноября 2017 года в г. Оренбурге был открыт памятник Герою Российской Федерации Александру Прохоренко. Попав в окружение террористов в районе сирийского г. Пальмиры, 25-летний офицер вызвал огонь на себя. Только за период трех лет именем Александра Прохоренко названы улицы в Оренбурге, Грозном, в итальянском городе Вальи-Сотто, его бюст установлен в Смоленской военной академии войсковой ПВО, которую он закончил с отличием [62].

В 2018 г. были внесены изменения в ранее упоминавшийся Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1, согласно которым впервые в России законодательно урегулировали определения понятий «Вечный огонь» и «Огонь памяти». Вечным огнем в законе названа составная часть мемориала с постоянным горением от магистрального газопровода. На мемориалах «Огонь памяти» горение производится от газобаллонного оборудования и носит временный характер [364].

Предпринятая нами попытка дать характеристику существующих на сегодняшний день культурных практик сохранения военно-мемориальной среды России в постсоветский период охватила лишь часть инициатив, каждая из которых может служить отдельным предметом исследования. Однако даже такой обзор выявил, на наш взгляд, главную проблему – это пробелы в законодательстве. В 90-е годы XX столетия было принято довольно много законодательных актов, посвященных регламентации деятельности архивов, библиотек, музеев, но специального единого закона о сохранении памятников истории и культуры так и не было выработано.

Сложность создавало разделение собственности на государственную и муниципальную. Данный факт, в частности, подтверждается путем анализа двух указов президента о приватизации памятников истории и культуры. В декабре 1993 г. был издан указ «О приватизации» [342], в котором были перечислены те объекты, которые не подлежали приватизации, в том числе захоронения и некрополи. 26 ноября 1994 г. вышел еще один президентский указ – «О приватизации недвижимых памятников истории и культуры местного значения» [416]. В документе прописывалось, что приватизации подлежат памятники местного значения, за исключением особо ценных объектов и объектов, расположенных на особо охраняемых территориях. Данные документы не вносили четкости в то, что следует относить к памятникам республиканского значения, а что к местным. Отсюда не всегда обосновывалась практика перевода памятников в разряд объектов местного значения, приватизация памятников, поскольку это приносило выгоду для отдельных лиц, групп.

Основная масса монументальных скульптур, воинских захоронений вообще не была оформлена и оставалась бесхозным имуществом вплоть до второго десятилетия XXI столетия, что негативным образом сказывалось на процессах обеспечения сохранности памятных мест и сооружений.

Вернемся вновь к Закону Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [352]. Ответственность за содержание мест захоронения, оборудование и оформление могил и кладбищ погибших при защите Отечества возлагается на органы местного самоуправления. Законом определяется, что воинские захоронения подлежат государственному учету. На территории Российской Федерации их учет ведется местными органами власти и управления. На каждое воинское захоронение устанавливается мемориальный знак и составляется паспорт. Однако непонятно, должны ли муниципальные власти вести учет памятных мест и сооружений без праха военнослужащих. Частичный ответ на этот вопрос дается в статье 7 данного закона, в которой

написано, что «пришедшие в негодность воинские захоронения, мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память погибших, подлежат восстановлению органами местного самоуправления». Следовательно, монументы без праха военнослужащих подлежат учету муниципальной властью.

Еще одним серьезным нормативным правовым актом [356], принятым в ходе празднования 50-летия Великой Победы 1945 г., является Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», который дал определение термину «памятники Великой Отечественной войны». В статье 5 закона указано, что к памятникам Великой Отечественной войны относятся скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны (очевидно, к ним относятся и мемориальные доски).

Федеральный закон 1995 года, по сути, дублировал Закон Российской Федерации 1993 года, устанавливавший самостоятельный государственный учет и охрану объектов, посвященных событиям 1941 – 1945 гг., выделяя среди прочих монументов – памятники Великой Отечественной войны. Время показало, что данный акт не был продуманным документом и не способствовал созданию фундаментальной основы учета и сохранения объектов, посвященных Великой Отечественной войне.

Требовался фундаментальный закон. Работа над ним велась в течение всех 1990-х гг. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» был утвержден Президентом Российской Федерации 25 июля 2002 г. В законе четко определены задачи государственных органов охраны памятников. Среди них – контроль за соблюдением законодательства в области охраны, установление ответственности за повреждение или разрушение памятников, разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия, выдача

разрешений на проведение землеустроительных и хозяйственных работ на их территории [347].

Сегодня центральным учреждением охраны памятников является учрежденный при Министерстве культуры Российской Федерации отдел (инспекция) охраны недвижимых памятников истории и культуры (Росохранкультура в 2008 – 2011 гг. – федеральный орган исполнительной власти России в ведении Минкультуры РФ, ныне – департамент государственной охраны культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации). Он координирует систему контроля прав и обязанностей владельцев памятников. Воссоздан Федеральный научно-методический совет по охране культурного наследия.

В субъектах Российской Федерации длительное время после принятия закона существовало несколько моделей региональных учреждений, которые осуществляли охрану памятников. Однако с принятием в 2014 году поправок к закону на региональном уровне органы охраны памятников выводят в самостоятельные органы исполнительной власти, чтобы избавить их от несвойственных полномочий.

Под определением «памятник» в данном Федеральном законе, наряду с перечисленным рядом объектов, указаны «церкви, колокольни, часовни; мемориальные квартиры, мавзолеи; отдельные захоронения; произведения мемориального искусства». Следовательно, многие объекты военно-мемориального наследия обладают характеристиками объекта культурного наследия.

Таким образом, подводя итог постсоветскому периоду развития военно-мемориального наследия в России, можно выделить следующие его специфические черты.

1. Сохранение преобладающей роли государства (преимущественно Министерства обороны) в вопросах создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия.

2. Формирование нормативно-правовой основы процессов создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия, имеющей как свои преимущества (законодательная регламентация процедур сохранения и охраны военно-мемориального наследия, наличие юридических последствий нарушения установленных правоприменительных норм), так и свои ограничения (отсутствие универсальной правовой практики в отношении различных по своему юридическому статусу и административной принадлежности объектов, несогласованность действий различных ведомств, отсутствие единого органа управления военно-мемориальным наследием, невыработанность терминологического консенсуса в юридических документах и пр.).

3. Либерализация военно-мемориальной тематики, мемориализация ранее «закрытых» тем (роль церкви в военной истории, Первая мировая война, историческая миссия казачества, война в Афганистане и пр.) при сохраняющемся доминировании тематики Великой Отечественной войны.

Подводя итоги второй главы, следует, на наш взгляд, выделить следующие ключевые позиции.

История российской традиции создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия может быть репрезентирована через три крупных периода.

Дореволюционный период (XI – нач. XX в.), включающий в себя три локальных этапа:

- 1.1. Религиозно-церковный этап (XI–XVII вв.).
- 1.2. Религиозно-государственный этап (XVIII– первая половина XIX в.)
- 1.3. Государственно-общественный этап (вторая половина XIX– начало XX в.).

Каждый из выделенных локальных этапов позволяет проследить эволюцию субъектных оснований государственной политики в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия – от церкви как доминирующего субъекта к государству и обществу.

Советский этап (1917–1991 гг.), для которого характерно централизованное, монопольное государственное управление культурной политикой в целом и военно-мемориальным наследием в частности.

Постсоветский (или современный этап) также характеризуется доминированием государства в процессах регулирования военно-мемориального наследия, дополненным, однако, процессами делегирования полномочий принятия решений в данной сфере органам местного самоуправления. Это имело свои позитивные и негативные последствия. К позитивным последствиям можно отнести перенос ответственности за военно-мемориальное наследие в локусы его непосредственного бытования. Местные власти значительно лучше в сравнении с «центром» ориентируются в вопросах каталогизации объектов военно-мемориального наследия, потребностей в реставрационно-восстановительной работе, потенциала местных организаций и поисково-волонтерских объединений и пр. Негативная сторона вопроса связана, прежде всего, с тем, что подзаконных актов к указанным законам издано не было, не были предусмотрены финансовые средства на исполнение полномочий, инструменты контроля за деятельностью органов местного самоуправления в области сохранения военно-мемориального наследия также не были определены. Это в свою очередь приводило к обветшанию, а порой и к исчезновению многих объектов наследия. В следующей главе проблема сохранения и охраны объектов военно-мемориального наследия в пространстве актуальной культурной политики (в том числе и сквозь призму сложившейся проблемной ситуации) будет рассмотрена более детально.

Глава III. Военно-мемориальное наследие в пространстве актуальной российской культурной политики: проблемы и пути их решения

3.1. Специфика сохранения, охраны и использования объектов военно-мемориального наследия в условиях современной российской культурной политики

Анализ теоретических и исторических аспектов темы государственной культурной политики в сфере сохранения военно-мемориальной среды позволяет обратиться к теме основных проблем в области управления военно-мемориальным наследием и предложить возможные пути их решения. Задачей настоящего параграфа является рассмотрение указанной проблематики исходя из выявленных пробелов в действующем законодательстве, а также многолетней практики работы в сфере сохранения военно-мемориального наследия автора диссертации.

Четко структурировать систему управления военно-мемориальным наследием на сегодняшний день достаточно сложно, поскольку она находится в стадии своего формирования. Тем не менее, в рамках данного параграфа мы кратко проанализируем деятельность основных государственных институций, отвечающих за управление, координацию и контроль в сфере военно-мемориального наследия.

Основной массив воинских захоронений и мемориальных сооружений находится в фокусе внимания Министерства обороны Российской Федерации, которое, несмотря на решение своих основных приоритетных задач, также принимает участие в вопросах увековечения и сохранения военного наследия.

При Министерстве обороны России функционирует Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества (далее – Управление). Управление занимается реализацией задач, возложенных на Минобороны России, в сфере увековечения памяти погибших при защите Отечества и

совершенствования нормативной правовой базы данного вида деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. Основными задачами Управления являются: организация и обеспечение работы в сфере увековечения памяти погибших при защите Отечества; руководство деятельностью представительств Министерства обороны Российской Федерации по организации и ведению военно-мемориальной работы за рубежом; планирование и организация мероприятий, связанных с поиском, эксгумацией и перезахоронением останков погибших при защите Отечества.

Управление проводит учетные мероприятия в отношении воинских захоронений Российской Федерации. Так, на территории России на период 1 января 2017 года насчитывалось 29399 захоронений, в которых захороненными числилось 3578523 человека (в том числе, известных – 2094252, неизвестных – 1484271), воинов-интернационалистов – 11 255 [363].

Управление в рамках программы информатизации архивных документов активно продвигает создание современных информационных систем и баз данных, направленных на популяризацию военной истории и военно-мемориального наследия (информационный портал «Память народа», обобщенные банки данных «Мемориал», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», интернет-портал «Памяти героев Великой войны 1914 – 1918 гг.»).

Необходимо отметить слабую представленность Управления на внутрироссийском направлении (например, в Оренбургской области). Функции военно-мемориальной деятельности в регионах осуществляют областные военные комиссариаты по остаточному принципу.

Уникальным опытом является деятельность представительств Управления по организации и ведению военно-мемориальной работы за рубежом. В задачи зарубежных представительств входят организация и ведение в иностранном государстве военно-мемориальной работы, а также контроль исполнения соответствующего межправительственного соглашения о сохранности российских воинских захоронений. Представительства

проводят учет и паспортизацию российских воинских захоронений, устанавливают судьбу погибших воинов в государственных и местных архивных учреждениях; актуализируют и ведут Обобщенный банк данных погибших и пропавших без вести солдат и офицеров; подготавливают и согласовывают с иностранной стороной перечень российских воинских захоронений, издаются каталоги захоронений; организуют работы по ремонту и восстановлению воинских захоронений и мемориалов; осуществляют взаимодействие с ветеранскими, общественными и религиозными организациями иностранного государства; участвуют в организации пропаганды подвигов погибших при защите Отечества; осуществляют изучение специфики государства пребывания в вопросах увековечения памяти погибших воинов, национальных и культурных традиций в этой сфере, недопущения актов вандализма. На наш взгляд, данный организационный опыт может быть полезен и для организации военно-мемориальной работы в регионах России.

Необходимо осветить еще один важный момент, связанный с международной активностью России в военно-мемориальной деятельности. В соответствии с положениями Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, Российская Федерация исполняет обязательства по содержанию и благоустройству захоронений иностранных военнослужащих на территории России. В целях выполнения данных обязательств Российская Федерация (Советский Союз) заключила с рядом зарубежных государств Межправительственные соглашения по воинским захоронениям (с Японией – 18 апреля 1991 года, Финляндией – 11 июля 1992 года, Германией – 16 декабря 1992 года, Италией – 27 января 1994 года, Польшей – 22 февраля 1994 года, Венгрией – 6 марта 1995 года, Словакией – 6 марта 1995 года, Чехией – 15 апреля 1995 года, Монголией – 14 ноября 2000 года, Румынией – 8 ноября 2005 года, Латвией – 18 декабря 2007 года, государствами Содружества Независимых Государств – 3 сентября 2011 года, Турцией – 3

декабря 2012 года, Сербией – 10 апреля 2013 года, Словенией – 3 мая 2013 года).

Однако на сегодняшний день на региональном уровне данное направление деятельности реализуется на недостаточно высоком уровне эффективности. Представители местных властей порой не имеют понимания о наличии международных соглашений, целесообразности и формах сохранения иностранных воинских захоронений (в сознании власти и населения устойчив образ врага и непонимание обоснованности сохранения праха его солдат и офицеров), их государственной охраны и использования, включения иностранных могил, земельных участков под ними, в реестры муниципального имущества и пр.

Управленческая деятельность в отношении военно-мемориального наследия осуществляется и Министерством культуры Российской Федерации.

Министерство культуры Российской Федерации в части сохранения военно-мемориального наследия осуществляет полномочия, направленные на ведение государственных учета и охраны, обеспечение сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; государственный контроль и надзор за сохранением объектов культурного наследия.

Полномочий у ведомства достаточно много, в целом, все они направлены реализацию государственной культурной политики на территории Российской Федерации в области сохранения материального культурного наследия, частью которого, несомненно, является и военно-мемориальное наследие.

В структуре Министерства действует Департамент государственной охраны культурного наследия, который осуществляет деятельность по государственной охране, контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере культурного наследия; лицензированию деятельности по сохранению объектов культурного

наследия; выдаче заданий и разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия федерального значения; аттестации специалистов в области сохранения объектов культурного наследия.

В каждом российском регионе образованы самостоятельные органы исполнительной власти в сфере государственной охраны объектов культурного наследия. Указанная система, жизнеспособность и развитие которой зависит от Министерства культуры Российской Федерации, позволяет эффективно сохранять тысячи объектов археологического и архитектурного наследия.

Еще одним немаловажным участником управления процессами сохранения военно-мемориального наследия на территории России является Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации (Росвоенцентр), образованный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 1997 года № 317 [345]. Росвоенцентр занимается организацией разработки и реализацией мероприятий военно-исторического, мемориального и культурно-воспитательного характера, осуществляет поддержку и консолидацию движений ветеранов войн, военной службы и правоохранительных органов, проводит мероприятия в связи с памятными событиями военной истории Отечества.

Реализация государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» с 2001 года (2001 – 2005 гг., 2006 – 2010 гг., 2011 – 2015 гг., 2016 – 2020 гг.) позволяет Росвоенцентру координировать работу более 22 тысяч патриотических объединений, клубов и центров для детей и молодежи, постоянно совершенствуя систему патриотического воспитания в России. Непосредственно сохранением военно-мемориального наследия Росвоенцентр не занимается. Но содействие патриотическим организациям и учреждениям позволяет привлекать внимание общественности к проблемам сохранения военно-мемориального наследия с

последующим их решением силами местных властей, спонсорских организаций.

Отдельное внимание необходимо уделить совещательному органу при Президенте Российской Федерации – Российскому организационному комитету «Победа». Данный Комитет образован в целях осуществления мер, направленных на возрождение и укрепление патриотизма, повышение международного престижа Российского государства, решение проблем ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий на территории СССР и на территориях других государств, ветеранов государственной службы. Однако сфера деятельности Комитета гораздо шире заявленного и охватывает, в том числе, и военно-мемориальную деятельность.

В задачи Российского организационного комитета «Победа» входят содействие государственным институтам российского общества в разработке и реализации государственной политики, целевых и иных программ и проектов, совершенствовании законодательства и нормативной правовой базы в сфере военно-исторической деятельности; формирование, поддержка и направление общественной инициативы на всестороннее и глубокое изучение военно-исторического прошлого нашей Родины; пропаганда и распространение военно-исторических знаний с учетом современных информационных и инновационных технологий; сохранение и популяризация военно-исторического наследия России, архивных, музейных и библиотечных фондов, относящихся к военно-исторической тематике.

В 2012 году в Российской Федерации организована государственно-общественная организация «Российское военно-историческое общество» (РВИО). Данная организация существовала до Великой русской революции 1917 года на протяжении десяти лет с 1907 по 1917 годы и имела статус Императорского общества, способствовало сохранению и популяризации военно-мемориального наследия.

Задачами Общества являются поддержка деятельности центров военно-исторической культуры – военно-исторических музеев, библиотек, архивов и других структур, создание новых музейных, выставочных комплексов, историко-культурных центров и объединений; сохранение и восстановление всех видов и наименований памятников военной истории России; развитие военно-исторической реконструкции в России, поддержка военно-исторических клубов и объединений, проведение военно-исторических реконструкций сражений и памятных мероприятий Российской военной истории; участие в проведении военно-археологических раскопок на полях бывших сражений, в местах наиболее важных исторических событий; привлечение широкого внимания российской и международной общественности к уникальным историко-культурным и историко-военным объектам и памятникам Российской Федерации для интенсивного развития туризма в России; развитие военно-спортивных обществ и организаций.

Опыт деятельности Общества в российских регионах только формируется и расширяется, во многом он зависит от уровня его административной и финансовой поддержки в регионах. Участники общества оказывают влияние на сохранение отечественного военно-мемориального наследия путем привлечения внимания к его проблематике.

Таким образом, федеральный уровень государственной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия характеризуется вовлеченностью в нее Министерств обороны и культуры Российской Федерации, Росвоенцентра при Правительстве Российской Федерации, Российского организационного комитета «Победа», Российского военно-исторического общества. Необходимо отметить, что и другие федеральные ведомства, а также общественные структуры федерального уровня занимаются военно-мемориальной деятельностью в той или иной степени, но они не формируют государственную политику в данной области.

Механизм управления военно-мемориальным наследием России поливекторен и связан с интересами как государственной оборонной, так и

культурной политики. Данный фактор исторически складывался в России. Основное внимание к правовому регулированию управления военно-мемориальным наследием пришлось на первые десятилетия постсоветского периода под влиянием обеспечения защиты монументов в условиях неразберихи 1990-х гг. Нормативные правовые акты, принимаемые в данный период, отличались непроработанностью, порождали проблемы, которые не решены до сих пор.

Правовая база управления военно-мемориальным наследием России представлена следующими основными актами: Закон Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», Федеральный закон от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [332, 336, 351, 356, 348]. Данный ряд можно продолжать и далее указами Президента, постановлениями правительства, приказами министра обороны России и так далее.

Вместе с тем среди всего ряда выделяются два основных закона, на базе которых принимается большая часть решений по всему комплексу военно-мемориального наследия России, на которые в своей работе опираются Министерства обороны и культуры Российской Федерации: Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» и Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [348, 351]. Анализируя указанные нормативные акты, приходишь к выводу о том, что в современной России сложились две системы государственного учета и

охраны военно-мемориального наследия, сформировавшиеся в 1993 и 2002 годах. Их основы наглядно продемонстрированы в приложении № 1.

Необходимо отметить, что основное внимание Министерства обороны России сосредоточено на военно-мемориальных объектах, имеющих прах военнослужащих, хотя, как мы видим из приложения № 1, государством охраняются «и другие мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества» [351]. Министерство культуры России реализует государственную культурную политику в отношении военно-мемориальных объектов, которые имеют статус объектов культурного наследия, причем прах военнослужащих не является определяющим фактором при принятии решения о взятии объекта на государственные учет и охрану (прах военнослужащих выступает предметом государственной охраны). Тогда как сохранение объектов наследия для Минобороны России не является первостепенной, основной задачей, для Минкультуры России государственная политика в отношении материального культурного наследия является основополагающей функцией.

Дополнительно отметим то, что в соответствии со статьей 5 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [356] введено такое понятие, как «памятники Великой Отечественной войны». Все это говорит о том, что государственной политике в отношении военно-мемориального наследия явно не хватает единообразия и четкой отраслевой определенности (отнесения к государственной культурной политике). Полная интеграция всего комплекса военно-мемориального наследия в область сохранения объектов культурного наследия, курируемую Министерством культуры России, позволила бы решить многие проблемы.

Сравнение эффективности двух систем государственной охраны, сопоставление правового статуса разных военно-мемориальных объектов, позволит предложить выходы из сложившейся ситуации. Решить эту задачу научного исследования целесообразно путем сравнения государственной

охраны двух условных могил Героев СССР/РФ, одна из которых имеет статус объекта культурного наследия, а другая просто является одиночным воинским захоронением, а также памятника, посвященного условному Герою СССР/РФ, не имеющего статус объекта культурного наследия и не содержащего прах военнослужащего.

В последние годы (начиная с 2013-го) появляются различные нормативные правовые акты, поручения высшего руководства страны, решения совещательных органов и общественных объединений, выступления известных руководителей и прочее, которые позволяют говорить о проблеме в сфере сохранения военно-мемориального наследия России. Постараемся сформулировать ее на конкретных примерах. Так, в соответствии с пунктом 24 протокола заседания Российского организационного комитета «Победа» от 12 июля 2013 года № 34 [393] органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации поручили обеспечить проведение в 2013 – 2014 годах паспортизацию воинских захоронений. Само поручение четко проводило градацию между объектами, содержащими прах военнослужащих, и объектами памяти, не содержащими праха (последние не подлежали паспортизации).

Поручение Президента Российской Федерации от 4 июля 2014 года № Пр-1564 также порождало очередное дублирование в сфере государственного учета и охраны военно-мемориального наследия [57]. Текст его звучал следующим образом: «Совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Общероссийским общественным движением «Народный фронт «За Россию» обеспечить учет и бесперебойное функционирование на территории Российской Федерации мемориалов «Вечный огонь», посвященных памяти павших в Великой Отечественной войне» [329]. Однако, анализируя данное поручение, приходишь к заключению о том, что «Вечные огни» являются составной частью мемориальных комплексов и отдельно не учитываются. Вместе с тем поручением установлено организовать еще одну систему государственного

учета мемориальных сооружений с Вечным огнем или Огнем памяти, то есть с отдельно выделенным элементом военного мемориала (в противовес мемориальным комплексам без такового огня).

Многие государственные деятели (например, директор Росвоенцентра при Правительстве Российской Федерации В.В.Фетисов на заседании XX Координационного совета по культуре, г. Калуга, сентябрь 2014 г.) говорят о невозможности оказать воздействие на представителей органов местного самоуправления в целях приведения в надлежащий вид монументов и мемориальных комплексов, что свидетельствует об отсутствии правовых механизмов государственного воздействия в сфере сохранения военно-мемориального наследия.

В резолюции XIII Всероссийского съезда органов охраны памятников истории и культуры (г. Брянск, сентябрь 2014 г.) Министерству культуры Российской Федерации было рекомендовано рассмотреть вопрос о возможности внесения изменений в законодательство в части снижения для памятников воинской славы минимального срока с момента их создания при решении вопроса об их включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия; подготовить разъяснения по вопросам проведения работ по сохранению объектов культурного наследия – памятников воинской славы за счет средств федеральной целевой программы «Культура России» [56]. Указанные рекомендации свидетельствуют о четком разделении военно-мемориального наследия России на две части, об особом статусе воинских захоронений, имеющих статус объектов культурного наследия.

Следовательно, в Российской Федерации сформировались две системы государственной политики в отношении единого военно-мемориального наследия, что порождает несогласованность решений различных органов власти и в итоге повышенное внимание к одним объектам (объектам культурного наследия) и бездействие к другим (объектам, не имеющим статуса объекта культурного наследия).

Данный вывод также постараемся доказать путем сравнения эффективности двух систем государственной политики в отношении де-юре различных объектов военно-мемориальной памяти, но де-факто однотипных мемориалов с точки зрения политики памяти [см. Приложение 2, 438].

Анализ приложения 2 показывает, что государственные целевые программы разрабатываются только в отношении объектов культурного наследия монументального искусства, которые порой случайно получали такой статус в советское время (в период юбилейных дат). Все остальные военно-мемориальные объекты должны содержаться за счет органов местного самоуправления, которые на эти цели, как правило, не имеют ни кадровой, ни материальной возможности. Единый государственный доклад по закону включает анализ состояния одних могил Героев СССР/РФ (объектов культурного наследия) и совершенно обоснованно не включает другие могилы. Следовательно, определить состояние воинских мемориалов невозможно государственным докладом, поскольку объекты культурного наследия в структуре военно-мемориального наследия занимают небольшой процент. Например, в Оренбургской области их всего 12 % [18].

Также необходимо отметить, что полноценный учет осуществляется в отношении объектов культурного наследия путем регистрации в Едином государственном реестре (главное – их территории должны быть размещены в государственном кадастре недвижимости и информационной системе обеспечения градостроительной деятельности), что касается иных воинских захоронений – то их учет осуществляет Министерство обороны РФ устаревшими учетными карточками. К сожалению, учетные мероприятия юридически не предусмотрены для памятников без праха военнослужащих, которые являются весомым ресурсом патриотического воспитания, поскольку расположены на центральных площадях населенных пунктов (в отличие от могил, находящихся на кладбищах). В муниципальных образованиях проводят учет такого рода объектов, однако утвержденных форм и критериев не имеется. Списки военно-мемориальных объектов ведут,

как правило, органы управления культурой или градостроительством [см. Приложение 2].

Информационные надписи, государственная историко-культурная экспертиза, разработка проектов территории и зон охраны характерны на сегодняшний день для объектов культурного наследия. На иные воинские захоронения данные направления государственной охраны не распространяются [см. Приложение 2].

Серьезные санкции предусмотрены в отношении нарушения режимов использования земель в границах территории объектов культурного наследия монументального искусства. Например, нанесение морального вреда «Вечному огню» (граффити, иные противоправные действия) является основанием для административного штрафа от 15 до 200 тысяч рублей. Уничтожение или повреждение грозит более суровым наказанием – штраф до 3 млн рублей или иная мера в соответствии со статьей 243 Уголовного кодекса РФ (кроме того, придется восстанавливать монумент за свой счет). А что грозит правонарушителю или преступнику за те же деяния в отношении воинских памятников и захоронений, не имеющих статуса объекта культурного наследия – как правило, минимальный штраф до 40 тысяч рублей (ст. 214 УК РФ). За публичное осквернение символов воинской славы России предусмотрен штраф до 300 тысяч рублей или исправительные работы (ст. 354.1 УК РФ). Разные виды ответственности также свидетельствует о неодинаковом отношении государства к военно-мемориальному наследию, о необходимости совершенствования законодательства [см. Приложение 2].

Идеализировать систему государственной охраны объектов культурного наследия все-таки не стоит. Например, реставрация монумента – объекта культурного наследия стоит гораздо дороже, в отличие от ремонта памятника. Но здесь необходимо заметить, что все может быть решено законодателем – ведь типовые обелиски и стелы, которые необходимо менять раз в 20 лет, можно и не включать в предмет государственной охраны, или

предусмотреть специальную норму о замене монумента в особенностях государственной охраны (подчеркнем, если речь идет о массовых типовых сооружениях). Существует, на мой взгляд, и другой выход – развивать реставрационный компонент в строительной отрасли.

Выход в сложившейся ситуации видится в ликвидации двойной системы охраны военно-мемориального наследия России. Учитывая более сильные стороны государственной охраны объектов культурного наследия, а именно – сформированность основных институтов и нормативной правовой базы, что подтверждается материалами приложения 2, целесообразно отдать предпочтение именно данной системе. Наиболее приемлемым вариантом могло бы стать признание государством (путем принятия Федерального закона, указа Президента Российской Федерации) всех воинских захоронений защитников Отечества, иных памятных сооружений объектами культурного наследия местного (муниципального) значения. Наиболее актуально сделать такой шаг в настоящее время или в канун крупной юбилейной даты (в советское время именно в канун крупных юбилеев целые списки объектов монументального искусства без всяких экспертиз становились объектами государственной охраны). Новые воинские захоронения, мемориальные сооружения должны оперативно получать статус объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, находящихся в собственности муниципальных образований.

В данном случае целесообразно установить принцип, который действует по отношению к мемориальным квартирам и домам. В соответствии с пунктом 7 статьи 18 Федерального закона «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» мемориальные квартиры и дома, которые связаны с жизнью и деятельностью выдающихся личностей, имеющих особые заслуги перед Россией, считаются выявленными объектами культурного наследия непосредственно после смерти указанных лиц.

Определение категории местного (муниципального) значения для военных мемориалов позволило бы муниципалитетам миновать процедуру определения категории государственной охраны через государственную историко-культурную экспертизу. Вместе с тем нельзя принижать роль экспертных, исследовательских мероприятий, поскольку они необходимы для уточнения многих важных моментов (например, устранение ошибок и уточнение персональных данных о тех военнослужащих, которым посвящен монумент, сохранение сведений об инициаторах и авторах мемориала, этапах его функционирования и прочих «культурных текстах»).

Данное предложение целесообразно осуществлять с использованием аналогичного опыта в отношении других видов памятников. Например, категория охраны (федеральная) в отношении памятников археологии установлена прямой нормой закона. Так, в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» их отнесли к объектам культурного наследия федерального значения.

В завершение анализа приложения 2 необходимо сказать о том, что современное законодательство поставило в различное положение могилы Героев СССР и России, памятники погибшим в Великой Отечественной войне, монументы павшим солдатам и офицерам в локальных конфликтах [см. Приложение 2]. В общественном сознании все военно-мемориальные объекты имеют особое значение для истории и культуры России. На наш взгляд, необходимо создавать не различные ведомственные перечни памятных сооружений, а единый публичный реестр, обратиться к которому могли бы разные ведомства и любой гражданин мира. Оператором данного реестра целесообразно определить Министерство культуры Российской Федерации.

Исследуя правовые и управленческие проблемы сохранения военно-мемориального наследия, необходимо сказать о том, что данные вопросы

находятся под постоянным вниманием со стороны центральных органов государственной власти. Например, Д.А. Медведев, будучи Президентом Российской Федерации, выступая на заседаниях Российского организационного комитета «Победа», а также в Посланиях Федеральному собранию Российской Федерации неоднократно говорил о том, что «военно-мемориальная работа имеет особое значение, ответственность за это лежит на регионах и органах местного самоуправления» [394]. Во многих выступлениях российских лидеров В. Путина, Д. Медведева указывается на необходимость выстраивания государственной политики в отношении военно-мемориального наследия одновременно на разных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Военно-мемориальная политика в Российской Федерации, на наш взгляд, в настоящее время охватывает все монументальные сооружения. Однако данной сфере, как мы уже писали, не хватает единства. В анализируемых федеральных законах наличествуют:

- 1) объекты культурного наследия (памятники мемориального искусства);
- 2) воинские захоронения;
- 3) монументы и мемориальные сооружения, посвященные погибшим при защите Отечества (без праха погибших);
- 4) памятники Великой Отечественной войны.

Очевидно, что данная ситуация должна привести к выработке единого федерального закона «О военно-мемориальной политике в Российской Федерации», особенно в условиях поиска идеологических векторов развития.

На начало 2012 г. в Оренбургской области насчитывалось 973 памятных места и сооружения, посвященных Великой Отечественной войне [419]. Указанная группа мемориалов составляет 2/3 всех военно-мемориальных сооружений области. Принятая в 2010г. федеральная целевая программа «Сохранность и реконструкция военно-мемориальных объектов в 2011 – 2015 годах» распространялась исключительно на военно-

мемориальные объекты, посвященные погибшим в Великой Отечественной войне и современных локальных конфликтах. Следовательно, памятные места и сооружения, посвященные казачеству, Отечественной войне 1812 г., русско-турецким войнам, Первой мировой войне 1914 – 1918 гг., Гражданской войне 1918 – 1920 гг., погибшим военнослужащим в мирное время, а также все другие воинские монументы, посвященные погибшим, но не содержащие праха павших защитников Отечества, не попадали под действие указанной федеральной целевой программы. В частности, в Оренбургской области таких объектов около 160, или 10 – 12 % всех военно-мемориальных сооружений региона [61]. Реализация федеральной программы натолкнулась на проблемы бесхозного состояния военно-мемориальных сооружений, а также финансово не обеспечивала потребности российских регионов.

Кроме того, существуют злободневные вопросы на региональном, муниципальном и общественном уровнях. Так, федеральным законодательством четко не определена роль государственного органа охраны объектов культурного наследия (госоргана) в сфере сохранения военно-мемориальных сооружений региона. При разработке и принятии документов по сохранению военно-мемориального наследия Оренбургской области, как правило, различные органы исполнительной власти в первую очередь обращаются в госорган, компетенция которого распространяется исключительно на объекты культурного наследия [346, 348]. В частности, Инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области приходится периодически координировать работу и решать вопросы по сохранению монументов, де-юре не относящихся к объектам культурного наследия. Необходимо отметить, что среди оренбургских объектов культурного наследия насчитывается 181 объект культурного наследия монументального искусства.

Нерешенным остается вопрос отсутствия собственников и балансодержателей военно-мемориальных сооружений. Многие памятники,

установленные в 1950 – 1980-х гг. и построенные за счет средств предприятий, в уставной капитал при приватизации не вошли и в установленном порядке не были переданы муниципальным образованиям. Работа по определению собственников мемориалов началась в 2009 г., в канун 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Однако финансовые трудности, правовой нигилизм, нежелание муниципальных властей что-либо делать в данной сфере в неюбилейные годы тормозят эту работу.

Активным участником военно-мемориальной политики должны быть и общественные институты, а именно шефские организации. Сегодня данная работа в основном проводится силами общеобразовательных школ. Многие предприятия и учреждения остаются в стороне, хотя могли бы внести существенный вклад. Советский опыт шефских организаций в настоящее время мог бы оказать позитивное влияние на вопросы обеспечения сохранности военно-мемориального наследия.

На основании вышеизложенного целесообразно сделать вывод о разрозненности действий различных уровней власти и общества по формированию политики сохранения военно-мемориальных сооружений.

Далее обратимся к анализу конкретного законодательства о военно-мемориальном наследии через призму правоприменительной практики [346, 348, 351, 356]. Рассмотрим Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». В соответствии с ним к формам увековечения памяти погибших относится сохранение и благоустройство воинских захоронений, установка стел, обелисков, увековечивающих память погибших (в том числе без праха военнослужащих), занесение фамилий погибших в Книги Памяти, создание мемориальных музеев (статья 2). Ответственность за содержание мест захоронения, оборудование и оформление могил и кладбищ погибших при защите Отечества возлагается на органы местного самоуправления (статья 4).

Воинские захоронения подлежат государственному учету. На территории Российской Федерации их учет ведется местными органами власти и управления. На каждое воинское захоронение устанавливается мемориальный знак и составляется паспорт (статья 5). Однако не конкретизировано – должны ли муниципальные власти вести учет памятных сооружений без праха военнослужащих. Косвенный ответ на этот вопрос находим в статье 7 закона, в которой написано, что «пришедшие в негодность воинские захоронения, мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память погибших, подлежат восстановлению органами местного самоуправления» [351]. Следовательно, монументы без праха военнослужащих подлежат и учету муниципальной властью.

Проекты планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, строительных объектов разрабатываются с учетом необходимости обеспечения сохранности воинских захоронений. Предприятия, организации, учреждения и граждане несут ответственность за сохранность воинских захоронений, находящихся на землях, предоставленных им в пользование. Сохранность воинских захоронений обеспечивается органами местного самоуправления (статья 6). Органы местного самоуправления осуществляют мероприятия по содержанию в порядке и благоустройству военно-мемориальных объектов, а также работы по реализации межправительственных соглашений по уходу за захоронениями иностранных военнослужащих (статья 11). Расходы на проведение мероприятий, связанных с увековечением, могут осуществляться за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в соответствии с компетенцией органов государственной власти и органов местного самоуправления, установленной законом, а также добровольных взносов и пожертвований.

Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» дает определение термину «памятники Великой Отечественной войны». В статье 5 закона указано, что к

памятникам Великой Отечественной войны относятся скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны (очевидно, к ним относятся и мемориальные доски). В соответствии с законом федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны.

Сохранение и реставрация памятников Великой Отечественной войны обеспечиваются выделением средств из бюджетов субъектов Российской Федерации – на памятники регионального значения и местных бюджетов – на памятники местного значения, а также пожертвованиями физических и юридических лиц. И здесь возникает справедливый вопрос: данная норма закона является основанием для выделения средств на объекты культурного наследия или на любые другие скульптурные сооружения, посвященные событиям 1941 – 1945 гг. (не объекты культурного наследия)?

Несомненный научный интерес представляют Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» и Закон Оренбургской области «Об объектах культурного наследия в Оренбургской области». В Оренбуржье на сегодняшний день насчитывается около 3 тысяч объектов культурного наследия. Следовательно, памятники истории и культуры монументального искусства составляют 6,8 % от всего культурного наследия региона. Их государственной охраной и учетом занимается Инспекция государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.

Если выделить мемориальную составляющую в федеральном законе, то к объектам культурного наследия относятся объекты недвижимого имущества, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, искусства, социальной культуры. Объекты культурного наследия включают следующие виды: памятники

(мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; военные объекты науки и техники); ансамбли (некрополи); достопримечательные места (памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историческими (в том числе военными) событиями). К полномочиям органов местного самоуправления относятся сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в их собственности. В соответствии с нормами областного закона источниками финансирования мероприятий по сохранению объектов культурного наследия являются: федеральный бюджет; областной бюджет; внебюджетные поступления; местные бюджеты.

Таким образом, при анализе осуществления культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия России выявлен ряд проблем:

- 1) Государственной политике в данной сфере не хватает системности.
- 2) Нормативные правовые акты устарели и не учитывают современных реалий и роли военно-мемориальной среды для современного общества.
- 3) В России существует узковедомственная направленность, которая препятствует развитию государственной политики сохранения всего комплекса военно-мемориального наследия. Так, Министерство обороны России сосредоточено на воинских захоронениях (объектах с прахом военнослужащих), а Министерство культуры России – на объектах культурного наследия (то есть на объектах, имеющих данный правовой статус). Государственной политике не хватает единообразия, объединения сил всех федеральных ведомств, региональных администраций и органов местного самоуправления под четким руководством Министерства культуры Российской Федерации.
- 4) Поручения Президента Российской Федерации последнего десятилетия не приводят к должному эффекту, что, с одной стороны, свидетельствует о наличии проблем в функционировании правовых и

управленческих механизмов делегирования полномочий, а, с другой, о необходимости глубоких и комплексных исследований в данной сфере.

5) Бесхозное положение мемориалов и, как следствие, невозможность оказать воздействие на руководителей муниципального уровня в целях приведения монументов в надлежащий вид.

б) Отсутствие в данной сфере юридических полномочий на региональном уровне. Локальные шаги (например, открытие парков Славы, ремонт монументов к юбилеям) не могут обеспечить долгосрочных, системных и эффективных мер в сфере сохранения мемориалов.

Что касается законодательства в сфере охраны объектов военно-мемориального наследия, то и здесь можно выделить целый ряд достаточно серьезных проблем:

а) государственный учет проводится путем составления различных реестров и списков;

б) не проводится паспортизация памятных сооружений без праха военнослужащих;

в) не установлен единый порядок государственной охраны военно-мемориального наследия;

г) существует различная административная и уголовная ответственность за противоправные посягательства в отношении разных типов памятных сооружений;

д) в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях ежегодно не актуализируется информация о техническом состоянии военно-мемориального наследия.

Наиболее эффективным шагом преодоления указанных проблем должна стать полная интеграция всего комплекса военно-мемориального наследия в структуру объектов культурного наследия (в том числе муниципального значения с последующим включением их в состав муниципального имущества) и систем его сохранения, курируемых Министерством культуры. Эта мера позволит распространить на объекты

военно-мемориального наследия соответствующее законодательство об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации; обеспечить в отношении военно-мемориального наследия использование апробированных инструментов учета, сохранения и государственной охраны (единый государственный реестр, ежегодный государственный доклад и пр.).

На наш взгляд, объекты военно-мемориального наследия должны юридически получить статус «объектов культурного наследия местного (муниципального) значения», что позволит: распространить на них соответствующее законодательство об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации; обеспечить в отношении военно-мемориального наследия использование апробированных инструментов учета, сохранения и государственной охраны (единый государственный реестр, ежегодный государственный доклад и пр.).

В ходе проведенной комплексной диагностики современной российской культурной политики в сфере управления (регулирования, охраны и пр.) военно-мемориальным наследием, мы сформулировали ряд более частных, но оттого не менее важных предложений, которые могут позволить в перспективе добиться совершенствования практики управления и законодательного регулирования в сфере сохранения военно-мемориального наследия:

а) создание унифицированных, единообразных «карт памяти» в различных регионах;

б) проведение паспортизации памятных сооружений без праха военнослужащих;

в) установление единого порядка государственной охраны военно-мемориального наследия;

г) совершенствование административной и уголовной ответственности за противоправные посягательства в отношении разных типов памятных сооружений;

д) ежегодная актуализация информации на федеральном и региональном уровнях о техническом состоянии военно-мемориального наследия.

Таким образом, изучение актуального российского опыта институционального регулирования сферы культурного наследия в целом и военно-мемориальным наследием в частности, диагностика специфики принятия управленческих решений в данной области акторами различных уровней позволили сформулировать ряд предложений, направленных на оптимизацию (обеспечение системности и единообразия) деятельности по регулированию военно-мемориальным наследием в современной России:

1) обеспечение системности и универсальности управления военно-мемориальным наследием, отказ от практики одновременного сосуществования двух управленческих субъектов в данной сфере (Министерства обороны и Министерства культуры), приводящей к финансовой, правовой, управленческой дезорганизованности;

2) децентрализация юридических и управленческих решений (активизация деятельности российских регионов, локальных субъектов российской культурной политики, в вопросах нормативно-правового, финансового, хозяйственно-организационного, проектно-событийного регулирования сферы военно-мемориального наследия);

3) демократизация процессов управления российским военно-мемориальным наследием, приобщение к данной сфере различных негосударственных и внеинституциональных субъектов (например, волонтерских, краеведческих, общественных, поисковых и иных организаций), организация общественной экспертизы в вопросах учета, диагностики и контроля объектов военно-мемориального наследия;

4) обеспечение мобильности и проницаемости успешных практик военно-мемориальной деятельности как по горизонтали (от одного региона к другому), так и по вертикали (от Министерства обороны и Министерства культуры на уровень региональной мемориально-охранительной работы);

5) обновление нормативно-правовой базы регулирования сферы военно-мемориального наследия;

6) интеграция военно-мемориального наследия в комплекс объектов культурного наследия в целях повышения эффективности его управлением;

7) создание Единого реестра (базы данных) объектов военно-мемориального наследия, необходимого для принятия системных, прозрачных и предсказуемых по своим последствиям управленческих решений;

8) внедрение теоретико-методологической и исследовательско-прикладной поддержки решений, принимаемых субъектами культурной политики в сфере военно-мемориального наследия.

3.2. Диагностика военно-мемориального наследия как актуальная задача культурной политики: методико-инструментальные основания

В настоящем параграфе диссертационного труда автором поставлены прикладные задачи, а именно – проанализировать опыт системного и комплексного исследования военно-мемориального наследия российского региона, выявить специфику интерпретации полученных количественных и качественных показателей, обоснования выводов, необходимых для совершенствования государственной культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия. Экспериментальной площадкой для изучения военно-мемориального наследия выступала Оренбургская область.

Говоря о том, почему основой для регионального исследования выступает Оренбургская область, отметим следующие важные факторы:

1. Исторический фактор. Особый исторический путь региона заключается в том, что его население принимало участие фактически во всех военных конфликтах за последние 300 лет, что не могло не оставить след в военно-мемориальном наследии. Так, Оренбург осаждался, но не был покорен войсками Е. Пугачева (Крестьянская война 1773 – 1775 гг.), выступал плацдармом для освоения государств Средней Азии в XIX веке. Оренбургское и Уральское казачество принимало участие в военных конфликтах XVIII – начала XX века, а в заграничных походах 1813 – 1814 гг. участвовало во взятии Берлина и Парижа. На территории Оренбургской губернии разворачивались кровопролитные события Гражданской войны 1918 – 1920 гг. В годы Великой Отечественной войны из Чкаловской (Оренбургской) области на фронт ушли 411 тысяч солдат и офицеров, а сам регион активно принимал раненых и эвакуированное население. На современном этапе оренбуржцы продолжают защищать Родину в ходе борьбы с международным терроризмом (война в Сирии).

2. Геополитический фактор. Особенности геополитического положения Оренбургского края связаны с его приграничным статусом. По замыслу Петра Великого новый регион на юго-востоке империи (возникшая позже Оренбургская губерния) должен был стать «окном в Азию» [489]. Губерния была обширнейшим степным регионом Российской империи и включала не только территории (уезды) современных Самарской, Челябинской, Курганской, Свердловской областей, Пермского края, Республик Татарстан, Башкортостан, но и значительную часть Северного Казахстана. После распада СССР Оренбургская область оказалась вновь приграничным регионом, военно-мемориальное наследие которой, как часть общей с Республиками Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан военной истории, играет существенную связующую роль и служит инструментом в выстраивании добрососедских отношений.

3. Политико-идеологический фактор связан с необходимостью противодействия фальсификации отечественной и региональной истории, распространении объективной исторической информации в сопредельные государства. Эти задачи в основном возложены именно на приграничные регионы, в том числе на Оренбургскую область. Решать данные задачи невозможно, не имея серьезных институциональных ресурсов, в том числе и не имея понимания количественного и качественного состояния военно-мемориальной среды (то есть невозможно говорить о сохранении общего исторического пространства, если приграничные регионы не решают проблемы и не сохраняют собственные объекты военно-мемориального наследия).

4. Государственно-политический фактор заключается в том, что на период начала XXI века ни один объект военно-мемориального наследия в Оренбургской области не был включен в реестры государственного или муниципального имущества, то есть военные мемориалы находились в бесхозном состоянии, что угрожало их физической утратой, поскольку не обеспечивались их сохранение и государственная охрана. Отметим, что

данная проблема была характерна и для других регионов Российской Федерации, но в Оренбуржье она проявлялась наиболее остро, поскольку многие руководители городов и районов области осознанно, зная юридическую сторону проблемы, отказывались заниматься вопросами поддержания в достойном состоянии объектов военно-мемориального наследия.

5. Исследовательский, или научный, фактор. Суть его заключается в том, что на территории Оренбургской области военно-мемориальное наследие комплексно не подвергалось научному анализу со стороны ученых гуманитарного профиля, поскольку существуют объективные сложности для проведения таких исследований (минимальное количество архивных источников; фрагментарность, разрозненность и рассредоточенность имеющихся источников; значительные временные затраты на систематизацию сведений о военно-мемориальном наследии).

Следовательно, проблема сохранения военно-мемориального наследия особенно остра именно в Оренбургской области. Соответственно, решение данной государственной задачи требует комплексного глубокого исследования объектов военно-мемориального наследия региона.

Среди наиболее острых проблем, сложившихся в данном регионе в сфере сохранения военно-мемориального наследия, можно отметить проблему отсутствия системы его учета.

Органы исполнительной и муниципальной власти Оренбургской области в советский и постсоветский период вплоть до 2009 года не предпринимали серьезных попыток систематизировать военно-мемориальные объекты. Однако необходимо отметить, что данная проблема была характерна для многих российских регионов. Например, в Приволжском федеральном округе в феврале 2009 г. было учтено немногим более 5 тысяч, а по данным на декабрь 2009 г. – более 15 тысяч памятных мест и сооружений [23]. Но и к последнему показателю необходимо относиться критически, поскольку он формировался под влиянием

поручений Президента России о подготовке к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, на основании реестров муниципального имущества в условиях бесхозного состояния подавляющего числа воинских захоронений, братских могил и иных памятников.

Анализ профессионального опыта (прежде всего автора диссертационного исследования) в сфере каталогизации и учета региональных объектов военно-мемориального наследия позволяет говорить о нескольких направлениях, в рамках которых возможно решение обозначенной проблемы.

Такие направления представлены в формате кластеров (под кластером в данном контексте понимается совокупность однородных элементов, которая может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенным набором свойств и параметров). Разработанная автором диссертации методика выявления, систематизации и учета объектов военно-мемориального наследия может быть названа «методикой кластерной диагностики военно-мемориального наследия».

Кластерный анализ (термин введен математиком Р. Трионом) в целом и по отношению к сфере военно-мемориального наследия в частности, выполняет задачи «сбора данных, содержащих информацию о выборке объектов, и затем упорядочивания объектов в сравнительно однородные группы» [504].

Нами было выделено четыре крупных кластера, каждый из которых фиксирует механизм получения и специфику обработки информации об объектах военно-мемориального наследия:

1. Поисковый (выявление объектов военно-мемориального наследия);
2. Картографический (паспортизация объектов военно-мемориального наследия);
3. Интеграционный (систематизация и каталогизация объектов военно-мемориального наследия, создание информационной базы);
4. Аналитический (теоретический анализ полученных результатов).

Дадим каждому из них более подробную характеристику. Аналитический кластер, как итоговый инструмент научной методики, позволит представить количественно-качественную картину военно-мемориального наследия российского региона.

Основным механизмом выявления объектов военно-мемориального наследия являются научные командировки и поисковые экспедиции.

Паспортизация объектов военно-мемориального наследия основывалась на разработанной технологической карте. Основой выступили критерии паспортов, которые фиксировались еще в советские времена на памятники истории и культуры. Однако необходимо отметить, что военно-мемориальные сооружения в советские годы паспортизации, аналогичную памятникам архитектуры, на территории Оренбургской области не проходили.

Единственной справочной работой, заслуживающей внимания, можно назвать список памятников истории и культуры, изданный в 1987 г. [463]. В указанном справочном пособии, помимо памятников архитектуры и археологии, перечислены с указанием наименований и населенных пунктов 727 сооружений, посвященных Гражданской и Великой Отечественной войнам. Иных адресных сведений в данном справочном издании не имеется. Вместе с тем взятый за основу паспорт на военно-мемориальное сооружение предусматривал и дополнительный перечень критериев, поскольку в советские времена не учитывались, например, вопросы собственности и балансодержателей.

Были определены следующие структурно-содержательные единицы паспорта.

1. Наименование памятного сооружения.

В традиции наименования военно-мемориального сооружения присутствуют три составляющие: тип сооружения (мемориальный комплекс, памятник, обелиск, стела), кому посвящено сооружение (выдающимся полководцам, павшим солдатам и офицерам, землякам) и военный период, в

ходе которого произошел подвиг, участие в событии (в годы Гражданской войны, Великой Отечественной войны, войны в Афганистане).

Исследование наименований объектов военно-мемориального наследия позволяет получить следующие эмпирические сведения, а именно:

а) выяснить соответствие названий реальному типу того или иного сооружения, учесть ошибки при составлении или совершенствовании технической документации (например, в названии употребляется слово «памятник», а тип сооружения реально относится к обелиску или мемориальному комплексу);

б) выявить группы военнослужащих, память которых увековечивается (погибшие на фронтах, умершие в тылу, ветераны, военнослужащие, погибшие в мирное время и т.д.);

в) продемонстрировать степень представленности объектов в связи с тем или иным вооруженным конфликтом.

2. Типологическая принадлежность памятного места или сооружения.

В продолжение ранее высказанной мысли хотелось бы отметить выявленный факт явного несоответствия между наименованиями мемориальных сооружений и их типом. Во многом это связано с укоренившейся в управленческом составе еще с советских времен ошибочной практикой все называть памятником. То есть термин «памятник» имел и продолжает иметь обобщающее значение. Несмотря на это, многочисленные бюсты, обелиски, стелы и даже мемориальные комплексы по-прежнему продолжают называть памятниками.

Вместе с тем, данное предположение явно нуждается в проверке и подтверждении в цифрах для понимания масштаба выявленной проблемы. Учет типологической принадлежности потребовал описания и типологического определения военно-мемориальных сооружений, составления и анализа двух различных классификаций военно-мемориального наследия: по материалам имеющейся технической документации, составленной в разные годы XX – начала XXI в., и по

материалам авторских изысканий, описаний увиденных образцов монументального искусства в ходе многочисленных поездок по территории Оренбургской области в 2008 – 2020 гг., их сопоставлением с реальным типом монументального сооружения. В рамках исследования проведена сравнительная характеристика классификаций военно-мемориального наследия.

3. Датировка памятного места или сооружения (или дата исторического события, с которым связано возникновение военно-мемориального объекта).

Научный анализ времени появления, создания и последующего развития объектов военно-мемориального наследия позволил выявить специфические стадии их функционирования, военно-мемориальной среды в целом. Необходимо отметить, что в ходе исследования учитывались как моменты появления объекта, так и иные более поздние события: увековечение объекта, перемещение, утрата, восстановление и другие. Обобщение полученного материала, в свою очередь, позволило составить диаграмму функционирования военно-мемориального наследия российского региона, получить конкретные историко-культурные выводы.

4. Адрес, местонахождение памятного места, сооружения.

В ходе научной работы учитывалось наименование муниципального образования, на территории которого расположен объект, его почтовый адрес, установленный местными властями (при наличии). Необходимо отметить, что проблема утраты воинских захоронений, монументальных объектов связана с отсутствием точных сведений о расположении памятных сооружений. Указание лишь только на населенный пункт не дает возможности точно определить расположение объекта при его исследовании, восстановлении.

Например, министерством культуры и внешних связей Оренбургской области в период с 30 мая по 3 июня 2016 г. было проверено 10 сельских советов Первомайского района Оренбургской области на предмет соблюдения действующего законодательства об объектах культурного

наследия в отношении 16 объектов культурного наследия – братских могил и воинских захоронений. Почти все проверенные объекты культурного наследия находились в хорошем техническом состоянии, их территории и постаменты благоустроены, ограждения окрашены.

Вместе с тем установлено, что 2 объекта утрачены. Объекты культурного наследия регионального значения «Братская могила 2 красноармейцев Домашинского полка, погибших в 1918 г. в боях за Грязный Умет», «Могила чекиста Хайнала С.С.», в отношении которых ранее проводились учетные мероприятия, не выявлены на территории соответственно кладбища поселка Большой Зайкин и территории поселка Соболево [20].

Кроме того, отметим, что негативную роль играет и исчезновение кладбищ XX столетия, сельских населенных пунктов, проведение капитальных ремонтов фасадов многоквартирных домов и прочие анализируемые в работе факторы. Обобщение материалов по месторасположению военно-мемориального наследия позволило проанализировать его представленность в разных частях региона.

5. Исторические сведения.

Сбор исторических фактов о появлении и последующем использовании военно-мемориальных объектов предпринят впервые и ранее не проводился, за исключением локальных мероприятий музейщиков и библиотекарей, работников сферы культуры и образования, военных комиссариатов. В ходе исследования анализу были подвергнуты сведения об авторах, скульпторах, архитекторах, строителях, заказчиках, истории создания и развития памятных мест и сооружений, о защитниках, в память которых установлены памятные сооружения.

Научный интерес представляют разнообразные сведения, поскольку мемориалы в память о погибших защитниках Отечества, военных событиях ставятся навечно, но подвержены перестройкам и утратам. В условиях развития градостроительной ситуации или с учетом субъективных факторов

перемещение и восстановление военно-мемориальных объектов являются важными историческими стадиями, через которые проходят многие монументы.

Например, в г. Орске Оренбургской области по просьбе вдовы Героя Советского Союза Андреева А. М. и в соответствии с распоряжением администрации города Орска Оренбургской области от 15 сентября 1998 года «О перезахоронении могилы Героя Советского Союза» прах военнослужащего Андреева А.М. в 1998 году был перенесен из сада имени Малишевского г. Орска на кладбище Первомайское г. Орска (сектор № 10). Принятие аналогичных документов без положительного решения Минкультуры России в настоящее время может расцениваться правоохранительными органами как административное (ст. 7.13 КоАП РФ) или уголовное (ст. 243 УК РФ) правонарушение. Отметим, что, в соответствии с пунктами 5.13 и 10.7 Положения о Министерстве культуры Российской Федерации, решение о перемещении объектов культурного наследия принимает Министерство культуры Российской Федерации.

6. Описание памятного места или сооружения.

При описании монументальных сооружений автор обращал внимание на составные части, основные особенности композиционного и колористического решения, тексты, материал, технику исполнения, размеры; общую оценку общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника. Важно было учесть весь перечень составных частей для отражения масштабности хозяйственной деятельности, направленной на полноценное включение разных частей монументального сооружения в перечни муниципального (или иного) имущества, определения балансодержателей, ремонтно-восстановительную деятельность. Натурное обследование мемориала является необходимым мероприятием, поскольку позволяет провести фотофиксацию памятника и необходимые замеры.

В периодических изданиях и книгах отсутствует информация о технических характеристиках, размерах, деталях памятных сооружений.

Например, в советской периодической печати подробно освещали митинги и торжественные шествия в ущерб истории и технической характеристике мемориальных сооружений.

В связи с данным обстоятельством необходимо скрупулезно фиксировать все данные о новых мемориальных объектах, присутствовать на их открытии, уточнять детали с авторами идей и исполнителями. Необходимо отметить, что на подавляющее число военно-мемориальных сооружений, в особенности построенных в 1960 – начале 1990-х гг., отсутствует техническая документация. Многих очевидцев строительства монументов уже нет в живых. Основная исследовательская работа разворачивалась вокруг данных памятных мест.

7. Техническое состояние памятных сооружений.

Анализ технического состояния позволяет понять перечень необходимых мероприятий для восстановления и поддержания в надлежащем техническом состоянии регионального военно-мемориального наследия. Учету подлежат характеристики общего состояния цоколя, постамента, скульптуры, грунта, красочного слоя и другие. Исследование технического состояния также позволяет определить реальное (а не декларируемое) отношение общества и государства к военно-мемориальному наследию.

Мониторинговые мероприятия в региональном формате проводятся накануне крупных юбилейных дат (годовщин Побед в Отечественной войне 1812 г. (2012), Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. (2010, 2015), дней воинской славы России. Их итогом становятся меры о проведении мероприятий по капитальному и текущему (косметическому) ремонту (при необходимости) и благоустройству территории военно-мемориальных сооружений. При проведении мониторинга определяются ответственные должностные лица за качество данных мероприятий в лице глав городских округов и муниципальных районов области, заместителей глав –

руководителей аппаратов, заместителей глав по социальной работе. Кроме того, привлекаются общественные объединения.

Вместе с тем необходимо отдельно отметить, что к мониторингу технического состояния также привлекаются профессиональные организации и предприятия, осуществляющие деятельность в сфере инвентаризации и оценки недвижимости, поскольку их работа необходима для последующей регистрации (уточнения) права муниципальной собственности на памятные сооружения, воинские захоронения, земельные участки, расположенные под монументами.

Проводя параллели между учетными мероприятиями, осуществляемыми специалистами государственной и муниципальной власти, учреждений культуры и искусства (работниками сферы культуры, охраны объектов культурного наследия, музеев, библиотек и прочими) и сотрудниками государственного технического учета, необходимо отметить по объективным причинам (наличие профессиональных компетенций) более качественную работу последних в направлении определения достоверного технического состояния памятных сооружений.

8. Система охраны памятного места или сооружения.

В настоящее время система охраны различных образцов военно-мемориального наследия не является единой, носит сложный многоплановый характер, зависит от наличия (или отсутствия праха военнослужащих). В связи с этим, целесообразно отражать при паспортизации или составлении анкет на мемориалы, в какую категорию охраны включен тот или иной военно-мемориальный объект или под какое охранное законодательство подпадает по своим характеристикам: воинское захоронение, памятник или другое мемориальное сооружение и объект, увековечивающий память погибших при защите Отечества, памятник Великой Отечественной войны, объект культурного наследия, иная система охраны.

Необходимо отметить, что военно-мемориальный объект может подпадать под несколько систем охраны. Например, мемориал «Вечный

огонь» в г. Оренбурге подпадает под все перечисленные категории, являясь одновременно воинским захоронением (возведен на месте братских могил умерших в госпиталях), памятником Великой Отечественной войны, объектом культурного наследия регионального значения, мемориалом «Вечный огонь». Данное обстоятельство необходимо учитывать при проведении научно-исследовательских и мониторинговых мероприятий.

9. Характер современного использования памятного сооружения.

Для трансляции памяти, патриотического воспитания должна осуществляться постоянная регулярная работа по проведению культурно-просветительских, мемориальных и иных мероприятий с использованием инфраструктуры военно-мемориальной среды российских регионов. В данном пункте учитывалось культурно-просветительное, туристско-экскурсионное, мемориальное назначение военно-мемориального наследия, наличие предприятий, школ или иных учреждений, шефских организаций которые используют памятное место.

При анализе полученных материалов важность представляли сведения о привязке к конкретным организациям в целях получения объективных данных об использовании (не использовании) военно-мемориальных объектов для целей патриотического воспитания населения, популяризации военно-исторических сведений, подтвержденные конкретной организационно-распорядительной документацией.

10. Собственник военно-мемориального объекта, земельного участка под территорией объекта военно-мемориального наследия.

Наличие зарегистрированного права собственности на военно-мемориальный объект – важное условие обеспечения сохранности монумента на перспективу, устранения рисков утраты бесхозного памятного места. Выявление данной информации позволило сформировать общую картину включения военно-мемориального наследия в перечни муниципального, регионального или частного имущества и соответственно выработать практику взаимодействия с муниципальными образованияами по включению

в муниципальную собственность бесхозных военно-мемориальных объектов и земельных участков под ними.

В случае отсутствия государственной регистрации права на воинское захоронение, решения суда о признании права собственности, на наш взгляд, органы государственной власти Оренбургской области должны руководствоваться статьями 6, 7, 10, 11 Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», в соответствии с которыми орган местного самоуправления обязан оформить в собственность мемориальное сооружение.

11. Балансодержатель военно-мемориального объекта.

Необходимо отметить, что мало оформить военно-мемориальный объект в собственность, за ним необходимо закрепить конкретную организацию (учреждение жилищно-коммунального хозяйства, сельский совет, учреждение образования, культуры, социальной сферы и другие) для поддержания сооружения в надлежащем состоянии. Поэтому данный показатель в паспорте был выделен отдельно. Вместе с тем отметим важность баланса для мемориальных досок, которые фиксируют памятное место в населенном пункте, но отдельным объектом недвижимости не являются.

12. Источники и объемы финансирования мероприятий на ремонтно-восстановительные работы и благоустройство территории монументальных сооружений.

Исследование вопросов финансового обеспечения инфраструктуры военно-мемориальной среды позволяет понять механизмы использования бюджетных и внебюджетных ресурсов при проведении капитальных, текущих, косметических ремонтов, замены сооружений и их реновации, благоустройства территории, степень участия регионального и муниципальных бюджетов в восстановительных мероприятиях в отношении военно-мемориального наследия, зависимости данного участия от имущественного состояния мемориальных комплексов.

13. Фотографическое изображение военно-мемориального объекта.

Фотофиксацию объектов памяти необходимо проводить в дневное время. Фотографии монументов должны отражать общий вид объекта и его детали, давать возможность охарактеризовать современное состояние памятных мест и сооружений. Фотофиксация мемориалов, с учетом их удаленности и большого количества, является важным направлением мониторинговых мероприятий, в целом позволяет составить объективную картину их технического состояния. Значительная часть рабочих фотографий автора опубликована в научно-справочном издании [156].

14. Основная библиография, архивные источники, иконографический материал, периодическая печать, воспоминания очевидцев, иные опубликованные и неопубликованные источники.

Данный показатель важен для проведения комплексного и системного изучения научного труда. Автором получен и исследован комплекс источников, необходимых для изучения сферы сохранения военно-мемориального наследия, основной массив которых обнаружен в районных и городских администрациях, сельских советах, муниципальных библиотеках, музеях и архивах, общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования, местных газетах, общественных организациях. В частности, проанализированы архивные источники (16 фондов 3 государственных архивов); периодическая печать Оренбургской области (4 областные и 56 районных газет); неопубликованные и опубликованные воспоминания, частная переписка; неопубликованные материалы текущего делопроизводства федеральных, региональных и местных органов управления (с конца 1980-х гг. до 2018 года включительно); законодательный материал, нормативные правовые и организационно-распорядительные акты; брошюры, буклеты и памятки, издаваемые библиотечными и музейными учреждениями (за период 1999–2018 гг.); интернет-ресурсы органов власти, общественных институций и пр.

Практическая сложность реализации задачи паспортизации объектов военно-мемориального наследия заключалась не только в большом количестве памятных мест и сооружений, но и в отсутствии архивных сведений и библиографической литературы, на которые можно было бы опереться в начале исследования.

Следующим после паспортизации этапом учета объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области стало создание соответствующей информационной базы. Для создания электронного ресурса научная группа в течение двух лет совершила серию командировок в города и села Оренбуржья с целью сбора теоретических материалов, фотофиксации памятников и памятных мест.

Результатом научно-исследовательской работы стало создание систематизированного электронного ресурса, в котором представлены справочные материалы и история возведения 959 памятных сооружений Оренбургской области, посвященных Великой Отечественной войне.

Весь ресурс в виде реестра поделен на три составляющие:

- первая часть включает данные о наименовании памятника, его местонахождении, дате открытия и типологической принадлежности;
- во второй части можно узнать об авторах идеи, скульпторах и организациях, причастных к созданию мемориала, его собственниках и балансодержателях;
- в третьем разделе описаны составные части и иные внешние характеристики и особенности памятного сооружения.

При формировании реестра использовались такие документы, как паспорта, анкеты, учетные карточки и материалы областных и местных музеев, архивов, библиотек, воспоминания очевидцев [380]. Создание подобной информационной базы позволило опровергнуть утверждение официальных властей о том, что на территории области расположено 756 памятных мест и сооружений, и дало возможность учесть почти 200

мемориалов, возведенных в Оренбуржье в постсоветский период, уточнить даты открытия многих памятных сооружений.

Информационная база стала инструментом учета памятных мест и сооружений Оренбургской области, посвященных Великой Отечественной войне (все материалы переданы для работы в государственный орган охраны объектов культурного наследия), оценки состояния и паспортизации всех памятных мест, а также создания региональной части Всероссийского реестра памятных мест и сооружений, посвященного российской военной истории.

В рамках этапа теоретизации была обновлена классификация мемориальных сооружений Великой Отечественной войны: вместо привычного деления на памятники, мемориальные комплексы, аллеи героев, памятные знаки (такая классификация характерна для стандартных паспортов памятников 1980-х гг.) все мемориалы области разделены на следующие виды: мемориальный комплекс, мемориал, парк славы, аллея славы, аллея героев, дом памяти, часовня, памятник, бюст, барельеф, горельеф, рельеф, стела, обелиск, братская могила, воинское захоронение, мемориальная доска, памятное место, памятный знак (указатель).

Однако вышеуказанная научно-исследовательская работа выявила явную узость при исследовании военно-мемориальных объектов, ориентированность исключительно на объекты памяти, посвященные Великой Отечественной войне. Ее продолжением стала работа над научно-справочным изданием, посвященным всему комплексу военно-мемориального наследия российского региона – Оренбургской области, и проходившая в период 2010 – 2015 гг.

Таким образом, в настоящем параграфе были отражены и проанализированы методико-инструментальные основы изучения военно-мемориального наследия российского региона на примере Оренбургской области, была представлена методика кластерной диагностики,

подразумевающая кластерный подход к процессу учета объектов военно-мемориального наследия.

Кроме того, были выявлены следующие проблемы в сфере военно-мемориального наследия региона:

1) практически полное отсутствие интереса соответствующих специалистов к проблемам выявления и сохранения исторических сведений о создании и развитии объектов монументального военно-мемориального наследия (в настоящее время подавляющая часть источников содержит общие сведения и фотографический материал);

2) отсутствие точного, юридически установленного адреса (почтовый адрес, местоположение, координаты), приводящего к утрате военно-мемориальных объектов и, следовательно, невозможности их паспортизации и изучения;

3) военно-мемориальный объект может подпадать под несколько систем государственной охраны, входить в разные списки и перечни, что целесообразно учитывать при изыскании;

4) невозможность учета собственников мемориальных досок (табличек, указателей) в силу отсутствия у них статуса «объект недвижимости».

3.3. Региональный опыт реализации культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия (на примере Оренбургской области)

В настоящее время в Оренбургской области формируется традиция сохранения памяти и о разных военно-исторических событиях в истории края, ориентация исследовательского интереса к дореволюционной истории, появление новых объектов, сохраняющих память о борьбе с современными угрозами, в частности международным терроризмом. Если в предыдущем параграфе была описана методика систематизации и учета объектов военно-мемориального наследия, то в настоящем параграфе мы обратимся непосредственно к результатам ее апробации и специфике использования этих результатов в сфере культурной политики. Конкретные данные лучше и красноречивее всего говорят о состоянии военно-мемориального наследия, позволяют вывить социокультурные тренды, почувствовать симптомы культурного развития, спрогнозировать возможные сценарии сохранения военно-мемориального наследия в ближайшие десятилетия.

Количественные параметры военно-мемориального наследия Оренбургской области можно конкретизировать следующим образом.

1.Общечисленные параметры объектов военно-мемориального наследия в Оренбургской области.

Так, в таблице 1 приложения 3 продемонстрировано несколько показателей, а именно общее количество объектов культурного наследия и объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области, поскольку в отношении указанных групп объектов материального культурного наследия в настоящее время принято различное законодательство. Подавляющее большинство объектов военно-мемориального наследия не является объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, культурную политику в отношении которых осуществляет Министерство культуры Российской Федерации.

Соответственно, комплекс мероприятий относительно военно-мемориальных объектов со стороны государства и общества обнажает проблему, суть которой сводится к наличию избыточных по численности и часто несогласованно действующих структур. Это существенно осложняет реализацию управленческих решений в сфере сохранения военно-мемориального наследия и снижает общую эффективность культурной политики в данной сфере.

На территории Оренбургской области под государственной охраной состоит 2941 объект культурного наследия. Подавляющее большинство из них представляют памятники археологии или объекты археологического наследия – 2167 объектов, или 73,7 % от общего количества объектов культурного наследия.

Значительная группа памятников архитектуры и истории в основном компактно расположена в четырех исторических поселениях регионального значения (города Бузулук, Бугуруслан, Оренбург и Орск). Данный показатель составляет 593 объекта, или 20,1 % от общего числа объектов культурного наследия региона.

И только 181 объект, или 6,2 % объектов культурного наследия, отнесен к объектам культурного наследия монументального искусства, к которым (согласно государственной статистике) относят также братские могилы и воинские захоронения времен Гражданской и Великой Отечественной войн (162 объекта из 181).

В конце XX – начале XXI столетия в нашей стране объективно сложилась такая ситуация, при которой внимание со стороны органов охраны объектов культурного наследия Российской Федерации к памятникам военно-мемориального типа распределяется по остаточному принципу. Однако, даже учитывая эти тенденции, довольно сложно поверить в достоверность приведенных данных статистики.

В силу этого автором диссертации был предпринят пересмотр количественных параметров военно-мемориального наследия Оренбургской

области, результатом чего явилось обновление статистических данных. На наш взгляд, общее число объектов военно-мемориального наследия, расположенных на территории Оренбургской области, составляет 1398 единиц.

Необходимо отметить, что пересмотр количественных параметров был также обусловлен противоречивостью сведений органов муниципального самоуправления, учреждений культуры и образования, общественных организаций. Было решено не только провести сверку и обобщить сведения всех перечисленных институций, но и обратить особое внимание на связь с военной историей, значимость для актуальной культуры, наличие праха военнослужащих либо его отсутствие, а не только на правовой статус объектов военно-мемориального наследия.

2. Содержательно-тематические параметры объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области.

Далее обратимся к рассмотрению военно-мемориального наследия Оренбуржья в разрезе военно-исторических событий. Любой российский регион в силу географического положения, векторов исторического развития, ресурсного потенциала и иных причин обладает набором определенных особенностей, которые обуславливают его вовлеченность в том или ином военном конфликте. Исходя из данных таблицы 2 (приложения 3) видно, что военно-мемориальную среду Оренбургской области формируют 1398 объектов памяти.

Монументальных объектов, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., в регионе подавляющее количество, а именно 1038, или 74,2 % от общего числа памятных мест и сооружений региона.

Помимо, этого в Оренбуржье имеется 233 братские могилы и воинских захоронений, мемориальных сооружений, посвященных событиям Гражданской войны (16,7 %), 108 объектов памяти, посвященных погибшим солдатам и офицерам, ветеранам войны в Афганистане 1979 – 1989 гг.,

Чеченской войны 1994 – 1996 гг., других локальных войн и военных конфликтов (7,7 %), а также 19 военно-мемориальных объектов, связанных с военными заслугами оренбургского и уральского казачества, событиями Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. (1,4 %).

Также необходимо обратить внимание еще на один существенный показатель (см. Приложение 3, таблица 2). Если суммировать объекты памяти, посвященные Гражданской, Великой Отечественной войнам и локальным конфликтам, то можно смело утверждать, что памятные места и сооружения советского и постсоветского времени почти полностью формируют военно-мемориальную среду Оренбургской области.

В то же самое время объектов памяти, посвященных победам русского оружия более продолжительного по хронологии дореволюционного периода, фактически не представлено на территории 32 (из 44) районов и городов Оренбургской области (см. Приложение 4). Следовательно, дореволюционная военная история нуждается в увековечении в Оренбургском крае.

3. Типо-видовые параметры объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области.

Обратимся к анализу технической документации и иных источников, которые позволят продемонстрировать военно-мемориальную среду под углом зрения местных властей и специалистов, в разные годы определявших название и тип сооружений, являвшихся проводниками культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия на местах.

При проведении исследовательской работы учитывалось, что порой типологическую принадлежность объектов памяти определяли местные чиновники и управленцы, которые и давали наименование тому или иному мемориалу. Далее представленная классификация играет важность с точки зрения изучения правильности наименования объекта военно-мемориальной

среды, совершенствования данной работы в перспективе. Военно-мемориальное наследие Оренбургской области представлено различными типами сооружений (см. Приложение 5).

Всего было выявлено 38 типов различных военно-мемориальных объектов. Наиболее массово представлены только 12 типов, на которые приходится 1342 объекта, или 96 % всех сооружений и памятных мест.

Исходя из анализа представленной классификации, мемориальную культуру Оренбуржья формируют в основном 4 типа объектов: памятники, обелиски, братские могилы и мемориальные доски (1051 объект, или 75,2 % военно-мемориальных сооружений).

Очевидно, что таблица 3 приложения 3 дает более реалистичную картину о военно-мемориальном наследии Оренбургской области. В частности, наиболее крупным показателем является памятник – 491 объект, что составляет почти треть всей военно-мемориальной среды региона (35,1 %). Правда, необходимо оговорить, что столь высокий показатель не отражает реального числа памятников в Оренбургской области. Причиной тому является вольное (обобщенное) толкование терминов «памятник» и «монумент». Нередко памятником называли и продолжают называть обелиски, стелы, воинские захоронения и иные памятные знаки. Однако к обоснованию данного тезиса мы еще вернемся при проведении сравнительной характеристики с авторской классификацией.

Второй по численности показатель – это общее количество обелисков – 281 объект, или 20,1 %, то есть каждый пятый военно-мемориальный объект на территории региона представляет собой суживающийся кверху столб (обелиск).

Следовательно, анализ представленной классификации дает обширную информацию для характеристики военно-мемориального наследия Оренбургской области, однако сомнения по отношению к показателям, представленным в таблице 3 приложения 3 и ее данным, подтверждает необходимость проверки достоверности сведений путем сравнения с

типологией, составленной автором в результате многолетнего научного изучения военно-мемориальной среды российского региона.

В ходе исследовательской работы автором выявлено 28 типов различных памятных мест и сооружений. Самыми многочисленными в Оренбуржье являются мемориальные комплексы, их число составляет 449, или 32,1 % всего военно-мемориального наследия. То есть каждый третий объект в настоящее время – мемориальный комплекс, или мемориал, состоящий из комплекса сооружений.

На наш взгляд, памятник (или памятный знак), как самостоятельное сооружение, обладает определенной территорией с ограниченным земельным участком (как правило, клумбой). С появлением на территории памятника новых объектов: новых памятников, стен, Вечного огня, плит или тумб с фамилиями погибших, тогда сам объект наследия уже невозможно идентифицировать как исключительно памятник, он трансформируется в иное памятное сооружение – мемориальный комплекс (мемориал), то есть комплекс (от 2-х и более) мемориальных сооружений.

В сельской местности входит в традицию, когда мемориальный комплекс становится средоточием объектов, посвященных нескольким различным событиям (например, Гражданской, Великой Отечественной войнам и войне в Афганистане) (см. Приложение 6).

Исходя из анализа авторской классификации, мемориальную культуру Оренбуржья на современном этапе формируют в основном 5 типов объектов: мемориальные комплексы, братские могилы, мемориальные доски, обелиски и стелы (1060 объектов, или 75,8 %). Сравнивая с официальной классификацией, представленной в приложении 5, мы видим, что памятник, как самостоятельный военно-мемориальный объект, уже не является массовым – в авторской типологии он не входит в пятерку основных типов сооружений. Еще раз подчеркнем, что это связано с развитием его окружения (или территории) и трансформацией в мемориальные комплексы.

В диссертационном исследовании осознанно представлена авторская классификация в противовес классификации, составленной по учетным документам, поскольку в ходе работы необходимо было продемонстрировать существенную трансформацию военно-мемориальной среды за последние десятилетия и отставание властных структур от вопросов обновления документов и учета объектов военно-мемориального наследия, непонимание неизбежности данных изменений. В ходе натуральных обследований военно-мемориального наследия при определении типа объекта приходилось руководствоваться визуальными данными и теоретико-методологической, историко-культурной базой, которая представлена в первых двух главах настоящей диссертационной работы.

В целом отметим, что представленные количественные показатели военно-мемориальных объектов в сопоставлении с общим числом объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), классификация типов сооружений по имеющимся документам учета, авторская классификация, составленная в ходе многолетних визуальных осмотров памятных мест и сооружений, количественные показатели и типология элементов памяти, из которых состоят военно-мемориальные объекты, позволили объективно и полно провести количественное измерение регионального военно-мемориального наследия.

В ходе изучения военно-мемориального наследия Оренбургской области было выявлено 3387 разнообразных «элементов памяти», которые входят в состав 1398 военно-мемориальных объектов, проанализированных ранее (см. Приложение 7, таблицы 1, 2).

Из них наиболее многочисленными являются мемориальные плиты и стелы, которых насчитывается соответственно 712 и 551 элемент (всего 1263 элемента, или 37,3 %). Они изготавливаются из железобетона, являются гораздо более дешевым по сравнению с памятником мемориальным сооружением. Их преимущество также заключается в возможности нанесения значительного количества надписей в сравнении с постаментом

памятника. Зачастую данные сооружения устанавливают рядом с памятником для сохранения фамилий погибших и умерших в послевоенные конфликты. Стелы украшают барельефными сооружениями.

Необходимо сказать, что развитие процессов сохранения военно-мемориального наследия связано с обеспечением единообразия по отношению ко всем объектам наследия, совершенствования учетных процедур. Перспектива культурной политики связана с увековечиванием дореволюционной военной истории, учетом индивидуальных могил ветеранов. Трансформация памятника в мемориальный комплекс, очевидно, приведет к тому, что мемориалы постепенно будут способствовать образованию единой военно-мемориальной среды в России.

Для более глубокого и всестороннего понимания процессов развития и изменений отечественного военно-мемориального наследия в настоящем параграфе также выявлены и проанализированы аспекты качественной трансформации военно-мемориального наследия Оренбургской области.

В ходе изучения проблемы были выявлены основные этапы функционирования памятных мест и сооружений, посвященных военной истории России. Отметим, что последовательность этапов выработана в ходе исследования военно-мемориального наследия Оренбургской области.

1. Мотивационно-обосновывающий этап.

На данном этапе осуществляется поиск и обоснование мотива, причины мемориализации того или иного события или личности в сфере военной истории. Чаще всего таким мотивом мемориализации является подвиг военнослужащего, воинской части, соединения, всего народа или выдающиеся достижения, военная деятельность. Незаурядный поступок, совершенный в трудных условиях, может сохраняться в различных формах культурного наследия.

Необходимо отметить, что чаще всего мемориализуются героические поступки отдельных граждан (подвиги А. Матросова, А. Прохоренко и др.), групповые подвиги (подвиги 28 панфиловцев, 6-й роты ВДВ и другие) и даже

целых народов (подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны), связанные с самопожертвованием.

Одной из важнейших форм сохранения памяти является установка памятного сооружения. Причем масштаб подвига оказывает влияние на величину монумента. Временной период между подвигом и увековечением памяти может быть различным. Например, о многих подвигах периодов Первой мировой или Великой Отечественной войн мы узнаем спустя десятилетия благодаря деятельности специальных поисковых отрядов.

2. Процедурно-мемориальный этап.

Вторым этапом выступает непосредственно сама процедура увековечения памяти о подвиге военнослужащего или воинского соединения. С инициативой увековечения памяти выступают, как правило, государственные либо общественные организации.

Например, инициатива установки памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве принадлежит Российскому военно-историческому обществу [400]. В Оренбургской области после гибели в Сирии в 2016 году старшего лейтенанта Александра Прохоренко, вызвавшего в борьбе с террористами огонь на себя, всего за три года были установлены памятник Герою России, мемориальные доски в местах рождения, учебы и жизни военнослужащего. Инициативы увековечения памяти исходили в основном от региональных властей [62].

В целях сохранения памяти органы государственной власти образуют специальные комиссии (рабочие группы), которым поручается разработка комплекса мер для увековечения. В составы такого рода комиссий включают представителей высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления [62].

Следовательно, увековечение – это межведомственное мероприятие государственной политики, в которое включены федеральные, региональные и местные органы исполнительной власти в рамках имеющихся полномочий.

Важной формой увековечения является создание монументальных объектов как на воинских захоронениях, так и на территории общественных пространств. Самостоятельность этапа увековечения подтверждается тем, что он имеет определенные границы. Его начало, как мы установили, обусловлены инициативой сохранения памяти, а завершение характеризуется официальным открытием мемориала.

3. Эксплуатационно-охранительный этап.

Третьим этапом функционирования памятного сооружения, посвященного защитникам Отечества, выступает сохранение военно-мемориального объекта (в формах консервации, ремонта, реставрации, благоустройства). Говоря о том, что монумент устанавливается навечно, мы можем утверждать, что после официального открытия монумента в его «жизнедеятельности» наступает новый период, связанный с его сохранением и поддержанием в надлежащем состоянии. Данный этап имеет определенное начало, но не имеет определенного завершения.

Под сохранением военно-мемориального наследия понимаются мероприятия, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности памятных сооружений, предусматривающие консервацию (комплекс оперативных мер по защите объекта от быстрого разрушения), ремонт, реставрацию, благоустройство территории памятного места и включающие в себя научно-исследовательские, проектные и производственные мероприятия.

К специфике сохранения военно-мемориального наследия целесообразно отнести и то, что достаточно часто при проведении ремонтов происходит и полная замена обелиска, стелы или иного памятного знака на новые сооружения.

Исследование военно-мемориального наследия Оренбургской области позволило выявить серьезную проблему в вопросе сохранения памятных мест и сооружений. Суть ее заключается в том, что многие монументы и земельные участки под ними не оформляются юридически за собственником.

Из-за отсутствия таковой обязанности у собственника многие, включая и органы местного самоуправления, просто «забывают» о мемориале до очередной памятной даты. Очевидно, что этап сохранения мемориала должен начинаться с государственного технического учета нового бесхозного объекта наследия в качестве объекта недвижимости. Земельный участок также должен межеваться и оформляться в собственность муниципального образования. На этапе увековечения памяти необходимо включать в обязанность органа местного самоуправления в распорядительных документах проведение данных мероприятий.

Необходимо отметить, что в процессе совершенствования законодательства о военно-мемориальном наследии важно предусмотреть обязанность органа местного самоуправления включать в реестры муниципального имущества бесхозные монументы в течение одного года после их официального открытия.

Указанные шаги позволят на законных основаниях предусматривать бюджетные средства на сохранение объектов военно-мемориального наследия. В настоящее время оформление памятных сооружений происходит в судебном порядке путем обращения органов прокуратуры, государственной власти с требованием обязать органы местного самоуправления принять в собственность бесхозные монументы. Если монумент не оформлен юридически как объект недвижимости, то отсутствует и ответственность собственника за его сохранность.

4. Мобилизационный этап.

Одним из специфических этапов для военно-мемориального объекта может стать его перенос (или перемещение) с одного места на другое. Переносу могут быть подвергнуты как объекты культурного наследия, так и иные военно-мемориальные объекты, не имеющие статуса объектов культурного наследия (воинские захоронения, мемориальные сооружения без праха военнослужащих).

Так, в соответствии с пунктами 5.13 и 10.7 Положения о Министерстве культуры Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 590 [452], решения о перемещении объектов культурного наследия принимает Министерство культуры Российской Федерации.

На основании статьи 4 Закона Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [351, с. 2 – 4], перезахоронение останков погибших проводится по решению органов местного самоуправления с обязательным уведомлением родственников погибших, розыск которых осуществляют органы военного управления.

В соответствии со статьей 4.1 Закона Оренбургской области от 6 сентября 2004 года № 1421/223-III-ОЗ «О погребении и похоронном деле на территории Оренбургской области» [533], перезахоронение производится при наличии заключения Госсанэпиднадзора об отсутствии особо опасных инфекционных заболеваний, преимущественно в зимнее время, в светлое время суток, в присутствии представителя специализированной службы по вопросам похоронного дела.

Практика переноса памятных знаков активно используется и с исчезновением населенных пунктов. Так, начиная с 1970-х гг. в связи с миграцией населения в города и исчезновением многих сел, деревень, хуторов принимались многочисленные решения о переносе памятников в близлежащие населенные пункты.

5. Деструктивный этап.

При рассмотрении основных этапов функционирования военно-мемориального наследия необходимо обратить внимание и на специфические этапы. Одним из них является уничтожение военно-мемориального объекта. Уничтожение объекта военно-мемориальной памяти происходит под воздействием нескольких обстоятельств. К таким факторам можно отнести причины проработки исторической памяти в связи со сменой политических

режимов либо противоправные посягательства. Например, в советское время «Ленинский план монументальной пропаганды» привел к исчезновению большинства монументов дореволюционного периода. Среди региональных военно-мемориальных объектов Оренбургской области не выявлено ни одного сооружения, установленного до Первой мировой войны.

В конце XX – XXI столетии также происходит уничтожение монументов как за пределами Российской Федерации (Украина, Польша, Прибалтика), что обусловлено проработкой исторической памяти институтами памяти, так и на территории субъектов Российской Федерации, что вызвано определенными противоправными действиями (уничтожение воинских захоронений на кладбище для строительства недвижимости, утрата мемориальных досок в ходе ремонтов фасадов зданий, бесхозное состояние монументов) в связи с несовершенством законодательства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что «жизнь памятника после смерти», то есть после уничтожения мемориала, продолжается. Утрата физического носителя или праха военнослужащего не означает утраты памяти о подвиге. Память в народе уничтожить невозможно, и рано или поздно наступает период регенерации самого монумента в новом физическом носителе. Ярким примером современности является установка новых монументов в виде крестов или стел в память подвигов дореволюционного периода оренбургского и уральского казачества.

6. Созидательно-восстановительный этап.

После уничтожения рано или поздно наступает этап восстановления, воссоздания военно-мемориального объекта. Примером может служить история восстановления обелиска освобождения от воинского поста в г. Оренбурге.

Памятный обелиск императору Александру I в память освобождения от воинского поста был установлен в 1820-е годы. Объект простоял в городе около 130 лет и в 1953 году был демонтирован в связи с установкой на данном месте памятника В.П. Чкалову. 31 августа 2013 года на Пушкинском

бульваре (Сиреневая аллея) в районе Введенской церкви состоялось открытие воссозданного обелиска императору Александру I. Обелиск воспроизводился по сохранным фотографиям и чертежам [18]. Технологически этап восстановления военно-мемориального объекта схож с этапом увековечения.

Наличие этапности в функционировании военно-мемориальной среды и ранее высказанных выводов подтверждает динамика появления военно-мемориальных объектов в Оренбургском крае. Автором диссертации была составлена диаграмма и установлены следующие специфические особенности создания и бытования объектов военно-мемориального наследия (см. Приложение 8).

1. Хронологический дисбаланс.

Данная особенность подразумевает темпорально непропорциональное распределение объектов военно-мемориального наследия, расположенных на территории Оренбургской области. В частности, можно говорить о минимальном количестве военно-мемориальных объектов, установленных до 1914 года, что наглядно подтверждает последствия реализации «Ленинского плана монументальной пропаганды». Выявленные в Оренбургском крае памятные сооружения, посвященные защитникам Отечества, установлены в последнее столетие, с 1914 года по наши дни. Советскую эпоху пережили всего два сооружения дореволюционного периода – обелиски в форме часовен, посвященные казакам – участникам Первой мировой войны, установленные ориентировочно в период между 1914 и 1918 годами (ныне Илекский район Оренбургской области).

Значительное число военно-мемориальных объектов появилось в годы Гражданской войны. Интересная динамика в строительстве мемориальных сооружений отмечается в 1920 – 1930-е гг. Если после 1923-го по 1930-й г. в регионе ежегодно проводились мемориальные мероприятия и появлялось 1 – 2 сооружения, то в 1930-е гг. таких мероприятий не наблюдалось, мемориалов, возведенных в данное десятилетие, не выявлено. Можно

предположить, что данная тенденция связана с репрессивной политикой государства, когда многие военачальники, военные деятели периода Гражданской войны, как, собственно, и мемориальные мероприятия, связанные с эпохой Гражданской войны, находились под негласным идеологическим запретом.

Следующим активным периодом появления военно-мемориальных объектов является время Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941 – 1945 гг. – 34 объекта, 1945 – 1949 гг. – 8 объектов). В годы войны регион, находившийся в глубоком тылу, активно принимал эвакуированные предприятия, население, раненых бойцов Красной армии.

С 1950 по 1964 год в Оренбуржье было установлено 27 военно-мемориальных объектов, процесс увековечения памяти не носил массового характера. В выявленной динамике установлено, что ежегодно в данный период появлялось от 1 до 6 монументальных объектов (см. Приложение 8).

Период с 1965 по 1991 год характеризуется массовым строительством военно-мемориальных сооружений. Так, в год 20-летия Победы в Великой Отечественной войне было открыто 24 новых объекта. А в целом за весь период до завершения советской эпохи, то есть за 26 лет, было построено и торжественно открыто 715 военно-мемориальных объектов, или 51 % от числа всех учтенных в настоящее время памятных сооружений Оренбуржья. Данная динамика, очевидно, во многом связана с приходом к власти в СССР в 1964 году бывшего фронтовика Л.И. Брежнева (см. Приложение 8).

2. Корреляция мемориальной активности и «мемориально-знаковых дат» (по П. Нора) (юбилеев).

Необходимо отметить, что в динамике строительства военно-мемориальных сооружений региона с 1965 года прослеживается тенденция массового открытия монументов в юбилейные годы (1965 – 24 объекта, 1967 – 74, 1970 – 40, 1975 – 130, 1980 – 25, 1985 – 57, 1990 – 18).

Показатели наглядно демонстрируют, что темы Гражданской и Великой Отечественной войн были в приоритете. В постсоветское время

традиция возведения монументов к юбилеям Великой Отечественной войны продолжилась (1995 – 34 объекта, 2000 – 10, 2005 – 43, 2010 – 61). Тематика Гражданской войны после 1991 года (распада СССР) уходит из мемориальной деятельности и повестки как государственных, так и общественных структур.

Самый высокий показатель строительства объектов памяти зафиксирован в 1975 году, когда было возведено 130 сооружений (9,3 % всех памятных объектов современности, или почти каждый десятый объект). Связано это было с празднованием 30-летия Великой Победы (см. Приложение 8).

3. Доминирование темы Великой Отечественной войны в традиции военной мемориализации.

Анализ приложения 8 позволяет сделать вывод о том, что на протяжении более чем полувека (с 1965 г. до наших дней) идет активное увековечение памяти об участниках Великой Отечественной войны. Вместе с тем отметим, что с 1991 г. в неюбилейные годы показатели строительства мемориалов заметно ниже, чем в аналогичные периоды советской эпохи, что, очевидно, говорит о сформированности мемориальной инфраструктуры, посвященной Великой Отечественной войне.

4. Разнородность субъектов военно-мемориальной активности (инициаторов создания и авторов объектов военно-мемориального наследия).

Отметим, что в сельской местности достаточно часто военно-мемориальные сооружения появлялись по инициативе и на средства местных предприятий и жителей, которые заказывали как дорогостоящие скульптуры воинов, так и создавали монументальные образы из сравнительно дешевых материалов (железобетон, металл).

Например, многие памятные сооружения Абдулинского городского округа были изготовлены на средства колхозов «Победа», «Алга», «Россия», ансамбля ВИА «Зеленые береты». В создании мемориальных объектов принимали участие как профессиональные скульпторы А. М. Логошвили (сс.

Зерикла, Большой Сурмет), А. С. Киреев (сс. Камыш-Садак, Покровка), И. П. Алехин (с. Нижний Курмей), так и местные жители. Например, мемориал в с. Николькино возводила группа местных водителей и кузнец.

В Адамовском районе часто обращались к художественному опыту других российских регионов либо крупных городов Оренбуржья, заказывая памятные сооружения в Московском скульптурно-производственном комбинате, г. Мытищи Московской области (сс. Елизаветинка, Карабутак, Энбекши), г. Ленинграде (с. Аниховка, скульптор Я.А.Имранов), г. Одессе (п. Майский, скульптор О. Костенецкий), мастерских Екатеринбурга (п. Адамовка), ООО «Орск-камень» (с. Андреевка).

Говоря о географии производства памятных сооружений, в ходе исследования удалось установить, что 129 памятников и памятных знаков были выполнены не только в крупных городах – Оренбурге, Орске, Бугуруслане, Бузулуке, Новотроицке Оренбургской области (21 из 129), но и за пределами Оренбуржья, а именно в г. Ленинграде/г. Санкт-Петербурге (39 монументов), гг. Одессе (13), Киеве (2), Житомире (1) Украинской ССР/Республики Украины, г. Москве (6), гг. Мытищах, Балашихе Московской области (4), г. Волгограде (10), г. Тбилиси Грузии (7), г. Самаре (3) и г. Октябрьском Самарской области (1), гг. Уфе (3) и Кумертау (1) Башкирской АССР /Республики Башкортостан, Ростове-на-Дону (3), Челябинске (2), Саратове (2), г. Уральске (2) Казахской ССР/Республики Казахстан, Краснодаре (2), Екатеринбурге (1), Калуге (1), Йошкар-Оле (1), г. Воронеже (1), Владимире (1), г. Твери (1), Республике Белоруссии (1).

Исходя из представленных данных, 9,2 % всех военно-мемориальных объектов, то есть почти каждый десятый монумент изготовлен в крупных городах Советского Союза, Российской Федерации, имеющих крупные художественные школы и традиции. Вместе с тем необходимо отметить, что оренбургские власти и общественные организации, промышленники, аграрии и предприниматели обращаются к опыту других регионов России в основном при производстве наиболее сложных в техническом и эстетическом плане

монументов. Массовое производство всех остальных памятных сооружений происходит на территории Оренбургской области, силами местных проектировщиков, скульпторов, архитекторов, краеведов.

5. Правовая и финансово-хозяйственная неопределенность.

Еще один важнейший аспект темы настоящего исследования, который необходимо осветить в данном параграфе – это финансово-хозяйственные, имущественные и земельные вопросы, которые оказывают непосредственное влияние на состояние военно-мемориального наследия. Одним из важнейших вопросов является сохранение имеющихся военно-мемориальных сооружений, что связано с финансированием ремонтно-восстановительных работ на военно-мемориальных объектах.

В 2010 году на ремонт и реставрацию военно-мемориального наследия было выделено свыше 70 миллионов рублей. В неюбилейные 2011 – 2013 годы на указанные мероприятия выделялось от 10 до 15 миллионов рублей ежегодно. Ситуация осложнена еще и тем, что финансовые затраты на эти цели неравномерно нагружают бюджеты муниципальных образований. Например, в Александровском районе и городе Бузулуке по 40 мемориальных объектов, в то же время в городах Медногорске и Гае по 3 мемориала, Ясненском районе – 7, а в Светлинском – всего 1 памятная стела [22].

Еще одним пока нерешенным вопросом остается вопрос отсутствия собственников памятных мест и сооружений. Проблема заключается в том, что многие памятники, установленные в 1950 – 2000-х гг. и построенные за счет средств предприятий, в уставный капитал при приватизации не вошли и в установленном порядке не были переданы муниципальным образованиям.

Закрепление за памятником собственника или балансодержателя занимает длительное время. Это связано с тем, что на многие мемориальные сооружения отсутствуют правоустанавливающие документы. Муниципальным образованиям для признания права собственности над

памятниками, находящимися на их территории, необходимо в обязательном порядке получить соответствующее судебное решение.

Таким образом, в ходе исследования качественного состояния военно-мемориального наследия Оренбургской области и его трансформации в XX – XXI вв. выявлены шесть этапов функционирования памятных мест и сооружений, посвященных защитникам Отечества:

- мотивационно-обосновывающий;
- процедурно-мемориальный;
- эксплуатационно-охранительный;
- мобилизационный;
- деструктивный;
- созидательно-восстановительный.

К специфике объектов регионального военно-мемориального наследия относятся: хронологический дисбаланс; корреляция мемориальной активности и «мемориально знаковых дат» (юбилеев); доминирование темы Великой Отечественной войны в традиции военной мемориализации; разнородность субъектов военно-мемориальной активности (инициаторов создания и авторов объектов военно-мемориального наследия); правовая и финансово-хозяйственная неопределенность.

Еще одной задачей настоящего параграфа является демонстрация существующих направлений региональной культурной политики в сфере сохранения военно-мемориального наследия в современных условиях.

Основой для научного анализа будет выступать социокультурная ситуация, складывающаяся в Оренбургской области. В первые десятилетия XXI в. в регионе выдвигались идеи нового историко-мемориального парка с установкой монументального памятника победителям в Великой Отечественной войне, создания аллеи Героев СССР/РФ; установки стел городов Трудовой Славы Оренбургской области; организация нового музейного учреждения с размещением областного центра развития

поискового движения; создания памятника «Неизвестному солдату» и прочие.

Вопросы увековечения памяти и в целом военно-мемориальная повестка постоянно присутствуют на региональном и муниципальном уровнях, в деятельности правительства, Законодательного собрания, органов исполнительной власти Оренбургской области, администраций городских округов и муниципальных районов. Вместе с тем значительная часть предложений общественности в последние десятилетия не находит своей поддержки.

Выделим следующие направления региональной культурной политики в области сохранения военно-мемориального наследия.

1. Управленческое направление.

В Оренбургской области на региональном уровне управление процессами сохранения военно-мемориального наследия осуществляет ряд органов власти. Ключевое из них – Правительство Оренбургской области, являющееся высшим исполнительным органом государственной власти Оренбургской области. К основным полномочиям Правительства Оренбургской области в социальной сфере в свете анализируемого вопроса относятся: обеспечение проведения единой государственной политики в сфере обеспечения сохранения объектов культурного наследия, находящихся в собственности Оренбургской области, государственной охраны объектов культурного наследия регионального значения. Следовательно, за региональной администрацией закреплены полномочия только по сохранению объектов культурного наследия, о чем мы ранее писали, а не всего комплекса объектов военно-мемориального наследия.

Отсутствие четко определенных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации создает неблагоприятные условия для принятия региональных программ по увековечению памяти погибших при защите Отечества и объективные трудности во взаимодействии с Министерством обороны России. К решению данного вопроса приступили в

2018 году в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [547].

Вместе с тем отметим, что в отношении группы объектов военно-мемориального наследия, называемой юридически «объектами культурного наследия монументального искусства», в Оренбургской области до 2019 года полномочия были возложены на министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, с 1 января 2019 года – на Инспекцию государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области (ранее управление государственной охраны объектов культурного наследия данного министерства). Спецификой работы ведомств являлось то, что помимо управления «объектами культурного наследия» им поручается (со стороны правительства области) решение проблемных вопросов, связанных со всеми остальными объектами военно-мемориального наследия, так сказать «в дополнительную нагрузку», без конкретных юридических полномочий.

Следовательно, развитие регионального уровня и системы сохранения военно-мемориального наследия видится в следующих мероприятиях:

- 1) в комплексном сотрудничестве органов исполнительной и законодательной власти с органами муниципального самоуправления и общественными организациями;
- 2) в наделении четкими полномочиями всех участников данного процесса;
- 3) в определении конкретного ответственного органа исполнительной власти в регионах за данное направление работы;
- 4) в дальнейшей активизации практики управления данным видом наследия;
- 5) в переходе от локального к системному управлению военно-мемориальным наследием.

На муниципальном уровне вопросы сохранения памятных сооружений курируют главы городов и районов субъектов Российской Федерации,

руководители аппаратов глав муниципальных районов и городских округов (ответственные за взаимодействие с сельскими администрациями и органами военного управления), заместители глав по социальной политике, руководители отделов и управлений культуры (местных органов управления культурой), а также главы сельских советов. Отметим, что в процессе сохранения военно-мемориального наследия также задействованы специалисты в сферах управления финансами, имуществом, архитектуры и градостроительства.

Вопросы сохранения военно-мемориального наследия решаются при фактической необходимости, в условиях наличия политической воли и соответствующего финансирования. Бездействие муниципальной власти преодолевается путем привлечения к вопросам сохранения монументов правоохранительных, судебных и общественных структур.

В ходе исследования выявлены три существенные особенности муниципального управления военно-мемориальным наследием:

– во-первых, к основным полномочиям муниципалитетов отнесены вопросы содержания, благоустройства, восстановления пришедших в негодность объектов военно-мемориальной памяти, создание резерва для новых воинских захоронений и другие;

– во-вторых, в действующем законодательстве сделан упор именно на обеспечение сохранения военно-мемориальной среды. Продуманного комплексного долгосрочного плана мероприятий, который бы включал иные аспекты учета, охраны, использования и популяризации имеющихся объектов и формирования новых монументов, на муниципальном уровне не имеется;

– в-третьих, на муниципальном уровне управление и культурой в целом, и охраной памятников истории и культуры, как правило, осуществляет единый орган власти – орган управления культурой (в отличие от регионального уровня управления).

Самостоятельных органов управления военно-мемориальным наследием на региональном и муниципальном уровнях не установлено, однако вопросы управления военно-мемориальным наследием, как правило, курируют органы управления культурой.

2. Нормативно-правовое направление.

В рамках работы над исследованием был выявлен интересный законодательный опыт в России на региональном уровне, связанный с увековечением памяти погибших при защите Отечества. Суть его заключается в том, что некоторые субъекты Российской Федерации, несмотря на отсутствие полномочий в Законе Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», приняли в период с 1999 по 2012 год собственные региональные законы, направленные на юридическое оформление и сопровождение мероприятий по сохранению военно-мемориального наследия, увековечению памяти, регулированию поисковой деятельности.

Такие законодательные акты выявлены в Краснодарском крае, Волгоградской, Брянской, Сахалинской, Орловской, Ростовской областях, Республиках Башкортостан и Дагестан [337, 338, 339, 340, 350, 353, 354, 355]. Необходимость принятия региональных законопроектов продиктована наличием региональной специфики, связанной с тем, что военная история каждого российского региона отличается своеобразием.

Вместе с тем отметим, что многие региональные законодательные собрания не предпринимают аналогичных шагов по указанной выше причине – отсутствия полномочий у региональных законодателей. Например, в Оренбургской области такого рода закон не принят именно по указанной причине.

Автором диссертационного исследования еще в 2015 году был разработан законопроект «Об увековечении на территории Оренбургской области памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных

конфликтов» [20]. При разработке законопроекта также было предложено учесть региональную специфику (см. Приложение 9), а именно:

а) большая часть воинских захоронений (с прахом военнослужащих) исторически связана с Гражданской войной, проходившей на территории Оренбуржья;

б) почти 1000 мемориальных сооружений без праха военнослужащих посвящены Великой Отечественной войне, несмотря на то, что регион являлся тыловым;

в) без внимания остается военная история Оренбургского края досоветского периода (вклад казачества в освоение края, участие в Отечественной войне 1812 г., русско-турецких войнах XIX в., покорение Средней Азии, участие в Первой мировой войне) и другие.

Отметим, что пока законопроект остается не востребовавшимся в связи с отсутствием у региональных властей необходимых полномочий.

Новаторским предложением в проекте закона можно считать введение в государственном архивном учреждении специального фонда «Военно-мемориальное наследие Оренбургской области», который позволит в перспективе обеспечить комплексное изучение данного феномена во времени, сохранит память о каждом объекте, а также сделает государственную культурную политику в этой сфере более открытой и эффективной (см. Приложение 9). Аналогичные специальные архивные фонды необходимы всем российским регионам для сохранения анализируемых «культурных текстов».

В условиях отсутствия полномочий правовой основой для мероприятий по сохранению и государственной охране военно-мемориального наследия в первые десятилетия XXI века выступали поручения Президента Российской Федерации и базировавшиеся на их основе поручения региональных правительств.

Например, в Оренбургской области трижды (в 2013, 2015 и в 2019 гг.) за последние десять лет направлялись поручения правительства области в

адрес органов местного самоуправления, касающиеся оформления имущества, обеспечения государственной охраны и сохранения военно-мемориального наследия.

Так, в апреле 2013 года Правительство Оренбургской области направило поручение органам местного самоуправления, указав, что в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 21 ноября 2012 года № Пр-3131 при подготовке плана основных мероприятий по празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. (то есть к 2015 году) необходимо принять меры по приведению в порядок мест воинских захоронений и мемориальных комплексов. Правительство Оренбургской области поручило в срок до 1 июня 2013 года обеспечить оформление в муниципальную собственность мемориальных сооружений (объектов недвижимости), земельных участков под ними, а также размещение сведений о мемориальных сооружениях, земельных участках под ними и территориях мемориалов в Государственном кадастре недвижимости и Информационной системе обеспечения градостроительной деятельности.

В рамках данного поручения был установлен жесткий контроль, а именно необходимость проведения указанных работ путем предоставления сканированных свидетельств на право собственности на объекты недвижимости и земельные участки; подтверждающие письма на фирменных бланках от органов кадастрового учета и соответствующих муниципальных учреждений о размещении сведений в информационных системах [51]. Данное поручение позволило начать работу по комплексному включению бесхозных монументальных сооружений в реестры муниципального имущества.

В 2015 году было принято еще одно важное поручение Правительства Оренбургской области уже не только главам муниципальных образований, но и одновременно региональному министерству культуры и внешних связей, федеральной службе государственной регистрации, кадастра и

картографии по Оренбургской области, а также Федеральной кадастровой палате Оренбуржья [52].

В частности, главам муниципальных образований области поручалось разработать и реализовать в 2015 – 2017 годах поэтапный план мероприятий, направленный на обеспечение учета, сохранения и государственной охраны объектов культурного наследия монументального искусства, а именно присвоение почтовых адресов бесхозным объектам, проведение работ по регистрации бесхозных объектов в органах Росреестра, обращение в органы суда о признании права муниципальной собственности на бесхозные военно-мемориальные объекты, оформление сооружений и земельных участков под ними в муниципальную собственность, охранных обязательств и договоров, благоустройство надмогильных сооружений, установку информационных надписей и обозначений.

Контролировать исполнение поручения поручили министерству культуры и внешних связей области (региональный орган управления культурой). Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии по Оренбургской области и его филиалу – Федеральной кадастровой палате рекомендовали обеспечить консультационное сопровождение. Данное поручение оказало результативное воздействие на продолжение работы по сохранению военно-мемориального наследия, но и выявило ряд проблем, а именно бездействие некоторых местных властей, отсутствие финансирования на мероприятия по сохранению памятников.

3. Контрольно-мониторинговое направление.

Контроль за выполнением поручений Президента России и регионального правительства осуществлялся в форме ежегодного выездного комиссионного мониторинга, в рамках которого проверялось как оформление технической документации на военно-мемориальные объекты, так и техническое состояние памятных мест и сооружений.

В частности, во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 6 октября 2014 года министерством культуры и внешних

связей Оренбургской области в конце 2014 г. – начале 2015 г. проведен комплексный мониторинг военно-мемориальных сооружений. При проведении мониторинга министерство руководствовалось пунктом 1.5. протокола заседания Российского организационного комитета «Победа» от 30 октября 2014 года № 37, в соответствии с которым требования Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» распространяются на все воинские захоронения и военно-мемориальные сооружения без ограничения временных рамок.

Итоги мониторинга показали, что в Оренбургской области в 2014–2015 гг. проведен капитальный ремонт 66 военно-мемориальных объектов и текущий ремонт 588 объектов. Следовательно, за период двух лет отремонтированы 654 объекта на общую сумму более 56 млн рублей (из них более 28 млн рублей – это средства спонсоров, пожертвования граждан, то есть внебюджетные источники). Из 1038 памятных мест и сооружений, посвященных Великой Отечественной войне, были оформлены свидетельства на право собственности на 253 объекта недвижимости, или на 24,4 % от их общего числа (для сравнения: в конце 2013 года данный показатель составлял 12 %). Наблюдался рост показателя за полтора года более чем в 2 раза, однако фактически только каждый четвертый мемориал и только каждый десятый земельный участок под мемориалами были оформлены в муниципальную собственность [20]. Итоги такого рода мониторингов показывают две тенденции:

1) военно-мемориальное наследие на основе указанных поручений медленно включается в финансово-хозяйственную деятельность муниципалитетов;

2) отсутствие четких норм в законодательстве вынуждает управленческий корпус регионального и муниципального уровней привлекать финансирование спонсоров и меценатов на нужды увековечения памяти.

Указанные тенденции взаимосвязаны. Основная причина медленных темпов включения мемориалов в реестры муниципальной собственности – отсутствие финансирования на данную работу. Вместе с тем необходимо отметить существенную роль мониторинговых мероприятий, позволивших за период 2009 – 2019 годов решить в Оренбуржье большую часть проблем сохранения военно-мемориального наследия региона.

В настоящее время общественный контроль за состоянием военно-мемориального наследия осуществляют различные общественные организации и объединения (Общероссийский народный фронт «За Россию», Российское военно-историческое общество, Советы ветеранов войн и военных конфликтов и другие). Как правило, данная деятельность сводится к локальным проверкам по обращениям как отдельных граждан, так и групп лиц, а также информированию о правонарушениях региональных органов власти либо правоохранительных структур.

Нередки случаи, когда органы прокуратуры вынуждены вмешиваться и в судебном порядке понуждать муниципалитеты к сохранению военно-мемориальных объектов. Данное обстоятельство позволяет говорить о необходимости выработки в правовом и управленческом поле иных подходов к делу комплексного сохранения военно-мемориальной среды в муниципальных образованиях.

4. Учетно-диагностическое направление.

Учет военно-мемориального наследия в основном проводится органами управления культурой (управлениями, отделами культуры) путем составления списков в канун праздничных дат. В частности, при обновлении паспортов памятных мест и сооружений в них вносятся данные об изменении технического состояния объекта, появлении новых объектов памяти (например, новых плит с инициалами погибших) на территории мемориального комплекса. Списки памятников составляются на бумажной и электронной основах. Самостоятельных информационных систем военно-мемориального наследия не существует.

Комплексная инвентаризация военно-мемориальной среды проводится крайне редко и поверхностно. Как правило, это случается не чаще одного раза в пять лет. Только с 2009 года началось оформление бесхозных мемориалов путем проведения государственного технического учета, внесения сведений в государственный кадастр недвижимости и включения в информационные системы обеспечения градостроительной деятельности.

С активизацией государственного технического учета в 2009 году многие мемориалы, которые находились за пределами населенных пунктов (например, братские могилы, одиночные захоронения в лесных массивах), получили точные адреса и координаты, что позволило обратить внимание местных властей на фактическое отсутствие качественного государственного учета, на их неудовлетворительное техническое состояние.

Например, объект культурного наследия регионального значения «Могила командира партизанского отряда Рыжаева Михаила Антоновича, расстрелянного белоказаками (1888 – 1918 гг.)» в период инвентаризации специалисты администрации города Бузулука искали в течение всего 2013 года. Как оказалось, адрес объекта «городское кладбище г. Бузулука» оказался далеко не верным. Объект выявили по материалам муниципального архива по иному адресу: Бузулукский район, с. Новоалександровка, 3,5 километра от г. Бузулука, с правой стороны от чугунного моста на железнодорожной ветке Самара–Оренбург, в роще за рекой Бузулуком [59]. И это не единичный случай, в основе которого лежит слабый уровень государственного учета военно-мемориального наследия, а фактически его отсутствие в период 1990 – 2000-х годов.

К основной ошибке при проведении инвентаризации необходимо отнести тот фактор, что порой единый мемориальный комплекс оформляется в качестве нескольких памятных мест и сооружений. А при ознакомлении с паспортами мемориалов выявляются многочисленные ошибки при описании художественных особенностей монументов. Данные недостатки говорят о

неподготовленности специалистов муниципальной системы управления к работе с объектами памяти.

Следовательно, важным условием развития системы управления сохранением военно-мемориального наследия на муниципальном уровне является определение порядка государственного учета военных мемориалов, обучение управленцев через образование специальных школ управления сохранением наследия, проведение обучающих мероприятий, формирование методической основы деятельности в сфере сохранения военно-мемориального наследия.

5. Государственно-охранительное направление.

При анализе мероприятий в сфере государственной охраны военно-мемориального наследия необходимо отметить, что данные полномочия в том числе возложены на органы местного самоуправления. Под механизмом государственной охраны памятников понимается комплекс мероприятий в отношении объектов памяти, направленный на пресечение противоправных действий. В настоящее время оформление большинства бесхозных монументов в муниципальную собственность – это важный шаг, который позволит сформировать иную культуру отношения собственника в лице муниципальной власти к дальнейшей реализации всего комплекса мер государственной политики сохранения военно-мемориального наследия.

Необходимо отметить существенную особенность – муниципальная власть, обеспечивая государственную охрану военно-мемориального наследия, включает в реестр муниципального имущества бесхозные монументы под давлением региональной власти, осознавая, что дальнейшая ответственность за сохранение сооружений в первую очередь ложится на муниципальный уровень. Процесс этот во втором десятилетии XXI века происходит достаточно активно, что подтверждают многочисленные данные, выявленные в ведомственном архиве Инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.

Так, решением XXVI заседания Совета депутатов муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк от 20.08.2008 года № 272 в муниципальную собственность городского поселения были приняты 23 объекта недвижимого имущества, относящиеся к военно-мемориальному наследию [21]. В Кваркенском районе в 2011 году находилось 24 памятных сооружения. Собственников у них не было, правоустанавливающие документы отсутствовали. Работа по оформлению монументов в муниципальную собственность началась только после настоятельных рекомендаций со стороны Правительства Оренбургской области [36].

На территории Акбулакского района в 2011 году проводилась работа по оформлению в муниципальную собственность 12 военно-мемориальных сооружений. В отношении 2 объектов велись мероприятия по оформлению памятников в собственность муниципального образования по пути бесхозяйного имущества, то есть в судебном порядке [25]. В Абдулинском районе (ныне Абдулинский городской округ) в период 2010 – 2013 гг. все 38 военно-мемориальных сооружений были оформлены в муниципальную собственность и взяты на баланс сельских поселений [42].

В городе Орске в 2011 году зарегистрировали право муниципальной собственности на 12, в 2013 году – 11 военно-мемориальных объектов. По состоянию на 6 сентября 2013 г. в стадии регистрации находились еще 2 объекта [31]. В городе Оренбурге в 2013 году зарегистрировали право муниципальной собственности на 5 военно-мемориальных объектов [29]. В городе Бугуруслане в 2013 – 2014 гг. приняли в состав муниципальной собственности 10 военно-мемориальных объектов [39].

В материалах текущего делопроизводства министерства культуры и внешних связей Оренбургской области была выявлена служебная записка заместителя министра В.В. Ренева, в которой указывалось, что по состоянию на 23 марта 2011 года оформлены в собственность (либо временно закреплены на праве оперативного управления) муниципальных образований региона 470 мемориальных сооружений из 973. На территории Оренбургской

области в 2010 г. были возведены 14 новых мемориалов в честь погибших защитников Отечества. При выверке данных выяснилось, что районные власти учитывали и те объекты, по которым давались указания на оформление в собственность, однако реальных юридических процедур не проходило[18]. Данное обстоятельство говорит о необходимости введения более действенных механизмов контроля за деятельностью местных органов власти в сфере сохранения военно-мемориального наследия.

Из-за отсутствия системного контроля со стороны государственной власти муниципальные образования, как правило, сообщают о хорошем техническом состоянии мемориалов. Например, в 2011 году администрация г. Новотроицка информировала о том, что «на территории города проведена паспортизация 5 военно-мемориальных сооружений, посвященных Великой Отечественной войне; все объекты находятся в удовлетворительном техническом состоянии» [41]. Однако при проведении мониторинга фактическое состояние сооружений оказалось неудовлетворительным.

Вместе с тем отметим, что данная работа не везде проходит успешно. В частности, администрация Шарлыкского района Оренбургской области в 2009 и 2013 годах уведомляла подотчетные сельские советы о наличии на их территории 36 бесхозных военно-мемориальных сооружений и о необходимости оформления в муниципальную собственность монументов и земельных участков под ними. В материалах переписки с Правительством Оренбургской области администрация района информировала, что сельсоветы указанной работой не занимаются из-за недостаточности финансовых средств для подготовки технической документации [49].

На отсутствие средств в муниципальных образованиях сельских советов на оформление в муниципальную собственность мемориальных сооружений ссылается в переписке с региональными властями и администрация Первомайского района Оренбуржья [46]. В 2011 году на территории Илекского района было выявлено 18 бесхозных военно-мемориальных сооружений [35]. На 2014 год ни один из 38 военно-

мемориальных объектов, расположенных на территории Оренбургского района, не был оформлен в муниципальную или иную собственность [43].

В некоторых муниципальных образованиях при оформлении объектов памяти в качестве объектов недвижимости не проводятся мероприятия по межеванию земельных участков под ними и их оформлению в муниципальную собственность. Где-то это происходит из-за отсутствия финансовых средств, где-то по причине бездействия власти или непонимания значимости и единства данного процесса. Например, власти г. Медногорска в 2013 году уведомили региональное министерство культуры о том, что в состав муниципальной собственности города включены и оформлены в установленном законом порядке 2 военно-мемориальных объекта. Земельные участки под мемориальными комплексами запланировали сформировать и поставить на кадастровый учет в 2014 г. в связи с отсутствием финансовых средств в бюджете на оплату кадастровых услуг [28].

Определенные сложности возникают при оформлении в муниципальную собственность военно-мемориальных объектов, которые невозможно отнести к объектам недвижимости – парк, роща, аллея, организованные или высаженные на земельном участке в память погибших защитников Отечества. Данные объекты являются объектами памяти, и земельный участок необходимо оформлять в муниципальную собственность, иначе объект со временем ждет запустение или уничтожение.

Например, в с. Рудном Тюльганского района при продаже школьного здания новый собственник получил и часть земельного участка, на котором в 1995 году были высажены 53 березы в память земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. В течение 5 лет (2010 – 2015 гг.) районные власти не соглашались вернуть земельный участок в реестр муниципального имущества, считая его частной собственностью. И только в канун 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне участок был отмежеван и присоединен к парку Победы с согласия собственника [44].

Кроме того, необходимо отметить, что основанием для включения бесхозного монумента в собственность муниципального образования становится позиция региональной государственной власти, которую в письменном виде запрашивают местные власти, либо орган управления наследием направляет таковое письмо в адрес главы муниципалитета. Бывают случаи, при которых органы суда запрашивают позицию государственной власти по вопросу о включении памятного места в реестр муниципального имущества.

Данное межведомственное взаимодействие происходит из-за неполноты федерального законодательства, отсутствия прямых императивных норм по данному вопросу. Например, письмом от 24.01.2014 года № 13-11-120 [19] министерства культуры и внешних связей Оренбургской области главе администрации муниципального образования Семеновский сельсовет Пономаревского района Оренбургской области было указано на целесообразность включения обелиска «Павшим в годы Великой Отечественной войны» в с. Семеновка Пономаревского района в реестр муниципальной собственности.

В целом отметим, что по состоянию на 22 января 2015 г. в Оренбургской области насчитывалось 963 памятных места и сооружения, посвященных Великой Отечественной войне. В муниципальной собственности были зарегистрированы 293 военно-мемориальных объекта, то есть за период с 2009 по 2015 год собственника в лице местной администрации приобрели только 30,4 % монументов. Итак, на начало 2015 г. оформлено в собственность 40 объектов культурного наследия монументального искусства из 181, 253 мемориальных сооружения из 963 (посвященных Великой Отечественной войне), 115 земельных участков из 662 учтенных, сведений о наличии мемориалов направлено в Государственный кадастр недвижимости по 220 объектам, в Информационные системы обеспечения градостроительной деятельности – по 67 объектам [20]. Данные показатели свидетельствуют о необходимости

привлечения финансовых средств и ускорения работ по оформлению сооружений в реестр муниципального имущества. При тех же темпах не сложно подсчитать, что потребуется еще не менее десяти лет на проведение данных мероприятий, что является деструктивным фактором в реализации полноценной государственной политики сохранения памятных сооружений и популяризации военной истории, обеспечения их качественной государственной охраны.

6. Ремонтно-восстановительное направление.

Обратимся к опыту управления проведением мероприятий по сохранению военно-мемориального наследия на муниципальном уровне в первые десятилетия XXI столетия, то есть к опыту ремонтно-восстановительных мероприятий. Как правило, ремонтные работы проводятся в канун юбилейных дат, что не позволяет местным властям принимать долгосрочные решения, связанные не только с сохранением, но и с направлением средств муниципального бюджета, внебюджетных поступлений на подготовку технической документации.

О проводимых ремонтных мероприятиях говорят многочисленные письма, выявленные в ведомственном архиве органа управления объектами культурного наследия Оренбургской области. В данном источнике мы также находим подтверждение тому, что все средства направляются на восстановление сооружения (а не на оформление в муниципальную собственность). В частности, в 2011 году в Ташлинском районе на проведение ремонтных работ изыскано и запланировано 166 тысяч рублей [48]. Так, в городе Бугуруслане в 2011 году 3 военно-мемориальных объекта нуждалось в проведении капитального ремонта, однако приступить к нему не могли из-за бесхозного статуса монументов и отсутствия спонсорских средств [40].

В 2012 году администрация Акбулакского района информировала областное министерство культуры о том, что для проведения ремонта 15 военно-мемориальных сооружений требуется 104 тысячи рублей [24].

Отметим важную особенность – часть средств, как правило, привлекается у спонсоров, поскольку бесхозный монумент невозможно отремонтировать за счет средств муниципального бюджета.

В Александровском районе в 2011 году было учтено 72 памятных места и сооружения, на проведение ремонта которых было предусмотрено 157,5 тысячи рублей [26]. В Первомайском районе в 2011 году отремонтировали 16 монументов на сумму 218 тысяч 900 рублей [47]. Согласно информации администрации Гайского района, в 2012 году был проведен косметический ремонт 6 памятных сооружений на сумму 68 тысяч рублей [27]. В 2011 году в Кваркенском и Домбаровском районах провели ремонты 22 и 6 мемориалов соответственно. Отметим, что данные мероприятия проводились при содействии местных жителей, которые собирали средства на приобретение строительных материалов [37, 34].

Администрация Ясненского района в 2011 году провела ремонт 5 памятных мест и сооружений на общую сумму 1 миллион 115 тысяч рублей. Выделение столь значительной суммы было связано с необходимостью проведения капитального ремонта нескольких сооружений и сложностью проводимых работ [50]. В Грачевском районе в этом же году отремонтировали 16 мемориальных объектов на сумму в 118 тысяч рублей [33].

В Октябрьском районе в 2011 году был проведен ремонт 26 памятных сооружений на сумму 254 тысячи рублей (224 тысячи рублей направили на текущий ремонт, 30 тысяч рублей – на капитальный)[45]. В Кувандыкском районе (ныне – городском округе) в 2011 году провели ремонт 16 военно-мемориальных объектов на сумму 151 тысяча рублей [38]. В городе Орске в 2014 году отремонтировали 3 военно-мемориальных объекта за счет средств муниципального бюджета, что свидетельствовало об их включении в состав муниципального имущества [32].

В целом отметим, что системных сведений о финансировании ремонтно-восстановительных мероприятий выявить не удалось, поскольку на

региональном уровне данный мониторинг не проводится. Однако выявленные отрывочные данные за 2008 – 2015 годы позволяют сделать вывод о том, что работы по сохранению военно-мемориального наследия проводятся. Реализация мероприятий осуществляется из разных источников финансирования (муниципальный бюджет, спонсорские средства и стройматериалы, самообложение граждан). Вместе с тем порядок финансового и материально-технического обеспечения мероприятий по сохранению военно-мемориального наследия только формируется.

Ситуация осложнена еще и тем, что финансовые затраты на эти цели неравномерно нагружают бюджеты муниципальных образований. Некоторые из них, на территории которых немного военно-мемориальных объектов, вообще не несут на эти цели никакой финансовой нагрузки, другие же – вследствие значительного количества монументов на своих территориях имеют ограниченные возможности по изысканию денежных средств на их содержание и сохранность. Решение данной проблемы видится в разработке и принятии федеральной и областных целевых и государственных программ, реализация которых позволит обеспечить паспортизацию всех воинских захоронений на территории Российской Федерации, проводить работы по восстановлению и сохранению воинских захоронений и различных видов мемориальных объектов.

7. Культурно-популяризационное направление.

Важными направлениями в деятельности муниципальных органов власти являются обеспечение использования и популяризация военно-мемориального наследия. В большинстве своем монументы используются в культурно-просветительных, памятно-мемориальных, рекреационно-туристских мероприятиях. Однако в городах и районах Оренбургской области существует определенный опыт, который, на наш взгляд, может использоваться повсеместно в Российской Федерации.

Центром по военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи стал Оренбургский выставочный комплекс «Салют, Победа!», созданный к

60-летию Великой Победы, – это своеобразный музей под открытым небом. Научно-художественный проект комплекса был разработан Оренбургским губернаторским историко-краеведческим музеем. Основная цель создания комплекса – изучение военной истории края, развитие системы патриотического воспитания детей и молодежи, формирование чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга в мирное и военное время [139, 161, 360, 398, 530].

Однако необходимо отметить, что основой выставочного комплекса является объект культурного наследия «Памятник-монумент павшим за Советскую Родину в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, 1973 г., бронза, бетон» (ул. Кирова, сад им. Фрунзе). Так вот выставочный комплекс, центром которого является монумент с Вечным огнем, стал местом проведения массовых мероприятий: День Победы, День города, День знаний, дни воинской славы, посвящения в кадеты, курсанты, принятие воинской присяги, вручение золотых и серебряных медалей выпускникам школ. Помимо этого регулярно проводится экскурсионная работа. Ежегодно комплекс посещают свыше 25 тысяч человек. Следовательно, музеефикация военно-мемориальных объектов способствует патриотическому воспитанию населения.

Интересен опыт народного историко-краеведческого музея Новосергиевского района, который совместно с Советом ветеранов при поддержке администрации муниципального образования организовал акцию – маршрут «Победа», проходившую в районе с 2005 по 2019 г. Участники маршрута «Победа» побывали в большинстве сел района, встретились с участниками войны, тружениками тыла, учащимися школ, жителями сел, у памятников и обелисков провели митинги, возложили венки. И все эти мероприятия проходили торжественно, с высоким патриотическим подъемом. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне был опубликован научно-популярный буклет, в котором авторы-составители описали свой опыт, указали на достопримечательные военно-мемориальные

объекты, составили карту маршрута «Победа» [291]. Значение разработанного маршрута «Победа» велико не только для патриотического воспитания школьников, молодежи, всех жителей района. Он вполне может использоваться для мониторинга технического состояния и популяризации районных мемориалов. В целом вовлечение военно-мемориальных объектов в туристическую деятельность способствует развитию культурно-познавательного, сельского, детского и иных видов туризма.

Подводя итоги, отметим, что для сохранения военно-мемориального наследия необходимо объединение усилий государственных и муниципальных властей, ученых-историков, архивистов, библиотекарей, краеведов, общественности. Несомненно, что военно-мемориальные сооружения стали важным культурным институтом и являются одной из основ патриотического воспитания граждан в регионах Российской Федерации. Это подтверждается повышенным вниманием к ним различных государственных, общественно-политических и социальных институтов. Но, в отличие от памятников археологии и архитектуры, они являются более незащищенными.

Таким образом, региональная культурная политика в сфере сохранения военно-мемориального наследия характеризуется в настоящее время следующими направлениями:

- управленческое,
- нормативно-правовое,
- контрольно-мониторинговое,
- учетно-диагностическое,
- государственно-охранительное,
- ремонтно-восстановительное,
- культурно-популяризационное.

Завершая главу, хотелось бы отметить следующее. В условиях отсутствия единого органа управления военно-мемориальным наследием необходимо наращивать межведомственное взаимодействие между

основными структурами, оказывающими влияние на область сохранения объектов военно-мемориального наследия: Министерствами обороны и культуры Российской Федерации, РОК «Победа», Росвоенцентром и РВИО. Государственной политике не хватает единообразия, объединения сил всех федеральных ведомств, региональных администраций и органов местного самоуправления под четким руководством Министерства культуры Российской Федерации.

Кроме того, на основании осуществленного анализа автором диссертации были выработаны следующие рекомендации субъектам региональной культурной политики:

1. Сделать публичным для местных властей весь перечень объектов военно-мемориального наследия, которые необходимо интегрировать в экономику культуры и культурную жизнь региона.

2. Провести первую полную инвентаризацию и учет военно-мемориального наследия Оренбургской области в постсоветский период (после 1991 года), необходимые при формировании эффективных стратегий и программ культурной политики.

3. Использовать уточненный перечень военно-мемориального наследия органами власти, правоохранительными структурами в реализации их более качественной государственной охраны, профилактики противоправных посягательств (например, демонстрировать справочники на суде для подтверждения статуса объектов военно-мемориального наследия в качестве «воинских захоронений», «памятников Великой Отечественной войны», «объектов культурного наследия монументального искусства» для привлечения нарушителей к административной либо уголовной ответственности и др.).

4. Инициировать работу по восстановлению и дальнейшему сохранению (ремонт, реставрации, благоустройству) объектов военно-мемориального наследия, в том числе и оформлению имущественного комплекса и земельного фонда военно-мемориальной среды для дальнейшего

планирования, проектирования, обеспечения культурной жизни государства и общества, то есть реализации культурной политики в регионе.

5. Юридически оформить военно-мемориальные объекты как объекты недвижимости в составе муниципальной собственности, что, в свою очередь, заставило бы местные власти задуматься и работать в части определения направлений их рационального использования и популяризации, закрепления за муниципальными предприятиями, школами, колледжами, иными учреждениями в качестве инструментов патриотического воспитания, историко-культурного просвещения, музеефикации, проведения памятно-мемориальных мероприятий.

6. Преодолеть многолетнюю одновекторность в вопросах сохранения военно-мемориального наследия (повышенное внимание к памятникам Великой Отечественной войны в ущерб объектам военно-мемориального наследия других военных конфликтов).

Заключение

В рамках представленного диссертационного исследования военно-мемориальное наследие интерпретировалось не только как самостоятельный феномен культуры (хотя и этому аспекту проблемы было уделено достаточно внимания в I главе), но и как ресурс современной российской культурной политики. В данном контексте нам представляется значимым обозначить несколько принципиальных, на наш взгляд, позиций. И, прежде всего, ответить на потенциально возможный вопрос о ресурсности военно-мемориального наследия, ее ценностно-нормативных основаниях и границах реализации. Мы полагаем, что ресурсность военно-мемориального наследия проявляется по-разному применительно к различным типам «мемориальных кластеров» (П. Нора).

1. Кластер социальной памяти.

С уходом поколений непосредственных участников той или иной военной компании происходит трансформация самого механизма восприятия событий военной истории – акцент с коммуникативной памяти живых свидетелей событий смещается на культурную память, объективированную в объектах мемориального наследия и коммеморативные практики с ними связанные. В этом контексте военно-мемориальное наследие выступает ресурсом реализации компенсаторной функции культурной политики, направленной на замещение исчезающей живой памяти памятью, воплощенной в материальных носителях – объектах военно-мемориального наследия (то, что П. Нора назвал «местами памяти»).

2. Кластер исторической памяти.

Военно-мемориальное наследие выступает для современного российского общества, государства, отдельных политических институтов и социальных институций ресурсом формирования общенациональной идентичности, основанной на чувствах патриотизма, гордости за великую историю нашей страны, ее героическое военное наследие. Такую стратегию

формирования национальной идеи И. Калинин назвал «ностальгической модернизацией», то есть сочетания ориентации на «внедрение новационных, прогрессивных технологий и общих модернизационных процессов с актуализацией ретроориентированных патриотических настроений» [224].

Многие современные российские исследователи и общественные деятели говорят об особой роли военно-мемориального наследия в обеспечении подобного синтеза – ориентированности в будущее при использовании интеграционного потенциала прошлого. Эта мысль проходила красной нитью в обсуждениях проблем «Русского мира» в рамках работы круглого стола «Русский мир: смыслы и ценности» [425].

Так, например, М. Шевченко высказал тезис о том, что русские – это нация войны, а русская история формировалась, прежде всего вокруг крупных военных кампаний, сражений и побед. Аналогичное можно сказать и в отношении русской культуры: «Весь XIX век русская культура и литература питались памятью о великих войнах начала XIX века. Наполеон, Бородинское сражение. Из одних только «Писем русского офицера» выросло все остальное. Посмотрите на героев русской литературы – как правило, это офицеры или офицеры в отставке, даже Митя Карамазов, и тот офицер...», «военная статья, военный принцип, военная честь оставались важнейшей составляющей русского самосознания на протяжении столетий... Служение, подчинение, свет Полтавской битвы, который и создал из московитов русских, сиял на протяжении столетий» [425, с. 80].

3. Кластер культурной памяти.

Российское военно-мемориальное наследие становится как бы коллекцией условного «музея памяти» мировых и локальных военных конфликтов, а мы все становимся «постоянными посетителями» данного «музейного пространства», в «экспозиционном зале» которого всегда можно увидеть значимые экспонаты Великой Отечественной войны, современных военных конфликтов, а в «запасниках» – монументы прежних исторических эпох).

Отдельно отметим, что в постсоветский период происходит медленное, осмысленное, инициируемое не только «сверху», но и «снизу» государственно-правовое оформление многовековой культурной традиции сохранения конкретно военно-мемориального наследия, что подтверждается наличием, например, отдельной федеральной целевой программы. Сложно отрицать тот факт, что современные милитари-нарративы направлены на сохранение российской цивилизации и продвижение идей «русского мира», на цементирование российской нации перед угрозой нового мирового конфликта по принципу «хочешь мира – готовься к войне». Такой режим геополитического бытования связан с обострением геополитических противоречий и на сегодняшний день является одним из апробированных ресурсов сохранения мира, коллективной безопасности, предупреждения новых мировых военных конфликтов.

Этическое измерение ресурсности военно-мемориального наследия проистекает во многом из набирающих интенсивность процессов пересмотра истории, о вытеснении неудобных коллективных воспоминания (например, о преступлениях нацистов и их пособников). На наш взгляд, разрушение памятников советским военачальникам и воинам в государствах Европы является ни чем иным, как попыткой акторов «проработки прошлого» избавиться от важного «свидетеля». В связи с этим, военно-мемориальное наследие выступает в качестве инструмента визуализации исторических событий и основания коллективной ответственности и перед подвигами прошлых поколений и перед будущим.

Современное российское общество живет в мире, где происходит масштабный «мемориальный поворот» – системная проработка прошлого, попытка интегрировать в едином пространстве национальной идентичности достижения минувших эпох и устремленность вперед, преодолеть противоречия советской эпохи и использовать ее достижения, обеспечить демократизацию историю и не допустить ее искажений. На этом фоне актуальной общественной потребностью россиян становится определение

контуров собственной мемориальной культуры, составной частью и ресурсом которой является военно-мемориальное наследие, достижение общественного консенсуса по вопросу о принципах бережного обращения с исторической памятью.

Комплексное исследование теоретических, исторических и прикладных оснований изучения военно-мемориального наследия позволило разносторонне охарактеризовать его в качестве самостоятельного феномена культуры и ресурса российской культурной политики.

В первые десятилетия XXI века в Российской Федерации сформировалась особая государственная политика, связанная с многовековой монолитной традицией почитания погибших защитников Отечества и направленная на обеспечение сохранения и популяризации военно-мемориального наследия.

Как когда-то внутригосударственные центробежные процессы и внешняя угроза стали важнейшими факторами собирания русских княжеств в единое Русское централизованное государство, так и современные угрозы уничтожения военно-мемориального наследия, как в самой России, так и за рубежом становятся важной предпосылкой системной научно-теоретической концептуализации военно-мемориального наследия, выделения его в качестве самостоятельного объекта исследования среди иных видов культурного наследия, осуществления прикладных исследований, направленных на мониторинг актуального состояния военно-мемориального наследия.

Аналогичные задачи были решены и в рамках представленной диссертационной работы. Наиболее важным, на наш взгляд, стало введение понятия «военно-мемориальное наследие» в риторику культурологического дискурса и его терминологическое оформление.

Так, под военно-мемориальным наследием предлагается понимать совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников) с прахом или без праха военнослужащих, установленных в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры.

Предложенное определение позволяет увидеть структуру военно-мемориального наследия, включающую два основных компонента – материальный (реально-воплощенные архитектурные, скульптурные, погребальные и ландшафтные формы памяти; материальные культурные ценности открытой среды) и символический (память о войне, защитниках Отечества, подвиге народа; традиция почитания погибших солдат и офицеров, ментальное сверхуважительное отношение выживших к павшим в военное время, транслируемое последующим поколениям). При этом последний является доминирующим, поскольку главным в военно-мемориальном наследии выступает не аутентичность составных частей памятника, а символическая память о погибших защитниках Отечества.

Изучение массива разнообразных источников позволило прийти к выводу о том, что эволюция терминологического базиса понятия «военно-мемориальное наследие» прошла путь от терминологической расфокусированности и правового нигилизма в дореволюционную эпоху до терминологической концентрации и правовой интеграции, заключающейся в активном внедрении понятий (так или иначе связанных с военно-мемориальным наследием) в юридическое пространство современного российского законодательства на настоящем этапе развития российского общества. Вместе с тем само понятие «военно-мемориальное наследие» пока не стало частью отечественного правового пространства, что говорит о необходимости его дальнейшей теоретической разработки и юридического освоения.

Важнейшей задачей, решаемой в данной диссертации, было изучение «исторической судьбы» военно-мемориального наследия сначала в целом в

системе государственного управления, а затем и в структуре государственной культурной политики. Эволюция социокультурного статуса военно-мемориального наследия в пространстве российской культуры предстает динамичной сменой трех наиболее крупных этапов (дореволюционного, советского и современного). Детальный анализ каждого из них позволил проследить трансформацию государственной политики в сфере создания и сохранения военно-мемориального наследия: ее ценностных, нормативно-правовых, содержательно-организационных и субъектных оснований.

Общей характеристикой дореволюционного этапа является отсутствие единого законодательства и системы мер по обеспечению сохранности и государственной охраны военно-мемориальных объектов. Дореволюционный период делится на несколько локальных этапов в зависимости от субъекта (инициатора) создания и сохранения военно-мемориального наследия:

1) религиозно-церковный этап (XI – XVII вв.), характеризующийся созданием военно-мемориальных объектов культового назначения по инициативе православной церкви и отсутствием нормативно-правовых оснований процессов мемориализации;

2) религиозно-государственный этап (XVIII – первая половина XIX в.), связанный с интенсификацией мемориальных процессов как светского, так и религиозного характера;

3) государственно-общественный этап (вторая половина XIX – начало XX в.), характеризующийся дальнейшим правовым и институциональным освоением феномена военно-мемориального наследия (например, деятельностью Императорского Русского военно-исторического общества в 1907 – 1917 гг.), интенсификацией проектной мемориальной деятельности со стороны государства и общества.

В государственной политике Советского государства в отношении военно-мемориального наследия можно выделить следующие значимые особенности и тенденции:

1) преобладающая роль государства в решении всех вопросов, связанных с военно-мемориальным наследием, дополняемая ощутимой поддержкой со стороны общественных объединений (ВООПИиК и др.) и частных лиц;

2) идеологическая основа процессов создания и сохранения военно-мемориального наследия, интеграция военно-мемориального наследия в структуру ключевых направлений государственной культурной политики («Ленинский план монументальной пропаганды»);

3) сосуществование двух равно активных тенденций – конструктивно-созидательной, воплощавшейся в активном, массовом, масштабном создании новых объектов военно-мемориального наследия, и деструктивной, заключающейся в целенаправленном или непреднамеренном (посредством отсутствия мер по сохранению и восстановлению) разрушении памятников военно-мемориального наследия;

4) доминирование стандартизации, стереотипизации памятников военно-мемориального наследия, объяснявшихся, во-первых, массовостью и высокой скоростью их создания, во-вторых, низкой художественной квалифицированностью их авторов (инициативы «снизу»), в-третьих, однообразием их символично-смыслового наполнения;

5) секуляризация военно-мемориального наследия, отделение его от идей православия в символическом и от церкви в институциональном планах, физическое уничтожение объектов военно-мемориального наследия культового характера, посвященных победам русского оружия;

6) подавляющее доминирование тем Гражданской и Великой Отечественной войн в практиках мемориализации;

7) преобладание скульптурных военно-мемориальных форм над архитектурными в связи с необходимостью обеспечить дешевизну и массовость их производства.

Специфическими чертами современной российской практики управления и регулирования сферой военно-мемориального наследия являются:

- 1) сохранение преобладающей роли государства в вопросах создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия;
- 2) формирование нормативно-правовой основы процессов создания и сохранения объектов военно-мемориального наследия;
- 3) мемориализация ранее «закрытых» тем при сохраняющемся доминировании тематики Великой Отечественной войны.

Осмысление исторического бэкграунда военно-мемориального наследия выполняет важнейшие прогностические функции, позволяет исследователям выйти на уровень обоснованных предположений о том, каким образом будет развиваться ситуация с военно-мемориальным наследием в нашей стране в ближайшей и отдаленной перспективе.

Нам видится, что такого рода ситуация будет связана с дальнейшим совершенствованием системы управления военно-мемориальным наследием, формированием единого органа власти, отвечающего за сохранение военно-мемориального наследия, выработки полномочий органов государственной власти на региональном уровне; усилением правовой регламентации процессов, направленных на пресечение, предотвращение и профилактику противоправных правонарушений в отношении отечественного военно-мемориального наследия со стороны государств, организаций и физических лиц, как в России, так и за рубежом.

Наследие постсоветского периода, связанное с либерализацией военно-мемориальной тематики, мемориализацией ранее «закрытых» тем (роль церкви в военной истории, Первая мировая война, историческая миссия казачества, война в Афганистане и пр.) при сохраняющемся доминировании тематики Великой Отечественной войны, вряд ли подвергнется корректировке в ближайшие десятилетия. Мемориальная тематика будет

лишь дополняться новыми субъектами, связанными с участием России в борьбе с международным терроризмом (например, война в Сирии).

Осмысление актуального российского опыта институционального регулирования сферы военно-мемориального наследия (диагностика специфики принятия управленческих решений акторами различных уровней) позволило сформулировать ряд условий оптимизации управленческих решений в данной сфере культурной политики.

В частности, нам представляется значимым отказ от практики одновременного сосуществования двух управленческих субъектов (Министерства обороны и Министерства культуры), приводящей к финансовой, правовой, управленческой дезорганизованности. Кроме того, совершенствование культурной политики в сфере регулирования военно-мемориальным наследием невозможно, на наш взгляд, без демократизации этих процессов, без активизации деятельности российских регионов и иных локальных субъектов российской культурной политики, без обеспечения мобильности и проницаемости успешных практик в сфере военно-мемориальной деятельности как по горизонтали (от одного региона к другому), так и по вертикали (от Министерства обороны и Министерства культуры на уровень региональной мемориально-охранительной работы).

Практически во всех структурных единицах работы, анализируя и исторический опыт государственной активности в сфере военно-мемориального наследия, и актуальную ситуацию, мы говорили о необходимости системного обновления нормативно-правовой базы регулирования сферы военно-мемориального наследия, интеграции военно-мемориального наследия в комплекс объектов культурного наследия. Локальными, но не менее созидательными и значимыми мерами совершенствования процессов управления военно-мемориальными наследием могут стать и создание Единого реестра (базы данных) объектов военно-мемориального наследия, необходимого для принятия системных, прозрачных и предсказуемых по своим последствиям управленческих

решений, внедрение теоретико-методологической и исследовательско-прикладной поддержки решений, принимаемых субъектами культурной политики в сфере военно-мемориального наследия.

В рамках реализации последнего аспекта была разработана и апробирована методика выявления, систематизации и учета объектов военно-мемориального наследия («методика кластерной диагностики военно-мемориального наследия»). В ее основе лежат четыре крупных кластера, каждый из которых фиксирует механизм получения и специфику обработки информации об объектах военно-мемориального наследия (поисковый, картографический, интеграционный, аналитический). Данная методика позволяет не только решать научно-исследовательские задачи, но и обеспечить привлечение внимания правоохранительных органов и органов власти к проблемам сохранения военно-мемориальных объектов, включение их в состав реестров муниципального имущества и пр.

Кроме того, реализация методики кластерной диагностики позволила описать процесс функционирования военно-мемориального наследия в рамках шести основных этапов:

- мотивационно-обосновывающего (поиск причины мемориализации);
- процедурно-мемориального (процедура увековечения памяти);
- эксплуатационно-охранительного (ремонт, реставрация, благоустройство территории; пресечение, предупреждение и профилактика противоправных действий (бездействия) в отношении объектов военно-мемориального наследия);
- мобилизационного (перемещение военно-мемориального объекта);
- деструктивного (уничтожение, повреждение объекта либо группы объектов военно-мемориального наследия);
- созидательно-восстановительного (воссоздание объектов).

Осуществленные диагностическо-мониторинговые мероприятия позволили выявить ряд проблем в сфере регионального управления и

сохранения объектов военно-мемориального наследия, основная суть которых сводится:

– во-первых, к низкому уровню интереса соответствующих специалистов к проблемам выявления и сохранения исторических сведений о создании и развитии объектов военно-мемориального наследия;

– во-вторых, к низкому качеству учета объектов военно-мемориального наследия (невозможность установления юридического адреса объекта, контролирующего субъекта, собственника и пр.).

Дальнейшая диагностика региональной ситуации в сфере управления военно-мемориальным наследием на примере Оренбургской области (в частности, таких направлений культурной политики, как регионально-управленческое, нормативно-правовое, контрольно-мониторинговое, учетно-диагностическое, государственно-охранительное, ремонтно-восстановительное, культурно-популяризационное) дала основания говорить о двух важных аспектах.

С одной стороны, о закономерностях развития этой сферы (формирование ансамблевого и интеграционно-синтетического подходов к мемориальным объектам, их полифункционализация, темпорально непропорциональное распределение объектов военно-мемориального наследия, корреляция мемориальной активности и мемориально-знаковых дат, разнородность субъектов военно-мемориальной активности), а, с другой стороны, – выявить направления работы, особенно нуждающиеся в совершенствовании (недостаточная сбалансированность управленческих процессов, отсутствие единой федеральной законодательной базы управления военно-мемориальным наследием, отсутствие эффективного, финансово обеспеченного алгоритма оперативной реализации охранных, земельно-кадастровых мероприятий в сфере военно-мемориального наследия и др.).

В целом повышенный градус внимания общества и экономическая целесообразность диктуют необходимость приведения к единообразию

государственной культурной политики в отношении объектов военно-мемориального наследия. Государство и общество сегодня находятся в поиске философии управления военно-мемориальным наследием в целях выработки правовых решений для его системного и комплексного развития и сохранения для будущих поколений.

Представленная диссертация, безусловно, не может решить столь масштабной задачи, она только намечает пути ее решения и открывает новые горизонты исследований, которые условно можно поделить на три блока: тематический, географический, междисциплинарный.

Тематический вектор перспективных исследований связан с необходимостью более глубокого осмысления в пространстве теории и истории культуры не только мест памяти военно-мемориального характера, но и их «жизнедеятельность» в пространстве различных направлений актуальной культурной политики общества (например, военно-мемориальное наследие в пространстве культурной деятельности, образования, межнациональных отношений, поддержки русского мира и русской культуры в зарубежных странах, международного гуманитарного сотрудничества и деятельности институтов ЮНЕСКО, воспитания и самовоспитания граждан, просветительских проектов, формирования и развития детских и молодежных субкультур, информационного общества).

Системного научного изучения требует и переход от исследования «военно-мемориального наследия» к постижению в целом «военно-мемориальной культуры» (по А. В. Святославскому), теоретических, методологических, исторических аспектов ее бытования; к целостному исследованию всего комплекса «военно-исторического наследия» (взаимосвязи военно-мемориального наследия и культурных ценностей закрытой среды (музейных, библиотечных, архивных артефактов), нематериального военно-исторического наследия).

Востребованность географического вектора исследований военно-мемориального наследия обусловлена малоизученностью военно-

мемориального наследия на региональном уровне. Такая ситуация во многом связана с достаточно низкой эффективностью и интенсивностью исследовательской деятельности научных институтов, школ и отдельных ученых в области сохранения историко-культурного наследия. Вместе с тем нельзя не отметить позитивные изменения в данной сфере.

Так, в 2020 году была принята норма части 3 статьи 67.1 Конституции РФ, которая обозначила государственные приоритеты в области сохранения военно-мемориального наследия: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, не допускает умаления значения подвига народа при защите Отечества». Данное государственное решение (беспрецедентное в своем роде для современной России) может стать основой государственной поддержки исследований военно-мемориального пространства, подготовки новой плеяды ученых – культурологов (теоретиков, консультантов, диагностов, практиков), способных обеспечить управление военно-мемориальным наследием в условиях формирования новой культурной парадигмы с учетом специфики каждого конкретного российского региона.

Помимо этого, отметим, что правовое оформление культурной традиции почитания памяти защитников Отечества в качестве конституционной ценности может привести к ревизии не только регионального опыта изучения военно-мемориального наследия, но и развитию исследовательских практик на международном, федеральном, муниципальном и корпоративном уровнях.

Анализируя перспективы изучения военно-мемориального наследия, необходимо указать на определенный междисциплинарный вызов. Суть его заключается в дефиците глубоких теоретических и прикладных исследований по проблемам сохранения военно-мемориального наследия в гуманитарных науках. Вместе с тем, несомненно, что сохранение материального культурного наследия (в том числе и военно-мемориального наследия как его

составной части) представляет как теоретический, так и прикладной интерес для ученых-гуманитариев.

Например, современная историческая наука пополняется исследованиями по проблемам «исторической политики», «военно-мемориальной работы», «монументальной пропаганды» и др. Интерес к военно-мемориальному наследию проявляют и ученые политологического, социологического, юридического и иных гуманитарных профилей.

Подводя финальные итоги проделанной работы, отметим, что в представленном диссертационном исследовании осуществлена концептуализация военно-мемориального наследия, предложен комплексный анализ историко-культурных условий его бытования, осмыслен и представлен в теоретико-методическом разрезе практический опыт сохранения российского военно-мемориального наследия, обоснован его созидательный потенциал как ресурса российской культурной политики. Кроме того, автором был апробирован опыт комплексной диагностики военно-мемориального наследия, необходимой для включения его в нормативно-проектное пространство современной российской культурной политики и дальнейшего использования его созидательного социокультурного потенциала.

В целом отметим, что современный период общественного развития характеризуется фиксацией определенного коммуникативного перехода памяти о самом масштабном в истории человечества военном конфликте – Великой Отечественной войне, – от живых свидетелей к материальным и нематериальным объектам наследия и памяти. Данный переход случался и ранее в историко-культурном процессе.

Его современный тип, несомненно, отличается масштабностью военного конфликта, культурных «следов» (культурных текстов), оставшихся после войны 1941 – 1945 гг., которые по сути трансформировали, обеспечили военно-мемориальному наследию переход от образцов элитарной культуры к образцам повсеместной, массовой культуры.

Более того, военно-мемориальное наследие стало неразрывной частью жизненного пространства современных россиян. Указанный коммуникативный переход, на наш взгляд, несомненно, станет предметом многих научных исследований в пространстве культурологической науки в ближайшей перспективе, поскольку от качества его научного осмысления зависит и эффективность культурно-политических решений. Исследовательско-экспертная поддержка современных культурологических и иных гуманитарных научных центров и школ позволит обеспечить эффективное ментальное приобщение новых поколений к военно-мемориальной культуре и военно-мемориальному наследию.

Список литературы

Архивные материалы

1. Государственное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (далее ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 38. Д. 377. Л. 163.
2. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 3.
3. ГАРФ. Ф. А-1235. Оп. 45а.
4. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2157. Л. 98.
5. Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (далее ГАОО). Ф. Р. 53. Исполнительный комитет Чкаловского районного Совета депутатов трудящихся (райисполком).
6. ГАОО. Ф. Р. 63. Исполнительный комитет Чкаловского городского Совета депутатов трудящихся (горисполком).
7. ГАОО. Ф. Р. 127. Орская комиссия по постройке памятника-кургана памяти павшим борцам революции в г. Орске, 1919 – 1921 гг.
8. ГАОО. Ф. Р. 1014. Исполнительный комитет Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся (облисполком).
9. ГАОО. Ф. Р. 1581. Отдел по делам искусств Чкаловского облисполкома.
10. ГАОО. Ф. Р. 2568. Управление культуры Оренбургского облисполкома.
11. ГАОО. Ф. Р. 2837. Коллекция документальных материалов участников Гражданской войны в Оренбургском крае.
12. ГАОО. Ф. Р. 2859. Совет Оренбургского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).
13. ГАОО. Ф. СИФ (справочно-информационный фонд, без номера).

14. Государственное бюджетное учреждение «Оренбургский государственный архив социально-политической истории» (далее ОГАСПИ). Ф. 371. Чкаловский областной комитет ВКП (б).

15. ОГАСПИ. Ф. 1697. Чкаловский областной комитет ВЛКСМ.

16. ОГАСПИ. Ф. 6002. Коллекция документов личного происхождения ветеранов войн и труда.

17. ОГАСПИ. Ф. 7931. Коллекция фотодокументов ГБУ «ОГАСПИ».

Ведомственный архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области (с 1 января 2019 года – Инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области):

18. Дело «Великая Отечественная война и иные военно-мемориальные сооружения Оренбургской области, 2011 г.».

19. Дело «Военно-мемориальные сооружения Оренбургской области. Документы по собственности, 2012 – 2013 гг.».

20. Дело «Оформление в собственность мемориалов, посвященных Великой Отечественной войне. Финансирование 2014 – 2015 гг.».

21. Дело «Собственники и балансодержатели памятных мест и сооружений Оренбургской области, посвященных Великой Отечественной войне, 2010 – 2011 гг.».

22. Информация на 19.03.2010 г. по памятным местам и сооружениям Оренбургской области, посвященным Великой Отечественной войне.

23. Информация об итогах работы по подготовке празднования 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. в Приволжском федеральном округе за 2009 г.

24. Письмо администрации Акбулакского района Оренбургской области от 24.02.2012 № 01-13-113.

25. Письмо администрации Акбулакского района Оренбургской области от 14.06.2011 № 01-13-270.

26. Письмо администрации Александровского района Оренбургской области от 24.02.2011 № 186.
27. Письмо администрации Гайского района Оренбургской области от 24.02.2012 № 481.
28. Письмо администрации города Медногорска Оренбургской области от 27.05.2013 № 01-09/1391.
29. Письмо администрации города Оренбурга от 06.06.2013 № 1-2/3134.
30. Письмо администрации города Орска Оренбургской области от 06.09.2013 № 2587/1.
31. Письмо администрации города Орска Оренбургской области от 10.06.2011 № 1567/1.
32. Письмо администрации города Орска Оренбургской области от 17.04.2014 № 1460/6.
33. Письмо администрации Грачевского района Оренбургской области от 24.02.2011 № 01/09-346
34. Письмо администрации Домбаровского района Оренбургской области от 25.02.2011 № 245.
35. Письмо администрации Илекского района Оренбургской области от 15.06.2011 № 2536.
36. Письмо администрации Кваркенского района Оренбургской области от 14.02.2011 № 03-16/195.
37. Письмо администрации Кваркенского района Оренбургской области от 21.02.2011 № 27.
38. Письмо администрации Кувандыкского района Оренбургской области от 21.02.2011 № 16.
39. Письмо администрации муниципального образования город Бугуруслан Оренбургской области от 28.05.2013 № 2121/0326.
40. Письмо администрации муниципального образования город Бугуруслан Оренбургской области от 22.02.2011 № 444/03-26.

41. Письмо администрации муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области от 01.03.2011 № 01/01-10-548.
42. Письмо администрации муниципального образования Абдулинский район Оренбургской области от 28.05.2013 № 03/10/370.
43. Письмо администрации муниципального образования Оренбургский район Оренбургской области от 28.05.2013 № 01-22/2915.
44. Письмо администрации муниципального образования Тюльганский район Оренбургской области от 24.12.2012 № 01-13-2395.
45. Письмо администрации Октябрьского района Оренбургской области от 21.02.2011 № 01-01-09/292.
46. Письмо администрации Первомайского района Оренбургской области от 03.06.2013 № 02-01-08/1455.
47. Письмо администрации Первомайского района Оренбургской области от 24.02.2011 № 02-01-08/401.
48. Письмо администрации Ташлинского района Оренбургской области от 01.03.2011 № 43.
49. Письмо администрации Шарлыкского района Оренбургской области от 06.06.2013 № 843.
50. Письмо администрации Ясененского района Оренбургской области от 22.02.2011 № 01-10/10.
51. Письмо вице-губернатора – заместителя председателя Правительства Оренбургской области по социальной политике П.В. Самсонова в адрес глав муниципальных образований региона от 03.04.2013 № 05/16-228.
52. Письмо вице-губернатора – заместителя председателя Правительства Оренбургской области по социальной политике П.В. Самсонова от 23.06.2015 № 05/16-515.
53. Письмо вице-губернатора – заместителя председателя Правительства Оренбургской области по социальной политике П.В.

Самсонова от 24.04.2015 № 05/16-329 в адрес глав муниципальных районов и городских округов Оренбургской области.

54. Письмо генерального директора ГУП Оренбургской области «Областной центр инвентаризации и оценки недвижимости» А.И. Кудинова руководителям филиалов от 01.04.2010 № б/н.

55. Письмо заместителя директора Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации И.А. Савиной от 01.07.2015 № 2806-12-06 в адрес министра культуры и внешних связей Оренбургской области Е.В. Шевченко.

56. Письмо заместителя министра культуры Российской Федерации Г.У. Пирумова высшим должностным лицам субъекта Российской Федерации от 26.09.2014 № 228-01-39/12-ГП.

57. Письмо Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.О. Рогозина в адрес глав субъектов Российской Федерации от 12.07.2014 № РД-П4-5214.

58. Письмо исполняющего обязанности министра культуры и внешних связей Оренбургской области А.Е. Калинина от 10.05.2016 № 03-22 в адрес заместителя министра культуры РФ Н.А. Малакова на №57-01-39-ГП от 03.03.2015/А53-9/665 от 19.03.2015.

59. Письмо министерства культуры и внешних связей Оренбургской области начальнику управления по культуре, спорту и молодежной политике администрации города Бузулука Оренбургской области от 14.06.2013 № 13-11-1199.

60. Письмо министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области от 26.02.2010 № 29-11-05-6/181 в адрес глав муниципальных образований с поручением губернатора Оренбургской области А.А. Чернышева о проведении инвентаризации и паспортизации, с последующей регистрацией права муниципальной собственности, всех памятных сооружений.

61. Приложение № 5 «Распределение объемов финансирования» федеральной целевой программы «Сохранность и реконструкция военно-мемориальных объектов в 2011 – 2015 гг.».

62. Распоряжение губернатора Оренбургской области от 16.05.2016 № 123-р «Об образовании комиссии по разработке мер по увековечению памяти А.А. Прохоренко в Оренбургской области».

63. Информация на 27.04.2015 г. по памятным местам и сооружениям Оренбургской области, посвященным Великой Отечественной войне.

64. Архив Оренбургского государственного аграрного университета: материалы переписки с муниципальными образованиями по вопросам сохранности памятных мест и сооружений Оренбургской области, посвященных Великой Отечественной войне.

Список литературы

65. Агошков, А.В. Социальная справедливость как ценность культуры / А.В. Агошков. – Москва, 2018. – 262 с.

66. Аделунг, Ф.П. Предложение об учреждении русского национального музея / Ф.П. Аделунг // Сын Отечества. –1817. –Ч. 37. –№ XIV. –С. 63– 65.

67. Адорно, Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно. Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – Москва: Республика, 2000. – 239 с.

68. Адорно, Т. Что означает «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия. Германия. Европа. – Москва, 2005. – С. 65– 67.

69. Алексеев, В.П. Боевые подводные лодки на пьедестале Славы / В.П. Алексеев // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 9. –С. 71 – 74.

70. Алексеев, Е.П. Коммунистическая партия – организатор подготовки научных кадров в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / Е.П. Алексеев. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 144 с.

71. Алимова, Г.С. Эколого-градостроительная охрана памятников Свято-Троицкой Сергиевой лавры и Сергиева Посада / Г.С. Алимова, М.А. Верховская, В.Н. Выборный // Промышленное и гражданское строительство. – 2004. – № 11. – С.29 – 31.
72. Альтов, В.Г. Города Оренбургской области / В. Г. Альтов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1974. – 254 с.
73. Ананьев, В.И. В борьбе рожденное братство / В.И.Ананьев. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 128 с.
74. Ананьев, В.И. Иностранцы Советов в Оренбурге // Блокнот агитатора. Оренбург.– 1972. – № 21. – С. 34 – 43.
75. Ананьев, В.И. Оренбургский военно-революционный комитет / В.И.Ананьев. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1959. – 52 с.
76. Аникин, Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект / Д.А. Аникин // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.7. Философия. – 2012. – № 3 (18). – С. 121–126.
77. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – Москва, 1996. – С. 29.
78. Арнаутова, Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / Ю.А. Арнаутова // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2006. – С. 47 – 55.
79. Архив. История. Современность: сб. науч. тр.– Екатеринбург, Изд-во Урал.ун-та, 2010. –Вып. 11. – С. 193 – 201.
80. Арьес, Ф. Время истории / Ф. Арьес; пер. с франц. и примеч. М. Неклюдовой. – Москва: ОГИ, 2011. – 304 с.
81. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой [Электронный ресурс] / А. Ассман. – Режим доступа: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%A5/hlebnikov-boris-nikolaevich/novoe-nedovoljstvo-memorialnoj-kuljturoj>.

82. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
83. Астафьева, О.Н. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России / О.Н. Астафьева, Г.А.Аванесова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 193 – 201.
84. Астафьева, О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / О.Н. Астафьева, Г.А. Аванесова. 2-е изд., расшир. и дополн. – Москва: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2004. – 424 с.
85. Ашурков, В.Н. На поле Куликовом / В.Н. Ашурков. –Тула, 1976. – С. 77–78.
86. Балакшин, А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: монография / А.С. Балакшин. –Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2004. – 248 с.
87. Балика, З. Великая Отечественная война: пробуждение архетипов/ З. Балика // Клио. –2011. –№ 4 (55). – С. 86 – 88.
88. Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие / Э.А. Баллер; отв. ред. Н.С. Злобин. – Москва: Наука, 1987. – 160 с.
89. Барсенков, А.С. Основные этапы изучения советского общества в исторической науке / А.С. Барсенков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1990. – №2. – С. 17 – 22.
90. Басик, И.И. Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации: история и современность / И.И. Басик // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 11.
91. Батюшков, К.Н. Сочинение / К.Н. Батюшков. – Санкт-Петербург, 1886. – Т. 3. – С. 87.

92. Безверхний, А.З. В едином боевом лагере. Очерк о работе Оренбургской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / А.З. Безверхний. – Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во, 1965. – 86 с.
93. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений/ В.Г. Белинский. – Москва, Ленинград, 1953. – Т.3. – С. 134 – 135.
94. Белицкая, З. Памятники – наше прошлое и будущее / З. Белицкая, Л. Преображенская. – Новотроицк [Б.и.], 1978. – 26 с.
95. Белявский, М.Т. Память нужна живым / М.Т. Белявский // История СССР. –1972. –№ 5 – 6. – С. 173.
96. Беляков, А.П. Историография трудового подвига советского рабочего класса в период Великой Отечественной войны / А.П. Беляков // Некоторые проблемы истории советского общества (историография). – М.: Мысль, 1964. – С. 203 – 216.
97. Бергсон, А. Избранное: Сознание и жизнь / А.Бергсон; [пер. с фр.]. – Москва: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 399 с.
98. Бердяев, Н. Малое собрание сочинений / Н.Бердяев. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 672 с.
99. Бессмертие Севастополя / авт. текста Н.А. Степанович. – Симферополь: Таврия, 1973. – 22 с., ил.
100. Бестужев-Лада, И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества / И.В. Бестужев-Лада. – Москва: Изд-во Наука, 1984. – 271 с.
101. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – Москва: Политиздат, 1990.–413 с.
102. Богатырева, Т.Г. Современная культура и общественное развитие / Т.Г. Богатырева. – Москва: Изд-во РАГС, 2001. – 171 с.
103. Богданов, А.И. Описание Санкт-Петербурга. 1749–1751 / А.И. Богданов. – Санкт-Петербург: Питер, 1997. – С. 308.

104. Богуславский, Г.А. Верным сынам Отчизны. Памятники Великой Отечественной войны / Г.А.Богуславский. – Москва, 1975. – 242 с.
105. Божченко, О.А. Музей в формировании исторической памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03 / Божченко Ольга Александровна; [Место защиты: С.-Петербур. гос. ун-т культуры и искусств]. – Санкт-Петербург, 2012. –С. 3.
106. Боле, Е.Н. Историческое значение поискового движения России / Е.Н. Боле // Военная археология. –2009.– № 1. – С. 12.
107. Болсун, Г. Воспитание памяти: спецкурс «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны» в системе высшей школы Республики Беларусь / Г. Болсун // Беларус. Думка – Беларус. мысль. – Минск, 2010. – № 1. – С. 122 – 147.
108. Болховитинов, Е.А. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / Е.А. Болховитинов. – Москва, 1808.
109. Болховитинов, Е.А. Описание Иоанно-Предтеченского монастыря / В. А. Болховитинов. – Дерпт, 1821.
110. Болховитинов, Е.А. Описание Киево-Софийского собора / Е.А. Болховитинов. – Киев, 1822.
111. Болховитинов, Е.А.Описание Киево-Печерской лавры/ Е.А. Болховитинов. – Киев, 1826.
112. Болховитинов, Е.А.История княжества Псковского/ Е.А. Болховитинов. – Киев, 1831.
113. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд.– Москва: Сов. Энциклопедия, 1969 – 1978.
114. Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. / Гл. ред. С.И. Вавилов, Б.А. Введенский. – 2-е изд. – Москва: Большая Сов. Энциклопедия, 1949–1958.
115. Большая Советская Энциклопедия: в 66 т. / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – 1-е изд. – Москва: Советская Энциклопедия, 1926–1945.

116. Большая Энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний: в 22 т. / Под ред. С.Н.Южакова. – Санкт-Петербург: Тов. Просвещение, 1904 – 1909.
117. Бонч-Бруевич, В. Ленин и культура / В. Бонч-Бруевич // Литературная газета.– 1940. – 21 янв. – С. 2.
118. Бордюгов, Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г.А. Бордюгов. – Москва: АИРО–XXI, 2011. – 25 с.
119. Бордюгов, Г.А. Вчерашнее завтра. Как «национальная история» писалась в СССР и как пишется теперь / Г. Бордюгов, В. Бухараев. – Москва: АИРО–XXI, 2011. – 248 с.
120. Бордюгов, Г.А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти / Г.А. Бордюгов. – Москва: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.
121. Бориснев, С.В. Воспитание патриотизма у военнослужащих Советского государства / С.В. Бориснев // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 4. – С. 47 – 48.
122. Бородинское поле. –1902. –С. 20.
123. Боярский, П.В. Введение в памятниковедение / П.В. Боярский. – Москва, 1990. – С. 38 – 39.
124. Брайчевский, М.Д. Сохранить памятники истории / М.Д. Брайчевский // История СССР. –1966. – № 2. – С.205.
125. Братская могила русских воинов, Шведская могила. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: histpol.plu2/ru/qlavnaya?id=847.
126. Брежнев, Л.И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза / Л.И. Брежнев.– Москва, 1971. – С. 103.
127. Будаев, Д.И. Преобразование села и вопросы памятников / Д.И. Будаев // История СССР. –1980. – №3.– С. 211.
128. Букштынович, А.Г. II съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / А.Г. Букштынович // История СССР. – 1972. – № 6. – С. 220 – 221.

129. Булочникова, В.А. Состояние дела охраны и использования памятников истории и культуры России на современном этапе / В.А. Булочникова, Г.В. Павловская // Кадашевские чтения. – Москва, 2008. – Вып. 2. – С.82–98.

130. Булычева, Л.И. Благотворительность ли... / Л.И. Булычева // Военно-исторический журнал. –1991. –№ 6. – С. 45.

131. Булычева, Л.И. У братских могил нет заплаканных вдов – сюда ходят люди покрепче, На братских могилах не ставят крестов, но разве от этого легче?! / Л.И. Булычева // Военно-исторический журнал. –1993. – № 5. – С. 89 – 90.

132. Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК СССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции. –1927.– №1. – С. 9 – 18.

133. Бюллетень Наркомпроса РСФСР. –1932. –№ 9. – Ст. 71.

134. Бюллетень Наркомпроса РСФСР. –1933. –№ 21. – Ст. 308.

135. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. –1921.– № 24. – № 187.

136. В Воронеже разрушили памятник изобретателям «Катюши». – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/40798721-v-voronezhe-razrushili-pamyatnik-sozdatelyam-katyushi/>.

137. Вагаева, А. Семьдесят лет спустя / А. Вагаева // Российская провинция. –2011. –8 нояб. – С. 1 – 2.

138. Ваганова, Е.В. Охрана памятников истории и культуры: памятники историко-культурного наследия (на примере Республики Бурятия) / Е.В. Ваганова, В.В. Гапоненко. – Улан-Удэ, 2006. – С. 7 – 8.

139. Вагон не тронется – война останется // Южный Урал. 2006. 6 мая; Выставочный комплекс «Салют, Победа!» / авт.-сост. А.Д. Кокшаров. Оренбург: ООО «Союз-Реклама», 2007. – 19 с.

140. Вайс, К. Достоинство человека неприкосновенно / К. Вайс // Во имя живых. Помнить о погибших. – Дрезден, 2003. – С. 8.

141. Валеев, В.Х. Мемориальные доски рассказывают / В.Х. Валеев. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. – 152 с.
142. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ., общ. ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского. – Москва: «Прогресс», 1988. – 507 с.
143. Васильев, А.Г. Пенять ли на зеркало? (Рец. на кн.: Святославский А.В. История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов. М, 2013) [Электронный ресурс] / А.Г. Васильев // НЛО. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/1/penyat-li-na-zerkalo.html>.
144. Васильев, В. Строго следовать закону /В. Васильев // Памятники Отечества. –1987.– № 1. – С. 157 – 166.
145. Вахитов, А.К. Административно-правовое регулирование охраны объектов культурного наследия / А.К.Вахитов // Вестник Московского университета МВД России. –2007.– № 6. – С.48 – 50.
146. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова; предисл. П.П.Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
147. Веденин, Ю.А. Необходимость нового подхода к сохранению культурного и природного наследия России / Ю.А. Веденин // Культурное и природное наследие России. – Москва, 1996. – Вып.1. – С.27.
148. Великая Отечественная война: энциклопедия / Под ред. А.О. Чубарьяна, М.Ю. Мягкова. – Москва, 2015.
149. Великие полководцы России: в 20 т. / Под ред. М.Ю. Мягкова, Н.А. Копылова. – Москва: ИД «Комсомольская правда», 2014.
150. Вернадский, В.И. Избранные труды / В.И. Вернадский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.П. Аксенов]. – Москва: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2010. – 744 с.
151. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – Москва: Наука, 1988. – 520 с.

152. Вишев, И.В. Проблема личного бессмертия / И.В. Вишев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние., 1990. – 248 с.
153. Вестник ВолГУ. Серия 7. –2008. – № 1 (7). – С. 60 – 63.
154. Военно-исторический журнал. –2002. – № 10. – С. 19.
155. Военно-мемориальная работа // Военно-исторический журнал. – 2002. –№ 2. – С. 77.
156. Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А.Рубин, А.В.Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. – 576 с.
157. Войкова, Э.Л. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне / Э.Л. Войкова // Краеведческие записки. Из военной истории Орловского края. – Орел, 2010. – Вып. 9. – С. 247–252.
158. «Война с памятниками происходит там, где все уже готовы воевать с людьми». – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/98333/>.
159. Воронин, Н.Н. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства / Н.Н. Воронин. – Москва, 1960.– С.3.
160. Востряков, Л.Е. Культурная политика: понятия и модели: монография / Л.Е. Востряков. – Санкт-Петербург: Издательство СЗИ РАНХиГС, 2011. – 168 с.
161. Выставочный комплекс «Салют, Победа!» / отв. за вып. С.А. Салдаев. Оренбург: ООО «Союз-Реклама», 2007. – 26 с.
162. Вяземский, Е.Е. «Год российской истории» как фактор актуализации содержания исторического образования, подготовка и повышение квалификации преподавательской истории / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова.– 2011. – № 4. – С.9–15.
163. Вяземский, Е.Е. Историческая политика и историческое образование / Е.Е.Вяземский // История и политика в современном мире: мат-

лы межд. науч. конф. МГГУ им. М.А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г. – Москва, 2010. – С. 13–34.

164. Вяземский, Е.Е. Историческая политика как инструмент взаимосвязи профессиональной историографии и коллективной памяти / Е.Е.Вяземский // Преподавание истории в школе. –2011. –№ 2. – С. 20–25.

165. Габаев, Г.С. Русское военно-историческое общество / Г.С. Габаев // Военно-исторический журнал. –1940. –№ 4. – С. 123 – 124.

166. Гаврилов, Б. «Надлежит вам беречь...». Как охраняли памятники в России в XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] / Б. Гаврилов. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/2003/38/4.htm>.

167. Гаврилов, Б.И. Памятники Великой Отечественной войны: государство и общество / Б.И. Гаврилов // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры / под ред. Э.А. Шулеповой. – Москва, 1994. – С. 292 – 307.

168. Гаврилов, Б.И. Памятники Великой Отечественной войны /Б.И. Гаврилов. – Москва: Знание, 1989. – 64 с. – (Новое в жизни, науке и технике. Сер. История; № 10).

169. Галай, Ю.Г. Государственно-правовые проблемы охраны отечественного церковного историко-культурного наследия в XIX столетии / Ю.Г.Галай, И.М.Чукова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 439 – 443.

170. Галкова, О.В. Культурное наследие: современные подходы и проблемы / О.В. Галкова // ВестникМГУКИ. – 2008. – №6. – С. 43–46.

171. Галкова, О.В. Проблемы изучения культурного наследия в отечественной историографии / О.В.Галкова // Известия ВолГПУ. Сер.Социально-экономические науки и искусство. –2008. – №3 (27). – С. 108–111.

172. Галкова, О.В. Российские традиции охраны культурного наследия: автореф. дис.... д-ра ист. наук: 24.00.01 / Галкова Ольга

Валентиновна; [Место защиты: Волгоград. гос. мед. ун-т]. – Волгоград, 2012.– С. 3.

173. Гарданов, В.К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917 – 1920) / В.К. Гарданов // История музейного дела в СССР. –Москва, 1967. – Вып.1. – С.10.

174. Гареев, М.А. Сражение на военно-историческом фронте / М.А. Гареев. – Москва: Инсан, 2008. – 896 с.

175. Герцен, А.И. Собрание сочинений / А.И. Герцен. – Москва, 1960. – Т. XX. – Кн.1. – С.62.

176. Глаголев, М.В. Культурные ценности в контексте современного информационного пространства / М.В. Глаголев: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Глаголев Максим Владимирович; [Место защиты: Акад. перепод. работников искусства, культуры и туризма].– Москва, 2004. – С. 3.

177. Глезеров С. Война с памятниками / С. Глезеров // Санкт-Петербургские ведомости. –2016. – 10 мая.

178. Гнутова, С.В. Крест в России / С.В. Гнутова.– Москва: Даниловский благовестник, 2004. – С. 14.

179. Горлова, И.И. Культурная политика, культурологическое образование: региональный аспект. Монография / И.И. Горлова. – Краснодар, 1997. – 200 с.

180. Грабарь, И.Э. О древнерусском искусстве / И.Э. Грабарь. – Москва, 1966. – С. 233 – 250.

181. Грабарь, И.Э. Реставрация у нас и на Западе / И.Э. Грабарь // Наука и искусство. – М., 1926. – Т.1. – С. 91.

182. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Москва: Айрис-пресс, 2013. – 560 с.

183. Гуревич, П.С. Философское толкование человека / П.С.Гуревич. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 472 с.

184. Гусейнова, О.И. Всероссийская научная конференция «Комплексный подход к исследованию исторической памяти о Великой Отечественной войне: гуманитарный и естественнонаучный вклад» (Ростов-на-Дону, 23 – 26 октября 2015 г.) / О.И. Гусейнова, А.С. Магранов, В.И. Филоненко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 125 – 128.

185. Давлетшина, О.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации / О.В. Давлетшина: автореф. дис... канд. юр. наук: 12.00.08 / Давлетшина Оксана Васильевна; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. – Ростов-на-Дону, 2003. – 24 с.

186. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание / В.И. Даль. – Москва: Астрель; АСТ, 2007. – 983 с.

187. Данилец, А. Пантеоны русской воинской славы [Электронный ресурс] / А. Данилец. – Режим доступа: <http://www.litprichal.ru/work/12712/>.

188. Демаков, В.Г. «Казакам Мияской станицы», или Судьба одного монумента / В.Г. Демаков // Гороховские чтения: матер. пятой регион. музейной конф. – Челябинск, 2014. – С. 252 – 253.

189. Демина, Л.В. Сохранение и способы трансляции традиционной народной культуры в современном обществе (Западно-Сибирское Зауралье) / Л.В. Демина // Вестник МГУКИ. – 2011. – № 2 (40). – С. 61 – 66.

190. Денисов, В. Героев помнить имена / В. Денисов // Красная звезда. – 2006. – 20 – 27 сент.

191. Дмитриев, А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае / А. Дмитриев. – Пермь, 1889. – Вып. 1.

192. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Национальная идентичность и будущее России. – М., 2014. – С. 25–30. Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf

193. Документы ЦК ВЛКСМ. 1987. – Москва, 1988. – С. 147 – 148.

194. Долгов, А. Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц / А. Долгов. – Санкт-Петербург, 1860. – С. 30.
195. Дыгало, В.А. Российский флот. Три века на службе Отечеству / В.А. Дыгало. – Москва: Вече, 2007. – С. 168.
196. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. – Москва: Наука, 1990. – 575 с. (Социологическое наследие).
197. Егоров, В.Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» / В.Л. Егоров // История СССР. – 1988. – №1. – С. 102.
198. Ефименко, М.Н. Храм – «хранитель русской славы» / М.Н. Ефименко // Россия в Отечественных войнах: науч. конф. – Оренбург, 2012. – С. 94– 99.
199. Журавлев, В.А. Развитие поискового движения в России: нормативно-правовой аспект / В.А. Журавлев // Известия ВГПУ. – 2018. – №4(127). – С. 230.
200. Зайцев, А.К. Мемориальные ансамбли в городах-героях / А.К.Зайцев. – Москва, 1985. – 124 с.
201. Замятин, Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – Москва: Знак, 2006. – 488 с.
202. Заседание оргкомитета «Победа» [стенограмма].– Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/news/54347.
203. Золотарев, В.А. Военная история в современной России / В.А. Золотарев // Военная мысль. – 2004. – № 10. – С. 25 – 36.
204. Золотухин, А.Ю. Военно-мемориальная работа в Курской области / А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев // Клио. – 2009. – №1 (44). – С. 97 – 104.; – №2 (45). – С. 95 – 99.
205. Иванович, Л.С. Памятники славы и бессмертия / Л.С.Иванович. – Москва: Планета, 1971. –161 с.

206. Игнаткин, И.А. Охрана памятников истории и культуры / И.А. Игнаткин. – Киев: Выща школа, 1990. – 222 с.
207. Известия ВЦИК. –1918. –10 окт.
208. Иконникова, С.Н. История культурологических теорий / С.Н.Иконникова. – 2-е изд., перер. и доп. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
209. Ильин, Е.В. Забытые солдаты войны / Е.В. Ильин // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. – 2010. – Вып. 4. – С. 16–24.
210. Ильинская, Е.А. Образ и концепт времени как факторы генезиса и динамики культурных систем: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Ильинская Елизавета Александровна; [Место защиты: С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов]. – Санкт-Петербург, 2017. –С. 28.
211. Ионин, Л. Г. Социология культуры: учебное пособие для вузов / Л.Г. Ионин; Гос. ун-т. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
212. Ипполитов, Г.М. Использование военно-исторической информации на занятиях по отечественной истории в вузе в интересах патриотического воспитания молодежи / Г.М.Ипполитов // Клио. –2011.–№ 5 (56). – С. 150–152.
213. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии / сост. Н.И. Теодорович. Т. 1 – 2. – Почаев, 1888 – 1890.
214. Историческая память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2006. – С. 22.
215. Исторический вестник. –1890.
216. Исторический вестник. –1892.
217. Исторический вестник. –1895.– Ноябрь.
218. История культуры Южного Зауралья. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1999. – Т. 2 (советский период). – 188 с.
219. История Советского Урала (1933 – 1945). – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1979. – 354 с.

220. История СССР. –1966. – № 2.– С. 208.
221. Каган, М.С. Культура – философия – искусство (Диалог) / М.С.Каган, А.В.Холостова. – Москва: Знание, 1988. – 64 с.
222. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
223. Как изменится Конституция России. Основные поправки. Историческая правда. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2020/5e689b689a7947e1824b2770>.
224. Калинин, И.А. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт [Электронный ресурс] / И.А. Калинин // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.– 2010. – № 6(74). – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/nostalgicheskaya-modernizacziya-sovetskoe-proshloe-kak-istoricheskij-gorizont.html>.
225. Калинин, М.И. О коммунистическом воспитании: доклад на собрании актива партийных работников Москвы 2 октября 1940 г. /М.И. Калинин // Калинин М.И. Об искусстве и литературе. Статьи, речи, беседы. – Москва, 1957. – С. 216 – 217.
226. Калинина, Н.В. «Мы победили вместе!» (военно-мемориальное направление в сотрудничестве государств – участников СНГ в сфере работы с молодежью) / Н.В.Калинина // Мир образования – образование в мир. – 2010. – №2. – С. 105–112.
227. Каменский, С.Ю. Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого / С.Ю. Каменский // Омский научный вестник. – 2008. – № 2(66). Серия «Общество. История. Современность». – С. 176 – 180.
228. Капица, П. О науке и власти (письма) / сост. П.Е. Рубинин. – Москва: Изд-во «Правда», 1990. – 48 с.
229. Капица, С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества / С.П. Капица. – Москва: Наука, 1999. – 136 с.

230. Карлов, А. Страна помнит своих героев. О военно-мемориальной работе за рубежом / А. Карлов // Международная жизнь. – 2010. – №3. – С. 90–96.
231. Каулен, М.Е. Актуализация нематериального наследия: формы и методы / М.Е. Каулен // Фундаментальные проблемы культурологии: Том VI: Культурное наследие: от прошлого – к будущему / Отв. редактор Д.Л. Спивак. – Москва; Санкт-Петербург: Новый хронограф, Эйдос, 2009. – С.27–39.
232. Квартальнов, В.А. Туризм. Учебник / В.А. Квартальнов. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.
233. Кертман, Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870 – 1917): учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Л.Е. Кертман. – Москва: Высш. шк., 1987. – 304 с.
234. Киевская Старина. – 1889. – Июнь. – С. 286.
235. Кирилин, А.В. Хранители славы и бессмертия / А.В. Кирилин // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 7. – С. 41 – 42.
236. Клебанов, Л.Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана / под науч. ред. А.В. Наумова. – Москва: Норма-Инфра, 2012. – 249 с.
237. Клейменов, А.Н. По долгу памяти / А.Н. Клейменов // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 4. – С. 3 – 10.
238. Клименко, И.Е. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения / И.Е. Клименко. – Москва, 1979. – С. 39.
239. Ковалев, С.Н. Поисковый батальон Министерства обороны на «Невском пяточке» / С.Н. Ковалев, М.М. Мусин, А.И. Рупасов. – Выборг: Б.и., 2007. – 47 с.
240. Коган, Л.Н. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт / Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1982. – 176 с.

241. «Когда стою у Вечного огня...»: памятники и памятные места Великой Отечественной войны Свердловской области / авт. проекта и сост. А.А. Войтенко. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – 160 с.
242. Колычев, С. Вспоминая прошлое, думай о будущем // Наш Бузулук. – 2012. – 23 мая. – С. 15.
243. Коляда, Е.М. Мемориально-ландшафтный комплекс как объект истории и художественной культуры / Е.М.Коляда // Вестник ЧГПУ. – 2011. – № 3. – С. 251 – 260.
244. Комаровская, Е.В. На северном фланге Курской дуги, в Понырях / Е.В. Комаровская // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 2. – С. 76 – 77.
245. Конрадова, Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н. Конрадова, А. Рылеева // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 241 – 261.
246. Копосов, Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России / Н.Е. Копосов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
247. Коршунова, О. Мемориальная тема в советской архитектуре / О. Коршунова // Русское искусство. – 2005. – № 4. – С. 46 – 47.
248. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 378 с.
249. Косыгин, А.Н. В едином строю защитников Отчизны / А.Н. Косыгин. – Москва: Политиздат, 1980 – 47 с.
250. Котков, В.М. Вологодская книга скорби и памяти / В.М. Котков // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 4. – С. 56 – 62.
251. Кочетков, А. Русское Военно-историческое общество (1907 – 1914) / А. Кочетков // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 9. – С. 96.

252. Кошман, Л.В. Культурное наследие как фактор исторической памяти / Л.В. Кошман // Вестник Московского университета. Сер.8. История. – 2011. – №3. – С. 7–15.

253. Кравченко, А.И. Методология и методы социологических исследований: учебник для вузов / А.И. Кравченко. – Москва: Изд-во Юрайт, 2018. – 828 с.

254. Крайнова, Г.В. Роль пропаганды памятников истории и культуры в нравственном и эстетическом воспитании трудящихся / Г.В. Крайнова. – Ленинград: Знание, 1986. – С. 3.

255. Кто ответит за снос военного кладбища в Брянской области? – Режим доступа: <https://ren.tv/news/v-rossii/683507-kto-otvetit-za-snos-voennogo-kladbishcha-v-brianskoi-oblasti>.

256. Кудряшов, С. Ландшафты, архитектурные произведения и памятники как объекты охраны международного и национального авторского права / С. Кудряшов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2004. – № 4. – С.20–24.

257. Кукина, Е.М. В бронзе и камне / Е.М.Кукина. –Москва: Интерграф-Сервис, 2001. – 118 с.

258. Кукина, Е.М. Рукотворная память Москвы / Е.М.Кукина, Р.Ф.Кожевников. – Москва: Московский рабочий, 1997. – 210 с.

259. Кулемзин, А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А.М.Кулемзин: автореф. дис. ... д-ра культурологии:24.00.03 / Кулемзин Анатолий Михайлович; [Место защиты: Кемеров. гос. акад. культуры и искусств]. – Кемерово, 2001. – 34 с.

260. Курилла, И.И. Историческая память и публичная коммеморация / И.И. Курилла // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. / под ред. д-ра ист. наук И.И. Куриллы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 4–13.

261. Курьянова, Т.С. Культурное наследие: смысловое поле и практика / Т. С. Курьянова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 12 – 18.
262. Курьянова, Т.С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учебное пособие / Т.С. Курьянова. – Томск, 2014.
263. Лапин, В. Война памятников и война с памятниками / В. Лапин // Россия – XXI. – 2014. – № 1. – С. 122 – 145.
264. Лаптев, К. Формирование мемориальной функции полковых храмов русской армии в XIX столетии [Электронный ресурс] / К. Лаптев. – Режим доступа: http://history-mda.ru/publ/formirovanie-memorialnoy-funktsii-polkovyih-hramov-russkoj-armii-v-xix-stoletii_2789.html.
265. Лачина, Е.А. Проблемы уголовно-правовой охраны памятников природы, истории и культуры в России / Е.А. Лачина // Закон и право. – 2006. – № 10. – С. 72–73.
266. Ле Гофф, Ж. История и память / Жак Ле Гофф; пер. с франц. К. З. Акопяна. – Москва: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
267. Ленин, В.И. Сочинения / В.И. Ленин. – Т. 26 (сент. 1917 – февр. 1918). – Москва: Госполитиздат, 1949. – С. 262.
268. Линева Е.А. Государственная программа охраны памятников культуры Украины / Е.А. Линева // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. – 2004. – № 4. – С.36–38.
269. Лисин, К.А. Нормотворческая деятельность Синода по охране церковных памятников старины от расхищений в XIX – начале XX века / К.А. Лисин, Е.Н. Пронина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 3. – С.304–305.
270. Леонтьева, О.Б. «Мемориальный поворот» в современной исторической науке [Электронный ресурс] / О.Б. Леонтьева // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59 – 96. – Режим доступа: https://roii.ru/dialogue/50/roii-dialogue-50_3.pdf.

271. Лисицкий, А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Лисицкий Андрей Викторович; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2004. – 20 с.
272. Лихачев, Д.С. Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации: сборник статей / Д.С. Лихачев. – Москва: Искусство, 1981. – 232 с.
273. Лихачев, Д. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем / Д. Лихачев, Н. Самвелян. – Москва: Сов. Россия, 1988. – 144 с.
274. Лихачев, Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого / Д.С. Лихачев. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 172 с.
275. Лихачев, Д.С. Памятники культуры – всенародное достижение... / Д.С. Лихачев // История СССР. – 1961. – № 3. – С. 3 – 12.
276. Лихачев, Д.С. Раздумья о России / Д.С. Лихачев. – СПб.: Изд-во «Logos», 1999. – 672 с.
277. Лихачев, Д.С. Раздумья / Сост. и общая ред. Г.А. Дубровской – Москва: Дет. лит., 1991. – 318 с.
278. Лихачев, Д. Я вспоминаю / Д. Лихачев. – Москва: Прогресс, 1991. – 256 с.
279. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А.В. Говорунова. – Санкт-Петербург: В. Даль: Русский Остров, 2004. – 622 с.
280. Лященко, В.Е. «Наши павшие, как часовые...» / В.Е. Лященко // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 11. – С. 86.
281. Мазур, Л.Н. Уральская деревня в годы войны (1941 – 1945 гг.): поселенческий аспект / Л.Н. Мазур // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы межд. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2005. – С. 133 – 137.

282. Макаров А.И. Историческая память versus культурная память: конфликт интерпретации исторической реальности // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. – Москва: UPSS, 2011. – С. 91–101.

283. Макаров, А.И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации / А.И. Макаров // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. / под ред. д-ра ист. наук И.И. Куриллы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 19–29.

284. Максаковский, В.П. Всемирное культурное наследие / В.П. Максаковский. – Москва: Сервис, 2000. – 415 с.

285. Максимов, Э. Мы узнаем, как звали неизвестных солдат. Проект, оплаченный Министерством культуры ФРГ, начал осуществляться / Э. Максимов // Известия. – 2000. – 23 сент.

286. Малинина, Т.Г. Тема памяти в архитектуре военных лет (на материалах конкурсов и выставок 1942 – 1945 гг.) / Т.Г. Малинина. – Москва: Изд-во НИИ теории и истории изобр. искусств АХ СССР, 1991. – 234 с.

287. Малинина, Т.Г. Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (на материалах конкурсов и выставок 1942 – 1945 годов) / Т.Г. Малинина. – Москва, 1984. – 29 с.

288. Малиш, М.А. Влияние монументально-исторических памятников на формирование культурных традиций и развитие патриотических чувств / М.А. Малиш // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т.6. – № 1 – 6. – С. 80 – 83.

289. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ / Э.С. Маркарян. – Москва: Мысль, 1983. – 284 с.

290. Мартин Хайдеггер: сборник статей / сост. Д.Ю. Дорофеев. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. – 576 с.

291. Маршрут «Победа». Новосергиевский район. Оренбургская область / сост. Г.Д. Девятаева, И.П. Ищенко, С.В. Буровцева, А.М.

Погребной. –Новосергиевка: ГУП «Редакция Новосергиевской районной газеты «Голос глубинки», 2010. – 32 с.

292. Мастеница, Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс / Е.Н. Мастеница // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3(8). – С. 6 – 9.

293. Материалы межд. науч.-обществ. конф. «75 лет пакту Рериха»: сборник трудов [Москва, 8 – 11 окт. 2010 г.]. – Москва: Междунар. центр Рерихов, 2010. – С. 334.

294. Мегилл, А. Историческая эпистемология: научная монография / А. Мегилл; пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. – Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

295. Мегилл, А. История и память: за и против / А. Мегилл // Философия за рубежом. –2005. – № 2. – С. 132–165.

296. Медведев Д.А. Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев // Газета.ру. – 2010. – 10 сент. – Режим доступа: https://m.gazeta.ru/comments/2019/09/10_a_12639409.shtml.

297. Медведев, В. К познанию социализма / В. Медведев // Коммунист. – 1988. – № 17. – С. 8 – 10.

298. Международный молодежный поход «Дорогами мужества и стойкости. На перевалах Кавказа» // Военно-исторический журнал. – 2014.– № 4. – С. 2.

299. Межуев, В.М. Культура и история / В.М. Межуев. – Москва: Политиздат, 1977. – 199 с.

300. Мельвиль, А.Ю. Контркультура и «новый» консерватизм / А.Ю. Мельвиль, К.Э. Разлогов. – Москва: Искусство, 1981. – 264 с.

301. Микрюков, В.Ю. Защитим правду о Великой войне / В.Ю. Микрюков // Военно-исторический журнал. – 2012. – №5. – С. 8–11.

302. Миллер, А. Россия: власть и история [Электронный ресурс] / А. Миллер // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4 (46). – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf.

303. Мильорати, Л. Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий / Л. Мильорати, Л. Мори // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 107–115.

304. Мозговой, С.А. Память о войне и международный опыт мемориализации ратного подвига // Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно-практического «круглого стола» 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. Науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачева; ред.-сост. С.А. Мозговой. – Москва: Институт наследия, 2019. – С. 42 – 43.

305. Моисеев, Н.Н. Размышления о современной политологии / Н.Н. Моисеев. – Москва: Изд-во МНЭПУ, 2000. – 216 с.

306. Моисеев, Н.Н. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями / Н.Н. Моисеев, В.В.Александров, А.М. Тарко. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.

307. Молчанов, А. Ратный музей у мемориала «Журавли» / А. Молчанов // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 5. – С. 2.

308. Монументы и памятники воинской доблести и славы России. – Санкт-Петербург: Logos, 2001. – 328 с.

309. Москва и Великая Победа. – Москва: «Памятники Отечества», 2000. – 291 с.

310. Мотревич, В.П. Благоустройство мест захоронений военнопленных и интернированных на Урале в 1995 – 2009 гг. / В.П. Мотревич // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – Вып. 11. – С. 193 – 201.

311. Мотревич, В.П. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Оренбургской области / В.П. Мотревич // СССР во

Второй мировой войне: третьи Всерос. историко-краевед. чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. –С. 177 – 183.

312. Мотревич, В.П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы / В.П. Мотревич // Урал в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг.– Екатеринбург, 1995. – С. 98 – 99.

313. Мотревич, В.П. О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области / В.П. Мотревич // Ценности и идеология в современной России: тез. докл.– Екатеринбург, 1996. – С. 86 – 88.

314. Мотревич, В.П. Погибли на Урале / В.П. Мотревич // Архивы Урала. –1996. – № 1. – С. 210 – 212.

315. Мотревич, В.П. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем.– Екатеринбург, 1998. –Ч.1. – С. 469 – 471.

316. Назаретян, А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). Курс лекций / А.П. Назаретян. Изд. вт., дораб. и дополн. – Москва: Наследие, 1996. – 184 с.

317. Назаретян, А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А.П. Назаретян. Изд. 2-е, испр. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

318. Назина, Т. Поляки в Бузулуке: братская могила стала именной/ Т. Назина // Южный Урал. – 2007. –28 авг. –С. 3.

319. Народное просвещение. –1918. – № 22.

320. Нейштадт, А.И. Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток / А.И. Нейштадт. – Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1951. – 30 с.

321. Никитина, В.Б. Военные мемориалы в Белоруссии / В.Б. Никитина, Ю.А. Якимович // История СССР. – 1970. – № 3. – С. 175.

322. Новая Российская энциклопедия: в 19 т. – Москва: Энциклопедия; Инфра-М, 2003 – 2018.

323. Новиков, Н.И. Общие примечания о путешествиях /Н.И. Новиков // Покойщийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением «Вечерней Зари». – 1784. – Ч. 2. – С. 128.

324. Новиченко, С.Л. К вопросам сохранения исторической памяти. Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда / С.Л. Новиченко, Л.Э. Сутягина // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 280 – 293.

325. Новожилова, Л.А. «Памятник забытым героям» (история одного поиска) / Л.А. Новожилова // Хронист: историко-краевед. сб. – Челябинск: Цицеро, 2016. – С. 119–121.

326. Нора, П. Франция-память / П. Нора. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 333 с.

327. Нужны ли памятники войнам Красной армии на территории бывшего СССР? [электронный ресурс] // ВЦИОМ. VRI: Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1978>.

328. О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: [постановление Правительства РФ от 24.07.2000 № 551] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901765472>.

329. О внесении изменений в статьи 2 и 11 Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»: [фед. закон от 19.07.2018 № 214-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4549.

330. О государственной поддержке молодых ученых в Оренбургской области в 2011 году: [указ губернатора Оренбургской области от 28.11.2011 № 863-ук].

331. О государственной поддержке молодых ученых в Оренбургской области в 2015 году: [указ губернатора Оренбургской области от 09.06.2015 № 405-ук].

332. О днях воинской славы и памятных датах России: [фед. закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 15 марта.

333. О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: [указ Президента СССР от 08.02.1991 № УП-1440] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/636371/>.

334. О массовой работе по памятникам революции, истории, культуры и археологии. – Москва, 1940. –С. 32–33.

335. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. № 37: [постановление Правительства РФ от 26.11.2007 г. № 802] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/192295/>.

336. О погребении и похоронном деле: [фед. закон от 12 .01.1996 г. № 8-ФЗ] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/105870/>.

337. О порядке проведения поисковой работы по увековечению памяти погибших при защите Отечества на территории Брянской области: [закон Брянской области от 08.11.2005 № 77-3].

338. О порядке проведения на территории Ростовской области поисковой работы в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества: [закон Ростовской области от 10.05.2012 № 858-ЗС].

339. О порядке проведения поисковых работ и увековечении памяти погибших при защите Отечества на территории Сахалинской области: [закон Сахалинской области от 05.07.2007 № 70-ЗО].

340. О порядке увековечения памяти лиц, имеющих выдающиеся достижения и особые заслуги перед республикой, а также исторических и иных событий: [закон Республики Дагестан от 18.11.2002 № 33].

341. О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются

русские воинские захоронения: [указ Президента РФ от 01.11.2007 г. №1313] [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru/2cts/dank/26259.

342. О приватизации: [указ Президента РФ [Ельцин Б.Н.] // Российская газета. –1993. – 24 дек.

343. О присуждении грантов для творческих коллективов, деятелей культуры и искусства Оренбургской области в 2008 году: [распоряжение губернатора Оренбургской области от 04.09.2008 года № 418-р].

344. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Русское военно-историческое общество: [указ Президента РФ 29.12.2012 г. № 1710] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7862 (часть II).

345. Об образовании Русского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации: [постановление Правительства РФ от 14.03.1997 № 317] // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1537.

346. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Оренбургской области: [закон Оренбургской области от 03.07.2013 № 1678/503-V-ОЗ].

347. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: [фед. закон от 26.06.2002 № 73-ФЗ] // Наследие народов Российской Федерации. – 2002. – № 1. – С. 37 – 39.

348. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: [фед. закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

349. Об охране и использовании памятников истории и культуры: [закон СССР от 29.10.1976] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 44. – Ст. 628.

350. Об увековечении в Краснодарском крае памяти погибших при защите Отечества: [закон Краснодарского края от 13.08.1999 № 207-КЗ].

351. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: [закон РФ от 14.01.1993 года № 4292-1] // Российская газета. – 1993. – 17 февр.

352. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: [фед. закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ] // Российская газета. – 1993. – 17 февр.

353. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества и о проведении поисковых работ на территории Орловской области: [закон Орловской области от 12.11.2008 № 823-ОЗ].

354. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества на территории Волгоградской области: [закон Волгоградской области от 21.06.2003 № 835-ОД].

355. Об увековечении памяти лиц, имеющих выдающиеся достижения и особые заслуги перед Республикой Башкортостан, а также исторических событий: [закон Республики Башкортостан от 24.11.2008 № 70-з].

356. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: [фед. закон от 19.05.1995 года № 80-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.

357. Об утверждении Программы подготовки и проведения празднования 50-летия Победы и других памятных дат Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов: [постановление Правительства РФ от 01.06.1994 № 614] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/10692/>.

358. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: [распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р] // Собрание законодательства РФ. – 2016. – 14 марта. – № 11. – Ст. 1552.

359. Олик, Дж. Фигурация памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Дж. Олик // Социологическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 40–73.

360. Оренбургская панорама памяти // Оренбуржье. – 2005. – 7 мая.

361. Открытие памятника Д.С. Ильину // Исторический вестник. – 1895. – Т. LXI. – С. 507.
362. Открытие памятника на шведской могиле//Исторический вестник. – 1895. – Ноябрь. – С. 640.
363. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=9739@egOrganization.
364. Официальный сайт РИА56 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria56.ru/posts/memorialax-vechnyj-ogon.htm>.
365. Официальный сайт Российского военно-исторического общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/activities/monumentalnaya-propaganda>.
366. Охрана исторических и археологических памятников: сборник руководящих и справочных материалов. – Москва, 1949. – С. 5 – 7.
367. Охрана культурного наследия России XVII – XX вв.: хрестоматия. – Москва, 2000. – Т.1. – 527 с.
368. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – нач. XX в. – Москва, 1978. – 356 с.
369. Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. – Москва, 1973. – 190 с.
370. Павленко, В.Д. Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941 – 1945 гг. / В.Д. Павленко, Г.К. Павленко. – Челябинск: Книга, 2005. – 312 с.
371. Павлов, Д.Г. Общее дело историков и краеведов / Д.Г. Павлов, П.Г. Чернолицкий // История СССР. – 1972. – № 6. – С. 221 – 222.
372. Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности / А.С. Панарин. – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.

373. Памятник времен Петра I // Исторический вестник. – 1893. – Т. LIII. – С. 840–841.
374. Памятники древнего православия в г. Владимире-Волынском. Составил и издал Е.Н. Дверницкий. Киев, 1889 // Исторический вестник. Историко-лит. журнал. – 1890. – Т. 39. – С. 207–209.
375. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР // Труды НИИМ. – 1961. – Вып. 5. – С. 48 – 57.
376. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва: Академический проект, 2000. – 880 с.
377. Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
378. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы: государственная программа, утвержденная Постановлением Правительства РФ № 422 от 11 июля 2005 г. // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 29. – Ст. 3064.
379. Первые мероприятия в области искусства // История музейного дела в СССР. – Москва, 1957. – С. 311.
380. Перечень памятных мест и сооружений Оренбургской области, посвященных Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.): науч.-справ. изд. / авт.-сост. В.А. Рубин. – Оренбург: Печ. дом ДИМУР, 2010. – 327 с.
381. Петрова, И.А. Культурология / И.А. Петрова. – Волгоград: ВГМУ, 2007. – 287 с.
382. Пештич, С.Л. Русская историография XVIII века / С.Л. Пештич. – Ленинград, 1961. – Ч. 1. – С. 230.
383. Письма А.П. Сумарокова, М.М. Щербатова, Н.И. Новикова к Г. В. Козицкому // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. – Москва: Тип. В. Грачева и Компания. – 1862. – № 4. – С. 46.

384. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчет (10 – 18 января 1961). – Москва, 1961. – С. 601–602.

385. Подвиг народа: памятники Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. / сост. и общ. ред. В.А. Голикова. – Москва: Политиздат, 1980. – 318 с.

386. Под охраной, но без защиты // Известие. –1988. – 25 февр. – С. 3.

387. Поисковое движение России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рф-поиск.рф/>.

388. Полное собрание законов Российской империи. – 1830 г.– Т. IV. – Ст. 2236.

389. Положение о Междуведомственном комитете по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК: [постановление ВЦИК от 20.08.1932] // СУ РСФСР. – 1932. – № 69. – Ст. 309.

390. Полякова, М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / М.А. Полякова. – Москва: Дрофа, 2005.

391. Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: в 2 т./ ред. В.М. Полевой. –Москва: Советская энциклопедия, 1986.

392. Портал Правительства Оренбургской области, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/News/OfficialChronics/2011-11-02-11-27-18.html>.

393. Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 31.07.2013 г. № Пр-1832.

394. Послание Президента Федеральному Собранию.[30.11.2010] [Электронный ресурс]: сайт Президента России / Администрация Президента Российской Федерации. – Москва, 2010. – Режим доступа: <http://президент.рф>.

395. Правда. –1964. –7 сент.

396. Правда. –1987. –24 сент.

397. Правда. –1988. –14 мая.
398. Прогулки по войне // Оренбуржье. 2005. 5 мая; «Салют, Победа!». Выставочный комплекс Оренбургского областного историко-краеведческого музея: буклет / сост. Д.М. Еремин. – Оренбург: РПФ «Палитра», 2007. – 21 с.
399. Пролетарская революция. – 1927.– №1. – С. 265–278.
400. Путин принял участие в открытии памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе // Взгляд. – 2014. – 1 авг.
401. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 9 т. / А.С.Пушкин. – Москва: Правда, 1954. – Т. 5. – С. 65.
402. Равикович, Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР / Д.А. Равикович // История СССР. – 1967. – № 2. – С. 193 – 196.
403. Резолюции III Всероссийской конференции по краеведению. М., 1928. – С. 31; Известия ЦБК. – 1928. – № 6. – С.8; Краеведение. – 1928. – №5.– С. 297 – 298.
404. Репина, Л.П. Историческая память и современная историография /Л.П.Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5.– С. 4 – 10.
405. Репина, Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии / Л. П. Репина // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Москва: Изд. ГУ ВШЭ, 2005. – С. 122–170.
406. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20171104/1508208281.html>.
407. Рикер, П. Я – сам как другой / пер. с фр. – Москва: Изд-во гуманитар. лит-ры, 2008. – 416 с.
408. Роджерс, К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы: пер. с англ. – 2-е изд. – Москва: Психотерапия, 2008. – 512 с.
409. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Исениной Е.И. – Москва: Изд. группа, «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

410. Рожкова, Е.К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Рожкова Елена Константиновна; [Место защиты: Оренбург. гос. пед. ун-т]. – Оренбург, 2002. – 26 с.
411. Романов, М. Бережно охранять памятники истории / М. Романов // Культурно-просветительная работа. – 1949. – № 8. – С. 47 – 48.
412. Романюк, С.К. Москва. Остров / С.К. Романюк. – Москва: АНО НЦ Москвоведение, 2009. – С. 50.
413. Рославский, В.М. Советская власть и исторические памятники в 1918 г.: реставрация, охрана, реквизиция / В.М. Рославский // Россия и современный мир. – 2005. – № 3. – С. 205–215.
414. Российская газета. – 2018. – 25 июля. – № 160 – С. 2.
415. Российская газета. – 2003. – 8 окт. – № 202.
416. Российская газета. – 1994. – 27 нояб.
417. Ростовцев, Е.А. Музей и историческая память в современной России / Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук // Вопросы музеологии. – 2014. – № 2 (10). – С. 16 – 17.
418. Рубан, С.Н. От какого наследия мы отказываемся? Сопоставление военных историков и задачи военно-исторической науки / С.Н. Рубан // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 9. – С. 67 – 70.
419. Рубин, В.А. Государственная политика России в сфере сохранения мемориального наследия и ее реализация в Оренбуржье / В.А.Рубин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 2(16): в 2 ч. – Ч.1. – С. 172 – 173.
420. Рубин, В.А. История: учебное пособие / В.А.Рубин. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. – 148 с.
421. Русанов, Р.В. Памятники земли брянской / Р.В. Русанов, Я.Д. Соколов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1985. – 125 с., ил.

422. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждения о науках и искусствах. Рассуждения о неравенстве: сб.: пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо. – Москва: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 884 с.

423. Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – Санкт-Петербург: Изд-во «Росток», 2013. – 640 с.

424. Русская энциклопедия: в 11 т. / под ред. С.А. Андрианова, Э.Д. Гримма, А.В. Клоссовского, Г.Б. Хлопина. – Санкт-Петербург: Русское кн. тов-во «Деятель», 1911 – 1915.

425. Русский мир: смыслы и ценности // Смыслы и ценности русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» / под ред. В. Никонова. – Москва: Русский мир, 2010. – С. 70–111.

426. Русское военно-историческое общество. (Справочник научных обществ России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.snor.ru/?an=sc_412.

427. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – Москва, 2001. – 392 с.

428. Савельева, И.М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – Москва: Наука, 2003. – Т. 1.: Конструирование прошлого. – 632 с.

429. Садовников, С.И. Архивные исследования в контексте поисковой работы по обнаружению и захоронению воинов Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / С.И. Садовников // Вестник архивиста. – 2011. – № 1. – С.270–286.

430. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Научное издание / А.П. Садохин. – Москва: Высшая школа, 2005. – 310 с.

431. Сайко, Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века: монография / Е.А. Сайко; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва: Изд-во РАГС, 2004. – 141 с.
432. Самарин, И.А. Памятники воинской славы Сахалинской области / И.А.Самарин. – Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2010. –183 с.
433. Самосват, Д.А. «Харон» возвращает героям имена / Д.А. Самосват // Военно-исторический журнал. –2014.– № 5. –С. 68 – 69.
434. Саратова, С. Польская делегация в Бузулуке // Наш Бузулук. – 2011. – 9 нояб.– С. 3.
435. Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии / сост. И. Токмаков. – Вологда, 1890. – Вып. 1. –С. 3.
436. Сборник исторических материалов для составления летописей по Калужской епархии / сост. И. Токмаков. –Калуга,1889. –Вып. 1.– 22 с.
437. Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР. 1931 – 1934 гг.– Москва, 1934. –С. 10–11.
438. Сборник нормативных правовых актов о государственной охране и сохранении культурного наследия в Российской Федерации / сост. И.Н. Свириденко, В.А.Рубин. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. – 324 с.
439. Свет Великой Победы. Памятники и памятные места Волгограда и Волгоградской области. – Волгоград: Изд. группа «Вика-плюс», 2007. – 380 с.
440. Свичкарь, И.Г. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960 – 1980 гг./ И.Г. Свичкарь // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки. – 2013. – Т.13. – №1. – С.53.
441. Святославский, А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – Москва: Древлехранилище, 2013. – 592 с.

442. Святославский, А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Святославский Алексей Владимирович; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2011. – 53 с.
443. Серых, В. Охрана памятников – внимание юристов /В. Серых // Советская юстиция. – 1987. – № 8. – С. 20 – 22.
444. Синецкий, С.Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего: монография / С.Б. Синецкий. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 288 с.
445. Систематическое собрание законов РСФСР, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. – Москва: Юрид. лит., 1969. – Т. XII. – С. 615 – 619.
446. Слабуха, А.В. Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИиК в Красноярском крае) / А.В. Слабуха // Культура регионов: история и современность. – 2016. – С. 94 – 102.
447. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышев и др. Москва; Ленинград: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950 – 1965.
448. Смирнов, В.П. Описание русских медалей / В.П. Смирнов. – Санкт-Петербург, 1908. – С. 27 – 28.
449. Смыкалин, А.С. «Особые лагеря» и «Особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений Советского государства в 30 – 40-е годы / А.С. Смыкалин // Государство и право. –1997. – № 5. – С. 84 – 91.
450. Смыкалин, А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России / А.С. Смыкалин. – Екатеринбург, 1997. – 368 с.
451. Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны / А.С. Смыкалин // Урал в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – Екатеринбург, 1995. – С. 117 – 123.

452. Собрание законодательства РФ. – 2011. – 1 авг. – № 31.– Ст. 4758.
453. Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 27. – Ст. 2503.
454. Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2470.
455. Собрание постановлений Правительства РСФСР. – 1976. – № 21.
456. Советский музей. – 1932. – № 6. – С. 57.
457. Сокол, К.Г. Монументальные памятники Российской империи: каталог / К.Г. Сокол. – Москва: Вагриус-плюс, 2006. – С. 7.
458. Соловьев, В.С. Избранное / В.С. Соловьев; [сост., автор вступит. ст. и коммент. С.Б. Роцинский]. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 792 с.
459. Соломенцев, М.С. Наша история – наша гордость / М.С. Соломенцев // Литературная газета. – 1978. –21 июня. – С. 2.
460. Сотрудничество власти и общества в сфере сохранения военно-мемориальных сооружений: история и современность: сборник статей и тезисов межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. и 70-летию победы советского народа в Сталинградской битве. Оренбург, 2013 г. / под общ. ред. А.В.Федоровой, отв. за вып. В.А.Рубин. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2013. – 284 с.
461. Сохранение памятников церковной старины в России XVII – начале XX в. – Москва, 1997. – С.55.
462. Сперанский, А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / А.В. Сперанский. – Екатеринбург: Уро РАН, 1996. – 348 с.
463. Список памятников истории и культуры Оренбургской области / сост. Р.К. Марченко, Н.Н. Карюкина. – Оренбург: Тип. изд-ва «Юж. Урал», 1987. – С. 36 – 97.
464. Список памятников истории и культуры Смоленской области.– Смоленск, 1974. – С. 3 – 8.
465. Статья 225 Гражданского Кодекса Российской Федерации, посредством признания недвижимых объектов бесхозными и оформления на них права собственности.

466. Степанов, В.В. Незабытые рубежи / В.В. Степанов // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 4. – С. 67 – 69.
467. Степанов, В.С. К истории одного перезахоронения / В.С. Степанов // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 8. – С. 60 – 65.
468. Степанский, А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России / А.Д. Степанский // Археографический ежегодник за 1974 год. – Москва: Наука, 1975. – С.38 – 55.
469. Стешенко, Л.А. О памятниках истории и культуры: монография / Л.А. Стешенко, В.Д. Тепферов. – Москва: Юрид. лит-ра, 1977. – С.5.
470. Стрелова, О.Ю. Изучая историю – изучаем мифы? / О.Ю.Стрелова // История и политика в современном мире: мат-лы межд. науч. конф. МГГУ им. М.А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г. – Москва, 2010. – С. 80 – 86.
471. Стрельникова, А.В. «Места памяти» в городском пространстве / А.В. Стрельникова // Социология города. – Москва, 2012. – С. 234.
472. СУ РСФСР. – 1933. – № 53. – Ст. 227.
473. СУ РСФСР. – 1933. – №44. – Ст. 179.
474. СУ РСФСР. – 1934. – № 32.– Ст. 193.
475. СУ РСФСР. – 1934. – № 9. – Ст. 52.
476. СУ РСФСР. – 1936. – № 14.– Ст. 97.
477. СУ. – 1923. – №37. – Ст. 386; №73. – Ст. 711.
478. СУ. – 1924. – № 18. – Ст. 179.
479. Таранов, А.А. Военно-мемориальная работа – государственная задача управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества / А.А. Таранов // Вклад поискового движения в патриотическое воспитание современной молодежи: материалы межрегион. науч.-практ. семинара-совещания. – Киров, 2009. – С. 32.

480. Тверь в XVII веке. Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Исследование Н.Н. Овсянникова. Тверь, 1889 // Исторический вестник. Историко-лит. журнал. – 1890. – Т. 39. – С. 190–192.
481. Теория и практика сохранения памятников культуры: сб. науч. тр. / РНБ ; сост. С.А. Добрусина, Е.С. Чернина. – СПб., 1995. – Вып. 17. – 200 с.
482. Тихонов, Ю.А. Пути сохранения памятников (к итогам Всесоюзного совещания по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и архитектуры) /Ю.А. Тихонов // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 138.
483. Тройницкий, А.Г. Памятник Румянцеву на поле Кагульской битвы / А.Г. Тройницкий. – Одесса: Гор. тип., 1849. – 35 с.
484. Тугай, Т.И. Оренбургские краеведы в сохранении памятников истории и культуры (1917 – 1930 гг.) / Т.И.Тугай. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 132 с.
485. Тугай, Т.И. Увековечение революционного прошлого в Оренбурге в 1920 – 1930-е годы / Т.И. Тугай // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования: сб. работ. – Оренбург, 2011. – Вып. 5. – С. 46 – 52.
486. Уолш, К. Ключевые показатели менеджмента: как анализировать, сравнивать и контролировать данные, определять стоимость компании: пер. с англ. 2-е изд. – Москва: Дело, 2001. – 360 с.
487. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках / М.Е. Кулешова. – Москва: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. – 46 с.
488. Успенский, Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с.
489. Уханов, И. Рычков / И. Уханов. – Москва: Молодая гвардия, 1996. – 235 с.
490. Фармаковский, Б.В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры / Б.В. Фармаковский [Пг., Б.и., 1922]. – 11 с.

491. Фармаковский, Б. Российская академия истории материальной культуры в 1919–1922 гг. / Б. Фармаковский. Пг., 1922. – С.4.
492. Федоров, Н.Ф. Избранные сочинения / Н.Ф. Федоров; [сост. А.Г. Гачева, В.Г. Макаров, С.Г. Семенова, автор вступ. ст. С.Г. Семенова, авторы коммент. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова]. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 760 с.
493. Федорова, А.В. Военнопленные вражеских армий на Южном Урале (на примере Оренбургской области) / А.В. Федорова // Роль Урала как арсенала Победы: тез. докл. регион. науч. конф. – Челябинск, 2000. – С. 64 – 67.
494. Федорова, А.В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения / А.В. Федорова // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: сб. науч. тр. – Оренбург, 1994. – С. 43 – 56.
495. Федорова, А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны / А.В. Федорова. – Оренбург, 1995. – 216 с.
496. Филимонов, А.В. Профессор К.К. Романов и Псковские земли / А.В. Филимонов // Псков (науч.-практ., историко-краевед. журнал). – 2009. – № 39. – С. 114–127. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/professor-k-k-romanov-i-pskovskaya-zemlya>.
497. Филимонова, Т.С. Почтением к памяти польских солдат обратились их соотечественники и местные жители / Т. С. Филимонова // Авангард (Тоцкий район). – 2011.– 19 нояб. – С. 4.
498. Флиер, А.Я. Культура XXI века: аналитический прогноз / А.Я. Флиер // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества / под общ. ред. А.В. Бондарева, Л.М. Мосоловой. – СПб.: СПбКО, 2010. – С. 85 – 88.
499. Формозов, А.А. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории / А.А. Формозов // Вопросы истории. – 1976. – №10. – С. 206.

500. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. – Москва: Касталь, 1996. – 364 с.
501. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
502. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
503. Хайдеггер, М. Ницше / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 608 с.
504. Хайдуков, Д.С. Применение кластерного анализа в государственном управлении/ Д. С. Хайдуков // Философия математики: актуальные проблемы. – Москва: МАКС Пресс, 2009. – 287 с.
505. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 40 – 41 (2 – 3). – С. 8 – 27.
506. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.И. Зенкина. – Москва: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
507. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 422 с.
508. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
509. Хмелевская, Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти / Ю.Ю.Хмелевская // Век памяти, память века: сборник статей «Опыт обращения с прошлым в XX столетии» / под ред. И.Р. Нарского и др. – Челябинск: ЮУрГУ, 2004. – С. 7 – 21.
510. Хоруженко, К.М. Культурология. Энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
511. Цайтхайн – Книга Памяти советских военнопленных: в 2-х т. Дрезден, 2005. – 171 с. (т. 1); 286 с. (т. 2).
512. Циолковский, К.Э. Космическая философия / под ред. акад. В.С. Авдуевского. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 480 с.

513. Цуканов, И.П. История поискового движения в России в конце XX – начале XXI века: на материалах Курской области: автореф. дис. ... канд ист. наук:07.00.02 / Цуканов Игорь Павлович; [Место защиты: Кург. гос. ун-т]. – Курск, 2007. – С. 5.

514. Цуканов, И.П. О роли ВЛКСМ в создании в конце 1980-х – начале 1990-х гг. организованного поискового движения, работающего на местах боев Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / И.П. Цуканов // Ученые записки(электр.научн. журнал Курского гос. ун-та). – 2016. – № 3 (39). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-vlksm-v-sozdanii-v-kontse-1980-h-nachale-1990-h-gg-organizovannogo-poiskovogo-dvizheniya-rabotayuschego-na-mestah-boev-velikoy>.

515. Цукерман, В.С. Музыка и слушатель. Опыт социологического исследования / В.С. Цукерман. – Москва: Музыка, 1972. – 208 с.

516. Чаадаев, П.Я. Сочинения и письма / П.Я. Чаадаев. – Москва, 1914. –Т. 2. – С. 111.

517. Чаплыгин, А.И. Символическая реальность современной войны: культурфилософский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чаплыгин Алексей Иванович; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2009. – 21 с.

518. Чистяков, А.И. Новые горизонты военно-исторической работы / А.И. Чистяков // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 5. – С. 93 – 94.

519. Чижевский, А.Л. В ритме Солнца / А.Л. Чижевский, Ю.Г. Шишина. – Москва: Наука, 1969. – 112 с.

520. Чижевский, А.Л. Вся жизнь / А.Л. Чижевский. – Москва: Сов. Россия, 1974. – 208 с.

521. Чижевский, А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / А.Л. Чижевский. – Москва: Мысль, 1995. – 768 с.

522. Чудаков, А. Убит под Гжатском...// Комсомольская правда. – 1987. – 16 июля.

523. Шеррер, Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти/ Ю. Шеррер // ProetContra. – 2009. – Май – август. – С. 91.

524. Шестаков, В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков. – Москва: Искусство, 1988. – 224 с.

525. Ширяев, Н. Исторические памятники в г. Царское Село /Н. Ширяев // Исторический вестник. – 1893. – Т. LIII. – С. 183.

526. Шуб, М.Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования: монография / М.Л. Шуб. – Челябинск: ЧГИК, 2018. – С. 74 – 153.

527. Шуб, М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Шуб Мария Львовна; [Место защиты:Челяб. гос. ин-т культуры]. – Челябинск, 2018. – 42 с.

528. Шульгин, П.М. Культурное наследие Российской Федерации: первый ежегодный государственный доклад / П.М. Шульгин // Россия и современный мир. – 2013. – № 3 (80). – С. 197.

529. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П.Щедровицкий. – Москва: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.

530. Экскурсию провел губернатор // Южный Урал. –2004. –11 дек.

531. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург: Типо-Лит. И.А. Ефрона, 1890 – 1907.

532. Эткинд, А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

533. Южный Урал. – 2004. – 18 сент. – № 178. – С. 4.

534. Ярцев, А. Возобновление и охранение «забытых могил» / А. Ярцев // Исторический вестник. – 1893. – Т. LIV. – С. 882.

535. Яшкова, Т.В. Патриотическое воспитание молодежи в условиях поисковой деятельности / Т.В. Яшкова // Педагогика. – 2009. – № 10. – С. 52.
536. Яшкова, Т.В. Сохраним историческую память о погибших при защите Отечества / Т.В. Яшкова // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 2. – С. 55.
537. Erll, A. Kollektives Gedachtnis und Erinnerungskultu-ren. Eine Einfahrung / A. Erll. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 2005. – P. 34.
538. Gedenkbuch verstorberner sowjetischer Kriegsgefangener: Friedhof Hammelburg. Bayern – Кассель. –Kassel: Народный союз Германии по уходу за военными могилами, 2002 – 152 с.
539. Knigge, V. Zur Zukunft der Erinnerung/ V. Knigge // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2010. – Vol. 25 – 26. – P. 10 – 16.
540. Koselleck, R. War Memorials: Identity Formation of the Survivors/ R. Koselleck// Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concept. – Stanford: Stanford University Press, 2002. – P. 285–326.
541. Sherman, D. J. The Construction of Memory in Interwar France / D. Sherman. –Chicago: The University of Chicago Press, 1999. – 448 p.
542. Yampolsky, M. In the Shadow of Monuments / M. Yampolsky // Condee N. (ed.). Soviet Hieroglyphics: Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia. –Bloomington: Indiana University Press, 1995. – P. 93 –112.
543. <https://ria.ru/20120912/748537253.html>.
544. <https://narodsobor.ru/2013/04/08/14854-skolko-raz-voevala-rossiya/>.
545. www.kreml.org/other/228520626.
546. <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/nostalgicheskaya-modernizaciya-sovetskoe-proshloe-kak-istoricheskij-gorizont.html>
547. <http://duma.gov.ru/news/45669/>

Приложения

Приложение 1

Таблица 1

Правовые основания государственной политики в отношении военно-мемориального наследия в Российской Федерации

Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»	Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»
<p>Статья 13. Все воинские захоронения, а также памятники и другие мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества, охраняются государством.</p> <p>Статья 3. Захоронения погибших при защите Отечества с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями и объектами являются воинскими захоронениями.</p> <p>К ним относятся: военные мемориальные кладбища, воинские кладбища, отдельные воинские участки на общих кладбищах, братские и индивидуальные могилы на общих кладбищах и вне кладбищ</p>	<p>Преамбула. Федеральный закон регулирует отношения в области государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.</p> <p>Статья 3. Объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды: памятники – ... мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; ансамбли – ... некрополи; достопримечательные места – ... памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историческими (в том числе военными) событиями</p>

(Источник: составлено по: Об увековечении памяти погибших при защите Отечества [закон Российской Федерации от 14.01.1993 г. № 4292-1] // Российская газета. – 1993. – 17 февр. – (№ 32). – С 2 – 4; Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: [фед. закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.)

**Сравнительные характеристики основных мероприятий государственной политики
в сферах учета, охраны, сохранения, использования и популяризации военно-
мемориального наследия**

Мероприятия государственной политики	Нормативные правовые акты		
	Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ	Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1	
	воинское захоронение Героя СССР /РФ, имеющее статус объекта культурного наследия	воинское захоронение Героя СССР/РФ (не имеющее статуса объекта культурного наследия)	памятник, посвященный Герою СССР/РФ (не содержащий прах военнослужащего)
1	2	3	4
Государственные целевые программы	разрабатываются (статья 12)	не предусмотрены	не предусмотрены
Ежегодный государственный доклад	разрабатывается ежегодно (статья 12.1)	не предусмотрены	не предусмотрен
Единый государственный реестр (учет)	проводится Минкультуры РФ (статья 15)	ОБД «Мемориал» составляется Минобороны России	не предусмотрен
Паспортизация (оформление паспорта)	предусмотрен (статья 21)	предусмотрен (статья 5), форма паспорта не утверждена, используется устаревшая форма учетной карточки	не предусмотрен
Информационные надписи и обозначения	предусмотрены (статья 27)	предусмотрен мемориальный знак (статья 5)	не предусмотрены
Государственная историко- культурная экспертиза	проводится (статьи 28 – 32)	не предусмотрена	не предусмотрена
Государственная охрана	осуществляется Министерством культуры РФ, региональными органами охраны объектов культурного наследия, органами местного самоуправления (статьи 9, 33) – порядок определен	осуществляется органами местного самоуправления (статьи 11, 13), порядок не определен, полномочий субъекта РФ не предусмотрено	осуществляется органами местного самоуправления (статьи 11, 13), порядок не определен, полномочий субъекта РФ не предусмотрено

1	2	3	4
Особенности государственной охраны	государственной охране подлежат все элементы памятника (статья 56.2)	не предусмотрены	не предусмотрены
Территория	устанавливается	не предусмотрена	не предусмотрена
Зоны охраны	устанавливаются, порядок определен (статья 34)	устанавливаются, порядок не определен (статья 6)	не предусмотрены
Контроль за состоянием	постоянно	срок не определен	срок не определен
Сохранение (благоустройство, восстановление)	за счет средств собственника, пользователя, силами организации, имеющей лицензию Министерства культуры РФ, порядок определен (статьи 40 – 45, 48)	за счет средств органов местного самоуправления, добровольных взносов и пожертвований юридических и физических лиц, силами любых организаций (статьи 7, 11)	за счет средств органов местного самоуправления, добровольных взносов и пожертвований юридических и физических лиц, силами любых организаций (статьи 7, 11)
Административная ответственность за нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны	Административный штраф от 15 до 200 тысяч рублей на граждан, от 20 до 400 тысяч рублей на должностных лиц, от 200 тысяч до 5 млн рублей – на юридических лиц (статья 7.13 КоАП РФ)	не установлена, несмотря на ссылку в статье 13	не установлена, несмотря на ссылку в статье 13
Уголовная ответственность за повреждение, уничтожение (вандализм)	повреждение, уничтожение: штраф в размере до 3 млн рублей, лишение свободы на срок до трех лет (статья 243 УК РФ)	вандализм, осквернение сооружений в общественных местах наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев (статья 214 УК РФ); осквернение символов воинской славы России, совершенное публично, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года (статья 354.1 УК РФ)	

(Источник: составлено по: Сборник нормативных правовых актов о государственной охране и сохранении культурного наследия в Российской Федерации / сост. И.Н. Свириденко, В.А. Рубин. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. – 324 с.)

Таблица 1

**Общее количество объектов культурного наследия и объектов
военно-мемориального наследия Оренбургской области**

Объекты материального культурного наследия в Оренбургской области	Количество (объектов)
<u>Объекты культурного наследия,</u> в том числе:	<u>2941</u>
Объекты археологического наследия	2167
Объекты архитектуры и истории	593
Объекты культурного наследия монументального искусства	181
<u>Объекты военно-мемориального наследия</u> (с учетом братских могил и одиночных воинских захоронений, отнесенных к объектам культурного наследия монументального искусства)	<u>1398</u>

Таблица 2

**Общее количество объектов военно-мемориального наследия
в Оренбургской области**

Военно-мемориальное наследие	Количество (объектов)
Объекты, посвященные Великой Отечественной войне	1038
Объекты, посвященные Гражданской войне	233
Объекты, посвященные участникам локальных конфликтов	108
Иные военно-мемориальные объекты	19
Всего по Оренбургской области:	1398

**Объекты военно-мемориального наследия в Оренбургской области,
структурированные по наличию однотипных элементов в названии**

Объекты военно-мемориального наследия	Количество (объектов)
Памятник, монумент, монументальный памятник	491
Обелиск	281
Братская могила, могила, захоронение, кладбище, военно-мемориальное захоронение, захоронение военнослужащих, воинское захоронение, иностранное воинское захоронение	215
Мемориальная доска, памятное место, указатель	175
Мемориал, мемориальный комплекс	109
Стела, памятная стела	52
Бюст	30
Памятный знак, мемориальный знак, противотанковая пушка ЗИС-2	17
Мемориальная плита, памятная плита, постамент, гранитная плита	11
Аллея Героев, аллея Славы, аллея, сад	8
Часовня, памятник-часовня	3
Барельеф	2
Дом Памяти, Дом -музей	2
Стена	1
Вечный огонь	1
Всего по Оренбургской области	1398

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. – 576 с.)

Приложение 4

Таблица 1

Общее количество объектов военно-мемориального наследия Оренбургской области

№ п/п	Муниципальный район/городской округ	Объекты, посвященные Великой Отечественной войне	Объекты, посвященные Гражданской войне	Объекты, посвященные участникам локальных войн и конфликтов	Иные военно-мемориальные объекты	Итого мемориалов в муниципальном районе/городском округе
1	2	3	4	5	6	7
1	Абдулинский городской округ	37	1	15	0	53
2	Адамовский район	19	2	1	1	23
3	Акбулакский район	23	4	16	0	43
4	Александровский район	45	2	0	0	47
5	Асекеевский район	29	2	1	0	32
6	Беляевский район	17	2	1	0	20
7	Бугурусланский район	22	4	0	0	26
8	Бугуруслан город	28	1	1	0	30
9	Бузулукский район	39	6	3	0	48
10	Бузулук город	42	5	3	1	51
11	Гайский район (ныне городской округ)	19	0	0	0	19
12	Гай город	4	0	2	0	6
13	Грачевский район	17	4	1	0	22
14	Домбаровский район	8	1	0	0	9
15	Илекский район	20	13	1	3	37
16	Кваркенский район	24	10	4	0	38
17	Красногвардейский район	25	3	0	0	28
18	Кувандыкский городской округ	20	7	1	0	28
19	Курманаевский район	19	4	0	0	23
20	Матвеевский район	18	2	1	0	21
21	Медногорск город	5	0	4	0	9
22	Новоорский район	16	2	7	2	27

Приложение 4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
23	Новосергиевский район	39	14	1	0	54
24	Новотроицк город	9	3	2	0	14
25	Октябрьский район	26	5	0	0	31
26	Оренбург город	44	9	2	3	58
27	Оренбургский район	41	3	0	0	44
28	Орск город	47	4	5	2	58
29	Первомайский район	17	26	0	0	43
30	Переволоцкий район	30	1	0	0	31
31	Пономаревский район	18	5	0	0	23
32	Сакмарский район	23	3	4	1	31
33	Саракташский район	36	6	1	0	43
34	Светлинский район	1	0	0	0	1
35	Северный район	20	10	0	0	30
36	Соль-Илецкий городской округ	30	11	13	0	54
37	Сорочинский район (ныне городской округ)	24	25	0	0	49
38	Сорочинск город	11	1	2	1	15
39	Ташлинский район	28	11	7	2	48
40	Тоцкий район	30	6	0	1	37
41	Тюльганский район	20	7	5	0	32
42	Шарлыкский район	41	8	1	0	50
43	Ясненский район (ныне городской округ)	5	0	0	1	6
44	ЗАТО Комаровский	2	0	3	1	6
	Всего в Оренбургской области	1038	233	108	19	1398

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. – 576 с.)

Приложение 5

Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: общее количество объектов в разрезе типов сооружений на основании выявленных документов учета (в объектах)

№	Тип сооружения Городской округ/ муниципальный район	Братская могила	Мемориал	Противотанковая пушка ЗИС-2	Бюст	Памятник	Мемориальная доска	Обелиск	Монументальный памятник	Мемориальная плита	Вечный огонь	Стела	Могила	Мемориальный комплекс	Монумент	Иностранное воинское захоронение	Памятное место	Дом - музей	Аллея Славы	Аллея Героев	Сад	
																						3
1.	Абдулинский городской округ	4	1	1	2	2	13	24	4	1		1										
2.	Адамовский район	1				13	1	6			1	1										
3.	Акбулакский район	3	3			10	18	4					1	2	1	1						
4.	Александровский район	1	7		1		7	22				6	1				2					
5.	Асекеевский район		5		3	5		13				1		2	1		1	1				
6.	Беляевский район	1	9			3		1				6										
7.	Бугурусланский район	1	1			12		3				1	1	2	4							
8.	Бугуруслан город	3	2			2	12						3		1					1	1	1
9.	Бузулукский район	2	2			8	3	26				4	3									
10.	Бузулук город	4	2		3	8	26	3				1										
11.	Гайский район (ныне городской округ)					6	2	10														
12.	Гай город					1	1													1		
13.	Грачевский район					7		4				1	5	2	1							
14.	Домбаровский район					7	1					1										
15.	Илекский район	4	5			17		3				3		1								
16.	Кваркенский район	4	1			17		6				1										
17.	Красногвардейский район	2	1			20		3					1								1	
18.	Кувандыкский городской округ	3	1		1	11		7					1	2								
19.	Курманаевский район	4	5			7		4						1	1							
20.	Матвеевский район		3		1	3		12														

Приложение 5
Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
21.	Медногорск город		1		1	1		1				1		2							
22.	Новоорский район	1	1		1	4	8	7							2						
23.	Новосергиевский район	4	3		2	20		5	1			8	3								
24.	Новотроицк город		1		1	4	1					1	2		2		1				
25.	Октябрьский район	2				17		8					1		1						
26.	Оренбург город	8	1		2	21	18			1				2						1	
27.	Оренбургский район	2				20		17				1	1	1							
28.	Орск город	9	4			6	14	4		1		2	2		2		11				
29.	Переволоцкий район	14				1		2				2		5			3				
30.	Первомайский район					21	1	8													
31.	Пономаревский район	3				6		7				3	2								
32.	Сакмарский район		1			5	4	10				1	1				7				
33.	Саракташский район	3	1		2	16		19					2								
34.	Светлинский район											1									
35.	Северный район	8	1		1	16						2									
36.	Соль-Илецкий городской округ	5	2		6	17	7	11						2	2						
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)	20	3		1	16		6					3								
38.	Сорочинск город	8	2			2	2								1						
39.	Ташлинский район	7	1			21	9	3		1			1	2							
40.	Тоцкий район	2	3			22		5													
41.	Тюльганский район	5	2			5	3	10				1	1		2						
42.	Шарлыкский район	4	1		1	41		1					1							1	
43.	Ясненский район (ныне городской округ)		2		1			3													
44.	ЗАТО Комаровский					5						1									
45.	Всего по Оренбургской области:	154	83	1	30	465	151	278	5	4	1	51	43	26	21	1	25	1	2	4	1

Приложение 5
Продолжение таблицы 1

№	Городской округ/ муниципальный район	Тип сооружения																		
		Кладбище	Указатель	Захоронение военнослужащих	Военно-мемориальное захоронение	Памятный знак	Захоронение	Памятная плита	Стена	Часовня	Памятная стена	Постамент	Барельеф	Аллея	Гранитная плита	Памятник-часовня	Дом памяти	Мемориальный знак	Воинское захоронение	Всего
1	2	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
1.	Абдулинский городской округ																			53
2.	Адамовский район																			23
3.	Акбулакский район																			43
4.	Александровский район																			47
5.	Асекеевский район																			32
6.	Беляевский район																			20
7.	Бугурусланский район																			25
8.	Бугуруслан город	4																		30
9.	Бузулукский район																			48
10.	Бузулук город		2	1	1															51
11.	Гайский район (ныне городской округ)					1														19
12.	Гай город					1	2													6
13.	Грачевский район																			20
14.	Домбаровский район																			9
15.	Илекский район																			33
16.	Кваркенский район					1	5	3												38
17.	Красногвардейский район																			28
18.	Кувандыкский городской округ																			26
19.	Курманаевский район																			22
20.	Матвеевский район								1	1										21
21.	Медногорск город						1				1									9

Приложение 5
Продолжение таблицы 1

1	2	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
22.	Новоорский район					1						1		1						27
23.	Новосергиевский район					1						1	1							49
24.	Новотроицк город							1												14
25.	Октябрьский район																			29
26.	Оренбург город					2							1				1			58
27.	Оренбургский район				1	1														44
28.	Орск город					3														58
29.	Первомайский район																			27
30.	Переволоцкий район																			30
31.	Пономаревский район																			21
32.	Сакмарский район																		1	30
33.	Саракташский район																			43
34.	Светлинский район																			1
35.	Северный район																			28
36.	Соль-Илецкий городской округ				1	1									1					55
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)																			49
38.	Сорочинск город																			15
39.	Ташлинский район									1						1				47
40.	Тоцкий район					1												1		34
41.	Тюльганский район					2														31
42.	Шарлыкский район																			50
43.	Ясненский район (ныне городской округ)																			6
44.	ЗАТО Комаровский																			6
45.	Всего по Оренбургской области:	4	2	1	3	15	8	4	1	2	1	2	2	1	1	1	1	1	1	1398

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. –576 с.)

Приложение 6

Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: общее количество объектов в разрезе типов сооружений, выявленных автором исследования в ходе визуального обследования (в объектах)

№	Тип сооружения Городской округ/ муниципальный район	Братская могила	Бюст	Памятник	Мемориальная доска	Обелиск	Монументальный памятник	Мемориальная плита	Вечный огонь	Стела	Мемориальный комплекс	Монумент	Иностранное воинское захоронение	Памятное место	Дом - музей	Аллея Славы	Аллея Героев	Сад
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1.	Абдулинский городской округ	4	2	4	13	11			4	14								
2.	Адамовский район	2	1	3	1	1		1	4	9								
3.	Акбулакский район	3		4	19			3	2	8	1							
4.	Александровский район	1	1		7	15			5	15								
5.	Асекеевский район		3			6		1	3	15			1	1				
6.	Беляевский район	1		3		1		1	6	8								
7.	Бугурусланский район	2		4		2			2	13								
8.	Бугуруслан город	4			12					2				1	1		1	
9.	Бузулукский район	4			2	6			7	22								
10.	Бузулук город	5	4	1	28				2	6								
11.	Гайский район (ныне городской округ)			2	2	2			6	3								
12.	Гай город			1	3										1			
13.	Грачевский район			2		1			3	9								
14.	Домбаровский район			1	1	1		1	2	2								
15.	Илекский район	11				4			3	15						1		
16.	Кваркенский район	6		4	3	6		1	2	8								
17.	Красногвардейский район	2				1		2	1	11						1		
18.	Кувандыкский городской округ	5	1			4			2	14								
19.	Курманаевский район	4				2			1	16								
20.	Матвеевский район		1			2			3	6								

Приложение 6
Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
21.	Медногорск город	1	1			1				2	1							
22.	Новоорский район	1	1		8	1		1		4	8							
23.	Новосергиевский район	10	1	3		5		1		4	22							
24.	Новотроицк город	1	1		1					1	4							
25.	Октябрьский район	4		1		6				4	9							
26.	Оренбург город	8	3	4	18	4		3		3	10							
27.	Оренбургский район	4		1				2		8	24							
28.	Орск город	9		2	14			2		5	7		11					
29.	Первомайский район	14		1		2				3	15							3
30.	Переволоцкий район			7	1	3		1		3	14							
31.	Пономаревский район	3				6				4	7							
32.	Сакмарский район		1		4	2		1		4	10		6					
33.	Саракташский район	3	2	3		8				5	12							
34.	Светлинский район										1							
35.	Северный район	10	1			7					9							
36.	Соль-Илецкий городской округ	5	6	1	9	3				4	22							
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)	19	1	2		1				6	14							
38.	Сорочинск город	8			2					2	1							
39.	Ташлинский район	7		5	9	11	1	1		1	12							
40.	Тоцкий район	4		1		3		1	1		19		1					
41.	Тюльганский район	4		1	4	4		1		7	9							
42.	Шарлыкский район	5		2		9				4	19					1		
43.	Ясненский район (ныне городской округ)		1			2					3							
44.	ЗАТО Комаровский		2	1						1	1							
45.	Всего по Оренбургской области:	174	34	64	161	143	1	24	1	133	449	1	19	2	2	3	1	

Приложение 6
Продолжение таблицы 1

№	Городской округ/ муниципальный район	Тип сооружения											Всего	
		Памятный знак	Захоронение	Памятная плита	Часовня	Барельеф	Дом памяти	Воинское захоронение	Мемориальное сооружение	Плита	Мемориальная стена	Аллея Победы		Аллея Ветеранов
1	2	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
1.	Абдулинский городской округ	1												53
2.	Адамовский район								1					23
3.	Акбулакский район							1	1	1				43
4.	Александровский район	1						1	1					47
5.	Асекеевский район								2					32
6.	Беляевский район													20
7.	Бугурусланский район								2		1			26
8.	Бугуруслан город	1						7	1					30
9.	Бузулукский район							2	4		1			48
10.	Бузулук город	3						1			1			51
11.	Гайский район (ныне городской округ)	1							3					19
12.	Гай город	1												6
13.	Грачевский район	1						5	1					22
14.	Домбаровский район										1			9
15.	Илекский район	3												37
16.	Кваркенский район	1						4	2		1			38
17.	Красногвардейский район							1	9					28
18.	Кувандыкский городской округ							1			1			28
19.	Курманаевский район													23
20.	Матвеевский район	1			1			2	4		1			21
21.	Медногорск город	2			1									9
22.	Новоорский район	2											1	27

Приложение 6
Продолжение таблицы 1

1	2	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
23.	Новосергиевский район	1		1				3	2	1				54
24.	Новотроицк город	2		1				2	1					14
25.	Октябрьский район							1	5		1			31
26.	Оренбург город	3				1	1							58
27.	Оренбургский район	2						2	1					44
28.	Орск город	4						2	2					58
29.	Первомайский район	3						5						43
30.	Переволоцкий район	1							1					31
31.	Пономаревский район							2	1					23
32.	Сакмарский район							2	1					31
33.	Саракташский район	1						2	6		1			43
34.	Светлинский район													1
35.	Северный район								1				2	30
36.	Соль-Илецкий городской округ	2		1				1						54
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)		1					4	1					49
38.	Сорочинск город	1									1			15
39.	Ташлинский район							1						48
40.	Тоцкий район	2						2		3				37
41.	Тюльганский район	1						1						32
42.	Шарлыкский район	2						2	3			1	2	50
43.	Ясненский район (ныне городской округ)													6
44.	ЗАТО Комаровский	1												6
45.	Всего по Оренбургской области:	44	1	3	2	1	1	57	56	5	10	1	5	1398

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. –576 с.)

Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: общее количество элементов памяти,
входящих в состав объектов военно-мемориального наследия

№	Тип сооружения Городской округ/ муниципальный район	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	
																						(Аллея) ПаркПобеды
1.	Абдулинский городской округ						2	1		1	6		4		2	3						
2.	Адамовский район	2											2			6						
3.	Акбулакский район							1			1		3		5	5	1					
4.	Александровский район												1		1	7	1					
5.	Асекеевский район										6				15	14			1			
6.	Беляевский район										6		1			5						
7.	Бугурусланский район												2		4	2	1	4				
8.	Бугуруслан город			2									4			1	3					
9.	Бузулукский район										9		4			15	3					
10.	Бузулук город										1		6		1	1	1	1				
11.	Гайский район (ныне городской округ)						1				1					1						
12.	Гай город							1														
13.	Грачевский район										2											
14.	Домбаровский район										5				2	4	5					
15.	Илекский район										9		11		2	14						
16.	Кваркенский район										4		6			6	4					
17.	Красногвардейский район	1				1					11		2			7	1	8				
18.	Кувандыкский городской округ	3									3		5		3	12	1	1				

Приложение 7
Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
19.	Курманаевский район										9		4			15					
20.	Матвеевский район					1					2				1	4	2	4			
21.	Медногорск город										1				1	1					
22.	Новоорский район				1								1		1	9					
23.	Новосергиевский район										8		10		2	7	3				
24.	Новотроицк город							1			1	1	1	1	1	2	1	2		1	1
25.	Октябрьский район									1	2		4			9	1				
26.	Оренбург город	1									10		9		4	4		7		1	
27.	Оренбургский район	1									14		3		1	25	2				
28.	Орск город	1	1								1		12		11	1	4	2			
29.	Первомайский район										18		14		3	15	5				
30.	Переволоцкий район										2					15					
31.	Пономаревский район								1		4		3			6	2				
32.	Сакмарский район										2				2	6	1				
33.	Саракташский район					2			2		9		3		2	3	2				
34.	Светлинский район															1					
35.	Северный район	1									1		9		1	7					
36.	Соль-Илецкий городской округ							1			2		5		5	21	1				
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)							1			2		19		3	10	3	8			
38.	Сорочинск город												8			1					
39.	Ташлинский район							1			4		7			16	1				
40.	Тоцкий район										1		4			20	2				
41.	Тюльганский район							1			1		5			9	1				
42.	Шарлыкский район	1							1		5		7		4	14	1				
43.	Ясненский район (ныне городской округ)										7				1	2					
44.	ЗАТО Комаровский														2	1					
45.	Всего по Оренбургской области:	11	1	2	1	4	3	8	4	2	170	1	179	1	80	327	53	37	1	2	1

Приложение 7
Продолжение таблицы 1

№	Тип сооружения Городской округ/ муниципальный район	Иностранное воинское захоронение	Каменное надгробие	Камень	Корабельная мина	Корпус артиллерийских снарядов	Крест	Мемориальная доска	Мемориальная табличка	Мемориальные тумбы	Мемориальный знак	Металлическая конструкция - купол	Музей военной техники	Обелиск	Памятник	Памятное место	Памятный знак
1.	Абдулинский городской округ							14						16	9		
2.	Адамовский район							1		2				1	8		
3.	Акбулакский район	1						18						2	9		
4.	Александровский район							8						23	3		2
5.	Асекеевский район							2						10	10	1	
6.	Беляевский район													1	8		
7.	Бугурусланский район													7	10		
8.	Бугуруслан город	4						12		8				1			
9.	Бузулукский район							5						15	5		
10.	Бузулук город	1					1	29						3	2	24	4
11.	Гайский район (ныне городской округ)							2						4	6		1
12.	Гай город							5			1				1		
13.	Грачевский район							1						1	1		
14.	Домбаровский район													3	7		2
15.	Илекский район						2				2			18	5		
16.	Кваркенский район							3						11	8		3
17.	Красногвардейский район							50					1	1	5		
18.	Кувандыкский городской округ													5	12	1	
19.	Курманаевский район													2	16		
20.	Матвеевский район													4	2		1
21.	Медногорск город						1							1			1
22.	Новоорский район			1				8						1	1		1

Приложение 7
Продолжение таблицы 1

1	2	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
23.	Новосергиевский район			1				3						9	14		
24.	Новотроицк город						19	1						1	1	1	
25.	Октябрьский район													6	11		
26.	Оренбург город							18						7	7	18	
27.	Оренбургский район													3	7		
28.	Орск город	5			1	5	1	25						2	3	12	5
29.	Переволоцкий район													4	10		
30.	Пономаревский район							1						3	19		
31.	Первомайский район						1							6	1		
32.	Сакмарский район		1	1				14						5		6	
33.	Саракташский район													9	7		
34.	Светлинский район																
35.	Северный район													10	11		
36.	Соль-Илецкий городской округ			1				7	17			1		8	11	1	
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)			1										3	9		
38.	Сорочинск город			1			2	3							2	1	
39.	Ташлинский район							9						16	14		
40.	Тоцкий район						2							5	17	1	
41.	Тюльганский район							4						5	1		
42.	Шарлыкский район			1			1							10	14		
43.	Ясненский район (ныне городской округ)													2	2		
44.	ЗАТО Комаровский														1		
45.	Всего по Оренбургской области:	11	1	7	1	5	30	243	17	10	3	1	1	244	290	66	11

Приложение 7
Продолжение таблицы 1

№	Тип сооружения Городской округ/ муниципальный район	Парк Боевой Славы	Парк Славы	Плита	Противотанковая пушка	Пушка	Пушка гаубица	Рельеф	Скульптура	Стела	Стена	Стенд	Танк Т-34	Церковь	Часовня	Всего
1.	Абдулинский городской округ			14						10	7	1				90
2.	Адамовский район			8						22	2					54
3.	Акбулакский район			14						7	6	1				74
4.	Александровский район			25		1				11	1	2				86
5.	Асекеевский район			7						11	9	2				88
6.	Беляевский район			19						12	1					53
7.	Бугурусланский район			7						9	10	1				57
8.	Бугуруслан город			7	1					31	1					75
9.	Бузулукский район			21						19	14					110
10.	Бузулук город	1		48				11		18	1				1	155
11.	Гайский район (ныне городской округ)			2						9	1					28
12.	Гай город			10												18
13.	Грачевский район			5						4	3					17
14.	Домбаровский район			18						9	2	2				59
15.	Илекский район			6						34	12					115
16.	Кваркенский район			10						8	1	2				66
17.	Красногвардейский район		1	5						21	9	4				128
18.	Кувандыкский городской округ			20						7	12					85
19.	Курманаевский район			29						16	8					99
20.	Матвеевский район			14						10	2	6			1	54
21.	Медногорск город					1				6	1				1	15

Приложение 7
Продолжение таблицы 1

1	2	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53
22.	Новоорский район			6						16	3					49
23.	Новосергиевский район			31						35	2					125
24.	Новотроицк город			30						6	3					75
25.	Октябрьский район			26						11	6	2				79
26.	Оренбург город		2	14						9	4					118
27.	Оренбургский район			29		1				35	18	2				145
28.	Орск город			34			1	1		8					4	138
29.	Переволоцкий район			30						9	12					127
30.	Пономаревский район			8						10	5					64
31.	Первомайский район			21						14	1					60
32.	Сакмарский район			19						14		4				75
33.	Саракташский район			23						16	4					83
34.	Светлинский район									1						2
35.	Северный район									1	5	2				48
36.	Соль-Илецкий городской округ			41					1	35	3					162
37.	Сорочинский район (ныне городской округ)			6						14	5					84
38.	Сорочинск город			5						3	4					30
39.	Ташлинский район			15						2	4	1				90
40.	Тоцкий район			40						7	9	1	1			115
41.	Тюльганский район			16						14				1		59
42.	Шарлыкский район			28						13	5					107
43.	Ясенский район (ныне городской округ)			1						2	2					19
44.	ЗАТО Комаровский									2						7
45.	Всего по Оренбургской области:	1	3	712	1	3	1	12	1	551	198	33	1	1	7	3387

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. –576 с.)

№п/п	Наименование элемента памяти	Количество
1	2	3
1.	Аллея (ПаркПобеды)	11
2.	Адмиралтейский камень	1
3.	Аллея	2
4.	Аллея Ветеранов	1
5.	Аллея Героев	4
6.	Аллея Памяти	3
7.	Аллея Славы	8
8.	Арка	4
9.	Артиллерийское орудие	2
10.	Барельеф	170
11.	БМП - 1	1
12.	Братская могила	179
13.	Броневик	1
14.	Бюст	80
15.	Вечный огонь	327
16.	Воинское захоронение	53
17.	Горельеф	37
18.	Дом музей	1
19.	Дом памяти	2
20.	Земной шар	1
21.	Иностранное воинское захоронение	11
22.	Каменное надгробие	1
23.	Камень	7
24.	Корабельная мина	1
25.	Корпус артиллерийских снарядов	5
26.	Крест	30
27.	Мемориальная доска	243
28.	Мемориальная табличка	17
29.	Мемориальные тумбы	10
30.	Мемориальный знак	3
31.	Металлическая конструкция в форме купола	1
32.	Музей военной техники	1
33.	Обелиск	244
34.	Памятник	290
35.	Памятное место	66
36.	Памятный знак	44
37.	Парк боевой славы	1
38.	Парк Славы	3
39.	Плита	712
40.	Противотанковая пушка	1
41.	Пушка	3
42.	Пушка гаубица	1
43.	Рельеф	12
44.	Скульптура	1
45.	Стела	551
46.	Стена	198
47.	Стенд	33

Приложение 7
Продолжение таблицы 2

1	2	3
48.	Танк Т -34	1
49.	Церковь	1
50.	Часовня	7
	Всего	3387

(Источник: составлено по: Военно-мемориальное наследие Оренбургской области: свод объектов культурного наследия мемориального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов / В.А. Рубин, А.В. Федорова. – Оренбург: Димур, 2015. – 576 с.)

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ

ЗАКОН (ПРОЕКТ)

**ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ
ОБЛАСТИ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА,
ЖЕРТВ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан. В традиционном мировоззрении народов Российской Федерации важным элементом является почитание усопших и бережное отношение к погребениям предков, отличившихся своей самоотверженной жизнью.

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Закона

Предметом регулирования настоящего Закона являются отношения, возникающие в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны всех воинских захоронений, памятников и других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, расположенных на территории Оренбургской области (далее – военно-мемориальные объекты).

Настоящий закон также определяет формы поисковой работы, порядок ее проведения, полномочия органов государственной власти Оренбургской области и органов местного самоуправления муниципальных образований Оренбургской области (далее – органы местного самоуправления) в сфере поисковой работы, устанавливает порядок формирования и ведения реестра поисковых объединений, а также регулирует вопросы организации просвещения в сфере поисковой работы.

Статья 2. Понятия и термины, используемые в настоящем Законе

Понятия и термины, используемые в настоящем Законе, применяются в значениях, определенных в Законе Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (далее – Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»).

Памятники и другие мемориальные сооружения и объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов, расположенные на территории Оренбургской области, – это мемориальные комплексы, памятники, обелиски, стелы, бюсты, мемориальные сооружения, мемориальные доски, памятные знаки, вечные огни, памятные плиты (надгробия), парки (аллеи, скверы, сады) Славы без праха военнослужащих, посвященные погибшим при защите Отечества, жертвам войны и военных конфликтов, расположенные на территории Оренбургской области, возникшие в период с 1737 по 2019 годы и учреждаемые впредь.

Мемориальный комплекс – территория с размещенными на ней монументальными архитектурными сооружениями: скульптурными группами, обелисками, стелами и памятниками, аллеями Славы, Вечным огнем, посвященными погибшим при защите Отечества, выдающимся событиям из истории страны и народа, ее населяющего.

Мемориальное сооружение – это произведение монументального искусства и архитектуры, создаваемое в память об отдельных гражданах и исторических событиях (мемориальные доски и другие памятные знаки).

Скульптура – объемное изображение человека, животного, неодушевленного предмета. Монументальная скульптура (монумент) имеет большие размеры, связана с архитектурным окружением, несет в себе выраженную идею (памятник основателям губернии, города). Монументально-декоративная скульптура определяет убранство

архитектурных сооружений и комплексов (атланты, кариатиды, садово-парковая скульптура).

Памятник (как произведение монументального искусства) – скульптурное изображение человека в полный рост, группы людей.

Бюст – скульптурное изображение головы и верхней части тела человека (по грудь или по пояс).

Обелиск – монументальное сооружение в виде высокого граненого, чаще квадратного в сечении, суживающегося кверху столба.

Стела – вертикально стоящая каменная плита (обычно надгробная), столб с надписью или рельефным изображением.

Надгробие (памятная плита) – сооружение на могиле для увековечения памяти умершего.

Мемориальная доска – плита, обычно из долговечного камня (мрамор, гранит) или металлического сплава (бронза, чугун), увековечивающая память о знаменитом человеке или событии. Устанавливаются на зданиях, в которых проживала или работала знаменитая персона или в которых (возле которых) произошло важное событие. На мемориальной доске обычно изображен профиль или бюст человека и пояснительная надпись.

Памятный знак – мемориальное сооружение, посвященное отдельному гражданину, группе людей, историческому событию (например, в форме раскрытой книги, рельефного Вечного огня и др.).

Вечный огонь – постоянно горящий огонь, символизирующий вечную память о чем-либо или о ком-либо. Непрерывное горение достигается путем подачи газа к определенному месту сжигания. Обычно входит в мемориальный комплекс (в сельских населенных пунктах Оренбургской области по инициативе местных жителей с 1960-х гг. также практикуется установка временных газовых горелок к дням воинской славы России).

Аллея Славы – дорога, пешеходная или проезжая (обычно в парке или саду, на территории мемориального комплекса), с высаженными по обеим

сторонам деревьями, иногда в сочетании с кустарниками или мемориальными сооружениями.

Неизвестное воинское захоронение – место погребения погибших при защите Отечества в одиночных или братских могилах, не находящееся на учете в органах местного самоуправления.

Субъекты поисковой работы – поисковые объединения, поисковые отряды и иные органы и организации, участвующие в осуществлении поисковой работы.

Поисковое объединение – общественное объединение, созданное в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, с целью осуществления деятельности по увековечению памяти погибших при защите Отечества, уполномоченное в соответствии с настоящим законом и уставом поискового объединения на проведение поисковой работы.

Поисковый отряд – структурное подразделение поискового объединения, формируемое из числа членов (участников) этого объединения для непосредственного проведения поисковой работы.

Поисковая работа – одна из форм увековечения памяти о погибших при защите Отечества, проводимой на территории Российской Федерации с целью обнаружения и погребения оставленных на полях боев останков погибших при защите Отечества, выявление не состоящих на учете воинских захоронений, установление имен погибших и пропавших без вести, а также умерших от ран, контузий, увечий и заболеваний, полученных при защите Отечества или исполнении служебных обязанностей, независимо от времени выбытия при ведении боевых действий в периоды войн, вооруженных конфликтов, антитеррористических и специальных операций, других событий, связанных с защитой интересов российского государства во все периоды его существования.

Поисковик – физическое лицо, являющееся членом (участником) поискового объединения, прошедшее специальную подготовку для проведения поисковой работы в соответствии с настоящим законом.

Уполномоченная организация Оренбургской области в сфере поисковой работы (далее – уполномоченная организация) – общественное объединение Оренбургской области, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Оренбургской области в целях проведения поисковой работы.

Статья 3. Полномочия Законодательного Собрания Оренбургской области по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов

Законодательное Собрание Оренбургской области осуществляет законодательное регулирование в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны военно-мемориальных объектов в порядке и случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и Оренбургской области.

Законодательное Собрание Оренбургской области принимает областные законы в сфере поисковой работы, осуществляет контроль за исполнением областных законов в сфере поисковой работы, утверждает в составе областного бюджета расходы на реализацию мероприятий в сфере поисковой работы, осуществляет иные полномочия в сфере поисковой работы, установленные законодательством Российской Федерации и законодательством Оренбургской области.

Статья 4. Полномочия Правительства Оренбургской области по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов

К полномочиям Правительства Оренбургской области по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, относятся:

координация деятельности органов местного самоуправления по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, на территории Оренбургской области;

уполномочивание общественного объединения на проведение

поисковой работы, установление порядка проведения поисковой работы на территории Оренбургской области и за ее пределами силами оренбургских поисковых объединений и отрядов;

определение основных направлений государственной политики Оренбургской области в сфере поисковой работы;

утверждение долгосрочных целевых программ Оренбургской области, содержащих мероприятия, связанные с проведением поисковой работы;

принятие решений об осуществлении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов, осуществление иных полномочий в сфере поисковой работы в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Оренбургской области.

Статья 5. Полномочия органа исполнительной власти Оренбургской области в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов

К полномочиям органа исполнительной власти Оренбургской области в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

полномочия по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (мемориальных квартир; мавзолеев, отдельных захоронений; произведений монументального искусства; объектов науки и техники, включая военных объектов), установленные Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

ведение регионального списка военно-мемориальных объектов;

принятие решений об осуществлении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов.

Статья 6. Полномочия исполнительного органа государственной власти, обеспечивающего реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области

К полномочиям исполнительного органа государственной власти, обеспечивающего реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области, относятся:

координация деятельности исполнительных органов государственной власти Оренбургской области в сфере поисковой работы с иными субъектами поисковой работы;

утверждение формы и порядка ведения реестра поисковых объединений, а также формы свидетельства о включении в него поискового объединения;

представление Правительству Оренбургской области на утверждение кандидатуры уполномоченной на проведение поисковой работы организации; проекта положения о порядке проведения поисковой работы на территории Оренбургской области и за ее пределами; план ежегодных мероприятий;

участие в разработке долгосрочных целевых программ Оренбургской области, содержащих мероприятия, связанные с проведением поисковой работы;

утверждение ведомственным нормативным правовым актом порядка ведения и формы реестра поисковых объединений.

Статья 7. Полномочия органов местного самоуправления Оренбургской области, осуществляющих работу по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов

К полномочиям органов местного самоуправления Оренбургской области, осуществляющих работу по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, относятся:

осуществление мероприятий по содержанию в порядке и

благоустройству воинских захоронений, мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, которые находятся на их территориях, а также работ по реализации межправительственных соглашений по уходу за захоронениями иностранных военнослужащих на территории Российской Федерации;

содержание мест захоронения, оборудование и оформление могил и кладбищ погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов;

организация и проведение захоронения непогребенных останков погибших, обнаруженных в ходе поисковой работы;

перезахоронение останков погибших проводится с обязательным уведомлением родственников погибших, розыск которых осуществляют органы военного управления;

государственный учет, составление паспортов воинских захоронений, установка мемориальных знаков на воинские захоронения;

содержание воинских захоронений в надлежащем состоянии;

установление охранных зон и зон охраняемого природного ландшафта в местах воинских захоронений в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации;

согласование строительных, земляных, дорожных и других работ, в результате которых могут быть повреждены воинские захоронения;

обеспечение сохранности воинских захоронений;

восстановление пришедших в негодность воинских захоронений, мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших;

благоустройство обнаруженных неизвестных ранее воинских захоронений после их обследования, учета и регистрации с участием воинских частей, дислоцированных на соответствующих территориях;

осуществление учета памятников и других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества,

жертв войны и военных конфликтов, без праха погибших, расположенных на территории Оренбургской области.

Статья 8. Полномочия уполномоченной организации

Уполномоченная организация:

направляет предложения в исполнительный орган государственной власти, обеспечивающий реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области, в целях разработки долгосрочных целевых программ Оренбургской области, содержащих мероприятия, связанные с проведением поисковой работы;

взаимодействует с субъектами поисковой работы по вопросам увековечения памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов;

привлекает к участию в работах по захоронению (перезахоронению) останков погибших при защите Отечества органы военного управления и иные органы и организации;

формирует и направляет в исполнительный орган государственной власти, обеспечивающий реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области, план ежегодных мероприятий, требующих финансирования из бюджета Оренбургской области;

согласовывает сроки и места проведения поисковой работы;

оказывает содействие поисковым объединениям в проведении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов;

разрабатывает и утверждает программы специальной подготовки поисковиков;

оказывает финансовую и иную поддержку при проведении поисковой работы в порядке, установленном законодательством Оренбургской области;

оказывает содействие в издании Книг Памяти;

размещает на официальном сайте Правительства Оренбургской области

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» реестр поисковых объединений и поддерживает его в актуальном состоянии;

осуществляет иные полномочия в сфере поисковой работы в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Оренбургской области.

Статья 9. Полномочия поисковых объединений

1. Поисковые объединения при осуществлении своих полномочий имеют право:

участвовать в захоронении (перезахоронении) найденных в ходе поисковой работы останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, в том числе останков военнослужащих армий других государств;

участвовать в разработке долгосрочных целевых программ Оренбургской области, содержащих мероприятия, связанные с проведением поисковой работы;

участвовать в формировании ежегодного плана поисковой работы;

разрабатывать программы и планы подготовки поисковиков, методики и инструкции по проведению поисковой работы;

вносить в уполномоченную организацию предложения по вопросам совершенствования поисковой работы;

проводить научно-исследовательскую и просветительскую работу по вопросам военной истории и патриотического воспитания;

принимать участие в поиске родственников погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов;

получать в установленном законодательством Российской Федерации порядке информацию, необходимую для осуществления поисковой работы (за исключением информации, составляющей государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну);

оказывать помощь правоохранительным органам в пресечении проведения поисковой работы в порядке самостоятельной инициативы, а

также надругательств над воинскими захоронениями, уничтожения и повреждения объектами археологического наследия.

2. Поисковые объединения при осуществлении своих полномочий обязаны:

уведомлять органы местного самоуправления о нахождении на территориях соответствующих муниципальных образований Оренбургской области (иных регионов Российской Федерации) неизвестных воинских захоронений;

осуществлять в установленном законодательством Российской Федерации порядке передачу родственникам и в музеи обнаруженных при проведении поисковой работы наград и личных вещей погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов;

осуществлять в установленном законодательством Российской Федерации порядке передачу стрелкового оружия в правоохранительные органы и ставить в известность об этом органы военного управления;

ежегодно представлять в уполномоченную организацию информационный и финансовый (в случае финансирования поисковой работы за счет средств областного бюджета и иных не запрещенных бюджетным законодательством Российской Федерации источников) отчеты о проведенной поисковой работе.

Статья 10. Порядок увековечения на территории Оренбургской области памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов

Увековечение памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов (а также событий гражданской истории, выдающихся деятелей России и Оренбургской области), осуществляется на основании положений:

об увековечении памяти выдающихся граждан, событий и организаций, по наименованию (переименованию) улиц, площадей, иных муниципальных

объектов и установлению мемориальных сооружений в городском округе, муниципальном районе;

о рабочей группе (комиссии) по рассмотрению материалов об увековечении памяти выдающихся граждан, событий и организаций, по наименованию (переименованию) улиц, площадей, иных муниципальных объектов и установлению мемориальных сооружений в городском округе, муниципальном районе,

разработанных и утвержденных органами местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Оренбургской области.

При принятии в установленном порядке главой (главой администрации, советом депутатов) городского округа или муниципального района Оренбургской области решений об установке мемориальных сооружений и иных объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, на территории городского округа или муниципального района Оренбургской области, указанными решениями определяются органы муниципальной власти городского округа, муниципального района, органы местного самоуправления, ответственные за содержание устанавливаемых военно-мемориальных объектов.

Органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Оренбургской области, органы городской и муниципальной власти Оренбургской области обеспечивают оформление имущественных прав сельских советов, городских округов и муниципальных районов Оренбургской области на военно-мемориальные объекты, земельные участки под ними, и организацию балансового учета подведомственными организациями.

Текущее содержание в надлежащем состоянии военно-мемориальных объектов Оренбургской области в целях поддержания их экспозиционного вида, в том числе необходимые сезонные расчистку и промывку от загрязнений, герметизацию межблочных швов постаментов и отмолок,

гидрофобизацию и биоцидную обработку, окраску металлических оград и решеток, выравнивание положения элементов надмогильного сооружения (военно-мемориального объекта, ограды, цветника, цоколя и др.), благоустройство прилегающей территории, осуществляют органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Оренбургской области, органы городской и муниципальной власти Оренбургской области или подведомственные им организации, определяемые муниципальными правовыми актами.

Восстановление (замену на новый, ремонт и реставрацию) военно-мемориальных объектов, пришедших в негодность, осуществляют органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Оренбургской области, органы городской и муниципальной власти Оренбургской области или подведомственные им организации, определяемые муниципальными правовыми актами.

Пришедшие в полную негодность военно-мемориальные объекты (отдельные элементы мемориального комплекса, надмогильных сооружений) подлежат обязательной утилизации органами местного самоуправления в десятидневный срок после замены на новые объекты.

Учет и мониторинг состояния военно-мемориальных объектов, находящихся на территории городских округов и муниципальных районов Оренбургской области проводится органами местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Оренбургской области.

Контроль за содержанием военно-мемориальных объектов осуществляют главы городских округов и муниципальных районов Оренбургской области путем подготовки ежегодного доклада о проделанной работе по сохранению и благоустройству военно-мемориальных объектов городского округа, муниципального района (в срок до 30 января года следующего за отчетным). Текст доклада направляется в Правительство Оренбургской области, орган исполнительной власти Оренбургской области в сфере сохранения, использования, популяризации государственной

охраны объектов культурного наследия, а также государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области».

Статья 11. Популяризация увековечения на территории Оренбургской области памяти погибших при защите Отечества, жертв войн и военных конфликтов

Органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, органы городской и муниципальной власти Оренбургской области определяют шефские организации над военно-мемориальными объектами (учреждения образования, культуры, социального обеспечения, физической культуры и спорта, промышленные предприятия, организации всех форм собственности).

Муниципальные правовые акты, текст ежегодного доклада по сохранению и благоустройству военно-мемориальных объектов городского округа, муниципального района, отчеты о проведении памятно-мемориальных мероприятий и иные документы, принимаемые в целях сохранения, использования и популяризации военно-мемориальных объектов, подлежат обязательному опубликованию на официальном сайте городского округа, муниципального района Оренбургской области и передаче на хранение в государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области».

Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» формирует и пополняет специальный фонд «Военно-мемориальное наследие Оренбургской области», как учреждение, обеспечивающее комплектование, сохранность, учет, использование Архивного фонда Российской Федерации.

Статья 12. Организация поисковой работы на территории Оренбургской области и за ее пределами

В целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших или имен пропавших без вести проводится поисковая работа. Она организуется и проводится

общественными организациями, уполномоченными на проведение такой работы.

Уполномоченная на проведение поисковой работы организация утверждается Правительством Оренбургской области путем принятия постановления по представлению органа, обеспечивающего реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области.

Проведение поисковой работы в местах, где велись военные действия, а также вскрытие воинских захоронений на территории Оренбургской области в порядке самодеятельной инициативы запрещается.

Статья 13. Реестр поисковых объединений

Реестр поисковых объединений (далее – реестр) содержит перечень поисковых объединений, зарегистрированных в Оренбургской области.

Порядок ведения и форма реестра утверждаются ведомственным нормативным правовым актом исполнительного органа государственной власти, обеспечивающего реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области.

Сведения, содержащиеся в реестре, являются открытыми и общедоступными. Реестр размещается уполномоченной организацией на официальном сайте Правительства Оренбургской области в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и поддерживается в актуальном состоянии.

Статья 14. Ведение реестра

Реестр формируется посредством включения и исключения из него поисковых объединений на основании письменных заявлений.

Для включения в реестр общественное объединение представляет уполномоченной организации следующие документы:

заявление о включении в реестр;

копию устава общественного объединения;

сведения об адресе (о местонахождении) постоянно действующего

руководящего органа общественного объединения.

Копии документов, предусмотренные настоящим пунктом, должны быть заверены надлежащим образом.

Для включения в реестр общественное объединение вправе по собственной инициативе представить в уполномоченную организацию копию свидетельства о государственной регистрации юридического лица (в случае, если общественное объединение зарегистрировано в качестве юридического лица в установленном законодательством Российской Федерации порядке).

Устав общественного объединения должен содержать положение о том, что уставной целью деятельности данного общественного объединения является выявление неизвестных воинских захоронений и (или) непогребенных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов.

Заявление о включении в реестр, заверенная копия устава общественного объединения, сведения об адресе постоянно действующего руководящего органа общественного объединения представляются в уполномоченную организацию ежегодно в период с 20 октября до 1 декабря текущего года.

Для вновь созданных общественных объединений, предусматривающих основной своей деятельностью проведение поисковой работы в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, сроки подачи указанных документов не ограничены.

Уполномоченная организация при отсутствии установленных настоящим законом оснований для отказа во внесении сведений об общественном объединении в реестр не позднее чем через 30 дней со дня получения документов, указанных в пункте 2 настоящей статьи, вносит сведения об общественном объединении в реестр и выдает заявителю свидетельство о внесении в реестр.

Во внесении сведений об общественном объединении в реестр

отказывается по следующим основаниям:

несоответствие представленных документов требованиям, указанных в настоящей статье;

непредставление одного или нескольких документов, предусмотренных настоящей статьей.

Решение об отказе во внесении сведений об общественном объединении в реестр должно содержать мотивированное обоснование такого отказа.

Решение об отказе во внесении сведений об общественном объединении в реестр направляется заявителю в письменной форме не позднее чем через 30 дней со дня получения уполномоченной организацией документов, указанных в настоящей статье.

Отказ во внесении сведений об общественном объединении в реестр, а также непринятие уполномоченной организацией в установленный срок соответствующего решения могут быть обжалованы в судебном порядке.

Отказ во внесении сведений об общественном объединении в реестр не является препятствием для повторной подачи заявления о внесении сведений об общественном объединении в реестр после устранения замечаний.

Исключение сведений об общественном объединении из реестра осуществляется по следующим основаниям:

подача соответствующего заявления общественным объединением;
ликвидация общественного объединения.

Статья 15. Порядок проведения поисковой работы в Оренбургской области и за ее пределами

Порядок проведения поисковой работы на территории Оренбургской области и за ее пределами определяется путем разработки положения, утверждаемого Правительством Оренбургской области.

Статья 16. Формы поисковой работы

Формами поисковой работы являются:

изучение документов, содержащих информацию о местах ведения

боевых действий и воинских захоронениях;

опрос населения и изучение местности в предполагаемых местах проведения поисковой работы;

выявление неизвестных воинских захоронений;

розыск на местах боевых действий непогребенных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, и их последующее захоронение (перезахоронение);

установление имен погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, останки которых найдены в ходе проведения поисковой работы, поиск их родственников;

информационная деятельность (в том числе через средства массовой информации) по вопросам, связанным с увековечением памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов.

Статья 17. План проведения поисковой работы

Поисковая работа проводится в соответствии с планом проведения поисковой работы, утверждаемым ежегодно Правительством Оренбургской области.

План проведения поисковой работы на территории Оренбургской области и за ее пределами формируется на основании предложений исполнительного органа государственной власти, обеспечивающего реализацию государственной молодежной политики на территории Оренбургской области, уполномоченной организации и поисковых объединений, входящих в реестр поисковых объединений.

Предложения в план проведения поисковой работы должны содержать:

- 1) наименование муниципального образования, на территории которого планируется проведение поисковой работы;
- 2) наименование поискового объединения и (или) поискового отряда, непосредственно участвующего в поисковой работе;
- 3) предполагаемое число участников поисковой работы;
- 4) сроки проведения поисковой работы;

- 5) вид поисковой работы;
- 6) источники финансирования и стоимость поисковых мероприятий.

Предложения в план проведения поисковой работы формируются и представляются в уполномоченную организацию не позднее 1 декабря текущего года.

При утверждении плана проведения поисковой работы уполномоченная организация совместно с поисковым объединением согласовывает с соответствующими органами местного самоуправления, а также правоохранительными органами следующие вопросы:

- 1) расположение лагеря поискового объединения;
- 2) порядок проведения поисковой работы;
- 3) обеспечение общественного порядка;
- 4) порядок охраны мест проведения поисковой работы.

Статья 18. Привлечение к поисковой работе несовершеннолетних лиц и лиц, не прошедших специальную подготовку

В местах, где велись боевые действия, несовершеннолетние лица и лица, не прошедшие специальную подготовку, привлекаются к проведению поисковой работы только под руководством поисковиков. К проведению эксгумации несовершеннолетние лица и лица, не прошедшие специальную подготовку, не привлекаются.

Статья 19. Ограничения при проведении поисковой работы

Физические или юридические лица в случае обнаружения при проведении хозяйственных работ неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов обязаны сообщить об этом в органы местного самоуправления.

Органы местного самоуправления обеспечивают обследование обнаруженных останков и в случае признания их останками погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов сообщают об этом в органы военного управления, уполномоченную организацию и органы

внутренних дел.

Органы местного самоуправления принимают меры по обеспечению сохранности обнаруженных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов.

Строительные, земляные, дорожные и другие работы на месте обнаружения неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов возобновляются только по окончании проведения эксгумации.

Статья 20. Оформление результатов поисковой работы

В случае если поисковая работа завершается захоронением найденных останков погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, составляется акт о захоронении таких останков в трех экземплярах, который подписывается и заверяется печатями органа местного самоуправления и органа военного управления.

Первый экземпляр акта передается в орган местного самоуправления, второй экземпляр – в органы военного управления, третий экземпляр хранится в поисковом объединении, проводившем поисковую работу.

По окончании поисковой работы поисковое объединение представляет в органы местного самоуправления:

- 1) отчет о проделанной работе;
- 2) социально-демографические данные (списки) погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, имена которых установлены в ходе поисковой работы.

В случае обнаружения взрывоопасных предметов заявка на разминирование подается в органы военного управления. О факте обнаружения таких предметов сообщается в органы внутренних дел и территориальные органы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Статья 21. Организация специальной подготовки поисковиков

Специальная подготовка поисковиков осуществляется по программе, разработанной и утвержденной уполномоченной организацией.

Статья 22. Отчетность поискового объединения

Поисковые объединения предоставляют в уполномоченную организацию информационный и финансовый (в случае финансирования поисковой работы за счет средств областного бюджета и иных не запрещенных бюджетным законодательством Российской Федерации источников) отчеты о проведенной поисковой работе не позднее 14 дней после ее завершения.

Поисковые объединения в период с 20 октября до 1 декабря текущего года предоставляют в уполномоченную организацию отчет о поисковой деятельности за год.

Статья 23. Просвещение в сфере поисковой работы

Мероприятия по просвещению в сфере поисковой работы включаются в долгосрочные целевые программы Оренбургской области, содержащие мероприятия, связанные с проведением поисковой работы.

Представители субъектов поисковой работы участвуют в проведении уроков мужества и чтении открытых лекций, посвященных вопросам проведения поисковой работы.

Проведение мероприятий, указанных в абзаце первом настоящего пункта, согласуется с администрацией образовательного учреждения и может быть приурочено к памятным датам военной истории Российской Федерации.

Статья 24. Финансовое и материально-техническое обеспечение мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, поисковой работы

Расходы на проведение мероприятий, связанных с увековечением памяти погибших при защите Отечества, жертв войны и военных конфликтов, в том числе на устройство отдельных территорий, воинских захоронений и мемориальных объектов, исторически связанных с подвигами защитников Отечества, жертвами войны и военных конфликтов, а также на

организацию выставок и других мероприятий могут осуществляться за счет средств федерального бюджета, бюджета Оренбургской области и местных бюджетов в соответствии с компетенцией органов государственной власти и органов местного самоуправления, установленной действующим законодательством, а также добровольных взносов и пожертвований юридических и физических лиц.

Расходы на проведение поисковой работы осуществляются за счет текущего финансирования уполномоченной организации в составе областного бюджета, а также иных не запрещенных бюджетным законодательством Российской Федерации источников.

В соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период финансирование поисковой работы на территории Оренбургской области может осуществляться за счет средств федерального бюджета.

Статья 25. Вступление в силу настоящего Закона

1. Настоящий Закон вступает в силу через десять дней после его официального опубликования.

2. Статья 24 вступает в силу с 1 января 2020 года.

Губернатор Оренбургской области
г. Оренбург, Дом Советов